ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА № 42 ОКТЯБРЬ 1986

ВЕРШИНЫ ТОКАРЯ МАХОВА

НОВОЕ О ВЛАДИМИРЕ МАЯКОВСКОМ

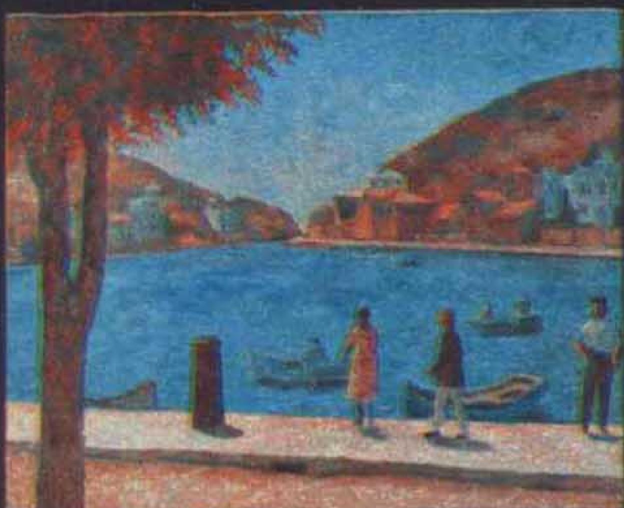
НАСТУПЛЕНИЕ НА АРИТМИЮ

СОКРОВИЩА ОРУЖЕЙНОЙ ПАЛАТЫ

ЦЫГАНСКАЯ ЭСТРАДА: ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

ХУДОЖНИК ФАЛЬК

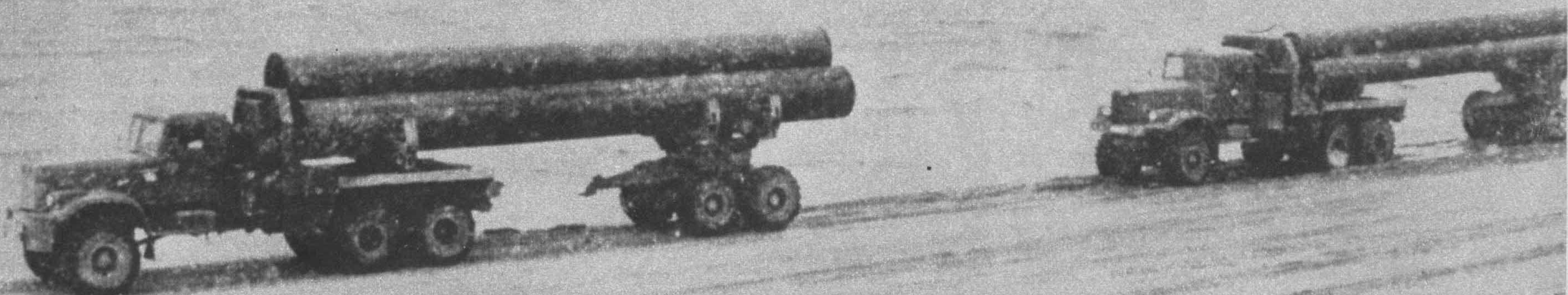
Борис
РЯЗАНЦЕВ,
фото
Александра
НАГРАЛЬЯНА,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

Торжественный миг таился в ажуре труб. Его отметили лишь стрелки счетчиков и часы — 3.40 местного времени. Газ пошел. На его пути не резали кумачовую ленту. Обошлось и без митинга. И вся обстановка казалась привычно будничной. Во-первых, сказывалась усталость. А во-вторых, ничто, пожалуй, так не скрывает движения, как неподвижный газопровод.

Обманчивая его статичность прячет мощный, нарастающий ход десятков миллионов кубометров газа в сутки. Да и

Бригада В. Мишакова: будем сжимать время.

Генеральный груз Ямбурга.

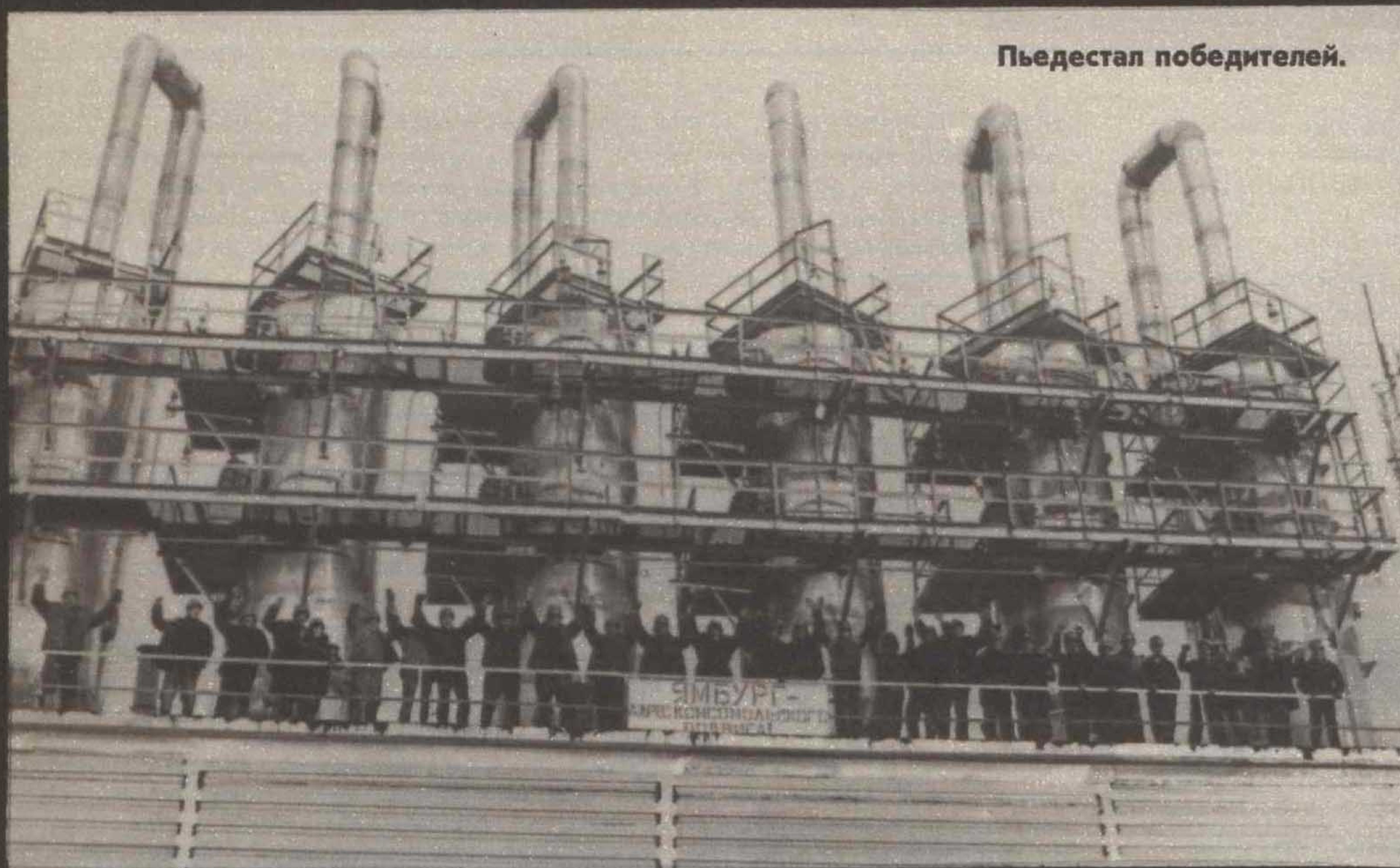
формального пуска не было. Даже слова этого избегали, предпочитая ему уклончивое «комплексное опробование». И в самом деле — прежде нужно обкатать в разных режимах оборудование. И лишь потом подписывать официальный акт о пуске.

И все же у людей был праздник: спадало напряжение, достигшее в последние дни наивысшего предела. Встречаясь на следующее утро, газовики сдержанно поздравляли друг друга.

См. стр. 4—5.

Перестройка: проверка делом

ГОЛУБОЙ ВЕНЕЦ ЯМБУРГА

Пьедестал победителей.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 42 (3091)

18—25 ОКТЯБРЯ

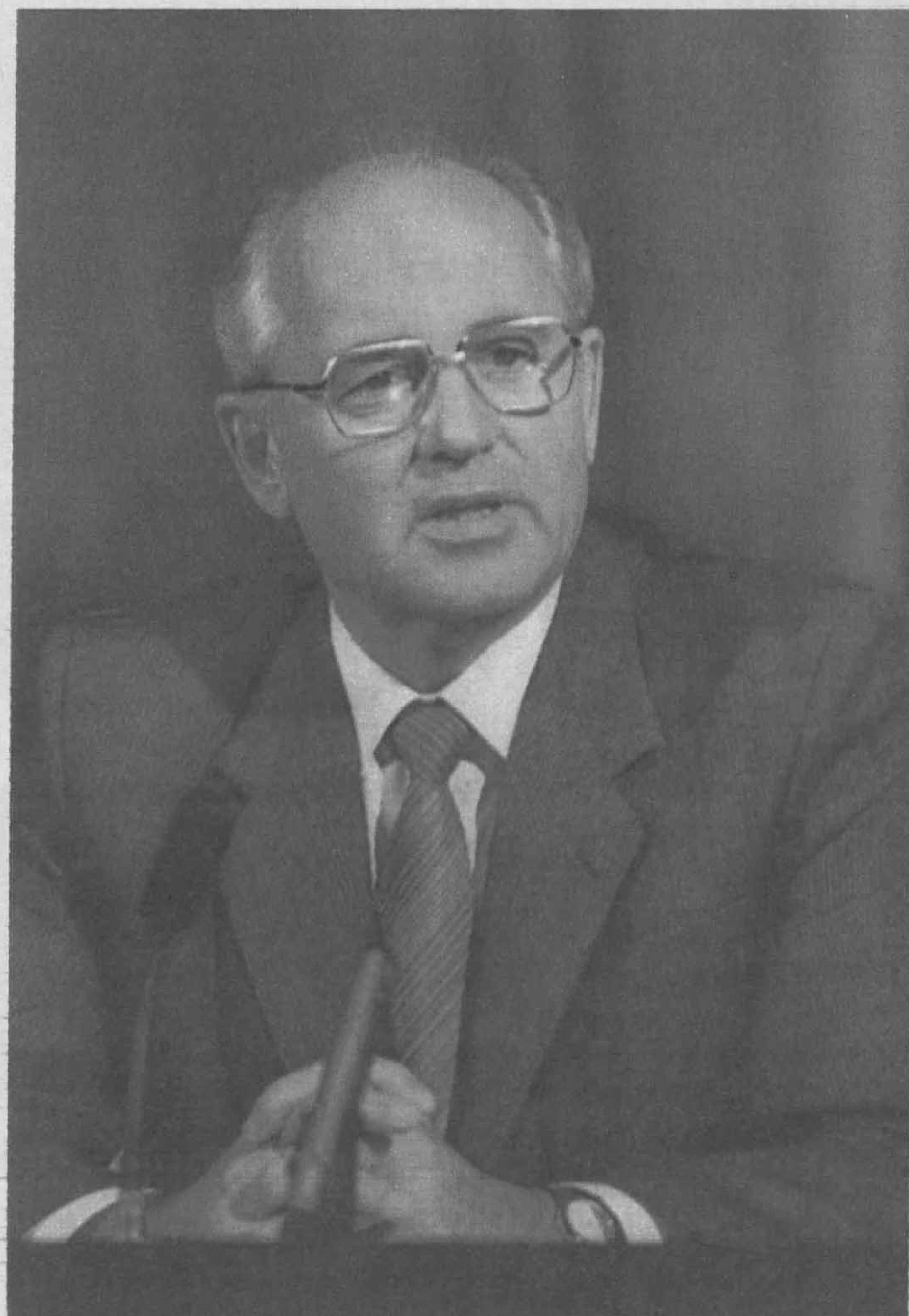
Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 212-15-39; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 29.09.86. Подписано к печати 14.10.86. А 100745. Формат 70 × 108 1/8. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 485 000 экз. Изд. № 2685. Заказ № 3640.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда». 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

событие недели

11—12 октября 1986 года в Рейкьявике — столице Исландии состоялась встреча Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева с Президентом США Р. Рейганом.

«Думаю, тем не менее, что все то, что состоялось здесь — а ведь были уже почти готовые договоренности, их только не удалось оформить,— имеет большое значение. Мы вносили свои предложения в пакете. Думаю, вы понимаете, почему это делалось. И сам путь, который мы прошли здесь, в Исландии, к таким крупным договоренностям о столь значительных сокращениях ядерного оружия,— это уже огромный опыт, который мы получили здесь, это огромные приобретения...

Приехав сюда на встречу, я сказал, что пришло время действий. Действительно, время действий настало, и нам нельзя его терять. Мы будем действовать. Мы от своей линии на мир, на борьбу против гонки вооружений, за запрещение и ликвидацию ядерного оружия, за то, чтобы отвести угрозу от всего земного шара, не отступим. И я уверен, мы в этой борьбе не одиноки».

М. С. ГОРБАЧЕВ

наш комментарий

Владимир НИКОЛАЕВ

разум восторжествует!

Незадолго до встречи в Рейкьявике М. С. Горбачев заявил, что у нас «одна цель — начать, наконец, реализацию наших договоренностей с президентом США, достигнутых в Женеве». Да, десять с лишним месяцев отделяют Рейкьявик от Женевы, где была конкретно сформулирована и поставлена как неотложная задача: предотвратить гонку вооружений в космосе и прекратить ее на Земле, ограничить и сократить ядерные вооружения и укрепить стратегическую стабильность.

Какой самый весомый вклад в решение этой проблемы был сделан за последнее время? Советский мораторий на все ядерные взрывы, который, безусловно, стал важнейшей политической и военной реальностью наших дней. Известно, как резко в сторону сокращения и прекращения гонки вооружений повернула эта реальность мировое общественное мнение. В соответствии с женевской договоренностью успешно завершилась стокгольмская конференция. О возможности плодотворного решения сложнейших вопросов говорят итоги Генеральной конференции МАГАТЭ в Вене.

Но тем не менее встреча в Рейкьявике была необходима, потому что основное, о чем договорились в Женеве,— предотвращение ядерной угрозы человечеству — с места не сдвинулось. В ответ на наш односторонний мораторий на ядерные испытания они в США продолжаются. Точно так же по-прежнему осуществляется программа «звездных войн», ведется подкоп под договоры ОСВ-1, ОСВ-2 и ПРО.

Известно, что в США по поводу проблемы разоружения сталкивается немало противоречивых взглядов и интересов, мы знаем мрачно звучащую шутку Рейгана, который как-то заявил: «Иногда в нашей администрации правая рука не знает, что делает крайне правая». А если эта крайне правая вдруг окажется на пусковой кнопке ядерного оружия? За встречу в Рейкьявике выступало немало руководящих лиц из ближайшего окружения Рейгана, но не менее влиятельные лица были против этих переговоров. Такими, мягко говоря, скептиками оказались, например, министр обороны Уайнбергер и директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению Эделман. А что поделаешь, если глава ведомства по разоружению не желает разоружаться? Американский журнал «Бизнес уик» писал в канун встречи в Рейкьявике: «Готовность Р. Рейгана беседовать с М. С. Горбачевым, по-видимому, приведет к новым распрям между сторонниками жесткого курса, и поэтому вполне возможно, что самые трудные переговоры для Р. Рейгана состоятся в его собственном лагере». Что ж, самим американцам

Во время пресс-конференции.

Телефото ТАСС

в данном случае виднее. Но в конечном счете речь идет о судьбе человечества, о том, быть ему или не быть. Именно этой озабоченностью объяснялось советское предложение о встрече в Рейкьявике. Мы видели, что гонка вооружений продолжается, что возможен ее новый виток. Наши предложения и шаги навстречу американской стороне находили у нее отрицательный отклик, нужно было переломить такой ход событий, нужен был новый импульс в советско-американских переговорах по проблемам сокращения вооружений. Для такого импульса и была необходима встреча на высшем уровне.

Выступая на пресс-конференции в Рейкьявике, М. С. Горбачев сказал, что мы приехали туда с целым пакетом конструктивных предложений. В ходе их обсуждения позиции обеих сторон стали сближаться, как никогда ранее. Открывалась реальная перспектива прийти к конструктивным решениям по самому главному вопросу — сокращению ядерных вооружений. В заявлении М. С. Горбачева на пресс-конференции и в его ответах на вопросы корреспондентов подробнейшим образом была изложена советская позиция на переговорах в Рейкьявике. Мы честно прошли свой путь к достижению цели, ради которой намечалась эта встреча.

Со своей стороны, американцы приехали в Рейкьявик с пустыми руками, с такими предложениями, от которых несло нафталином. Тем самым они продемонстрировали дефицит нового мышления. Как и раньше, они заняты бесперспективной погоней за призраком военного превосходства. Как и раньше, их переполняют имперские амбиции. Но развитие событий на современном этапе показывает, что время таких амбиций прошло, что мир не желает быть американской вотчиной. Пора американской стороне задуматься и осознать реальность нынешней ситуации, реальность расстановки сил.

Как известно, в Рейкьявике американская сторона еще и еще раз заявила, что Соединенные Штаты будут продолжать программу милитаризации космического пространства. Спрашивается, как же можно добиваться сокращения ядерных арсеналов на Земле, осуществляя безумную затею в космосе? Американские стратеги могут и дальше неустанно твердить о том, что их так называемая стратегическая оборонная инициатива служит созданию «щита» от ядерной угрозы. В самой Америке авторитетные лица, политики, дипломаты, ученые ответственно утверждают, что это отнюдь не «оборонная инициатива». Американский сенатор С. Нанн заявил, что программа «звездных войн» подвергнется в конгрессе еще большей критике, чем когда-либо. «Многие законодатели разделяют аргументы СССР в отношении СОИ»,— дополнила его телекомпания Эй-би-си.

Даже американские средства массовой информации считают, что причина провала переговоров заключается в нежелании Вашингтона отказаться от программы «звездных войн», которая, как пишет агентство ЮПИ, «выбила почву из-под конечной договоренности». Освещавшие встречу в Рейкьявике корреспонденты Эй-би-си высказали мнение, что «Советский Союз вышел из встречи моральным победителем». «Для многих, в том числе и для европейских союзников США, ответственность за провал встречи лежит на Рейгане»,— говорилось в специальном информационном выпуске телекомпании. «Перед лицом необходимости договариваться о значительном сокращении вооружений, в которых русские наиболее сильны — стратегических ракет,— без получения аналогичных уступок в вооружениях «звездной обороны» — вполне понятно, что Горбачев не мог на это согласиться»,— пишет итальянская газета «Мессаджеро».

После Рейкьявика в Вашингтоне должны крепко задуматься и прислушаться, если не к нам, то хотя бы к мировому общественному мнению, которое все решительнее выступает за устранение страшной угрозы, нависшей над нашей планетой. Советский Союз не одинок в своей борьбе за мир и безопасность и будет верен ей по-прежнему. «Генеральный секретарь ЦК КПСС,— заключает миланская газета «Коррьере делла сера» свой отчет о пресс-конференции М. С. Горбачева,— не захотел драматизировать. СССР, США и остальной мир, заявил он, продолжают существовать, и поэтому диалог должен продолжаться».

На пресс-конференции в Рейкьявике М. С. Горбачев сказал: «...Я думаю, что все реалистические силы в мире должны сейчас действовать. Все живущие на Земле — в социалистическом мире, в капиталистическом мире, в развивающемся мире — имеют сейчас уникальный шанс — наконец реально взяться за прекращение гонки вооружений, запретить ядерное оружие, уничтожить его и отвести от человечества ядерную угрозу. Этой задаче было подчинено и наше предложение Президенту — давайте договоримся о том, чтобы наши представители сразу по завершении встречи в Рейкьявике сели за переговоры по запрещению ядерных взрывов. Причем мы подошли гибко, заявили, что рассматриваем это как процесс, в ходе которого можно было бы рассмотреть на каком-то этапе, может быть, даже в первоочередном порядке, и вопрос о «порогах» мощности ядерных взрывов, и вопрос о количестве ядерных взрывов в год, и о судьбе договоров 1974—1976 годов и, таким образом, шли бы к разработке полномасштабного договора о полном и окончательном запрещении ядерных взрывов».

Мы верим, что разум восторжествует. Это полностью отвечает интересам как советского и американского народов, так и всех народов мира.

См. 2-ю обложку.

ГОЛУБОЙ ВЕНЕЦ ЯМБУРГА

ТУПИК НА СТАНЦИИ ОЗЕРНАЯ

Ямбург начинается в Новом Уренгое. В этом нет никакой оговорки, поскольку именно на уренгойской вертолетной площадке происходит великая перекочевка вахт. Десятки дюжих парней атакуют диспетчера. А она безысходно и устало оправдывается: нет погоды.

Ее нет пятый день. И вертолеты стоят, бессильно опустив лопасти. Метеослужба строга, тем более в условиях тундры. Арктика варит весьма неустойчивую погоду, которая меняется десятки раз на день. В случае ухудшения видимости, усиления ветра на курсе вертолет сажать опасно — топь.

Вот и маются целыми днями в диспетчерской газовики и строители. Не имея возможности отойти надолго, они нервничают, суетятся, теряя накопленные за время отдыха настроение и бодрость. Между тем в очередную вахту им предстоит работать по двенадцать часов.

Чтобы как-то облегчить на будущее гнетущее ожидание, рядом с диспетчерской срочно возводится здание, где люди могли бы переночевать, переждать непогожие дни. А они уже пошли частой чередой — зима ступила на тюменскую землю. Но даже эти меры, проникнутые подлинной заботой о людях, вряд ли способны хотя бы отчасти решить проблему стабильного вахтования. А вахтовый метод — один из трех «китов», на которых зиждется ямбургское ускорение. Вот что говорит по этому поводу заместитель министра газовой промышленности, начальник Главтюменгазпрома, Герой Социалистического Труда Е. Н. Яковлев:

— В нынешней пятилетке основной прирост добычи газа в стране будет обеспечиваться за счет Ямбургского месторождения. Но не менее важно и другое: сегодня Ямбург — грандиозный полигон по обкатке новых приемов организации работы. Вахтовое обслуживание промыслов, крупноблочное строительство, автоматизация добычи на основе микропроцессорной техники — вот принципиально новые методы, впервые комплексно применяемые министерством в таком масштабе. И первый результат эксперимента — досрочный пуск первого промысла...

К этому успеху мы еще вернемся. Тем более что он мог быть достигнут меньшими усилиями и заметно дешевле. Прошел почти год, как принято решение о вахтовом методе. Но до сих пор людей из Нового Уренгоя в Ямбург и обратно перебрасывают исключительно вертолетами. Один час МИ-8, между прочим, стоит около 800 рублей. При капризах погоды вертолет для кассы «Ямбурггаздобычи» обходится недешево. К тому же часть винтокрылов снабжена дополнительными баками для горючего и берет на борт вместо двадцати двух четырнадцать человек.

Как же так? С одной стороны, комплексный подход, строительство вахтового поселка на девять тысяч человек, передовая технология добычи. С другой — отсутствие транспорта, наиболее подходящего для полярных условий. Неужели нельзя было предусмотреть?

Оказывается, ничего в плане освоения газовых кладовых упущено не было. И в том числе строительство железной дороги Новый Уренгой — Ямбург. Длина ее свыше двухсот километров. Что может быть лучше — усадить вахтовую смену в ночной поезд, и к утру люди в тепле, с удобством доберутся до места. Но магистраль застопорилась у станции Озерной. (Читатель видит этот осиротевший «тупик» на снимке.)

С таким же успехом ее можно было бы окрестить и иначе. Поскольку ее и в помине нет. Как нет и двадцати двух километров пути, по которому, как следует из некоторых сообщений печати, в Ямбург уже идут грузы.

Мы видели этот разъезд. Шпалы лежат вкривь и вкось. На рельсах, ведущих в никуда, стоят пустые вагоны, как памятник победных реляций Минтрансстроя. Остается загадкой: как сумели докатить их сюда по дороге, сшитой на «живой» костыль?..

Видимо, нет нужды объяснять, насколько бы упростилась доставка людей на промыслы, насколько удешевилось снабжение строительства с пуском железнодорожной магистрали. Пока же подавляющая часть грузов поступает на Ямбург морем и рекой. Но Обская губа замерзает. Мы уже видели на берегу припай. Значит, близок конец навигации. И при том небывалом для здешних мест скоростном размахе, которого достигли ямбуржцы, вполне обоснованно опасение: хватит ли запаса материалов, оборудования, чтобы не потерять высоких темпов строительства?

Словом, для строителей, прошедших школу Уренгоя, здесь все нормально. Даже в условиях более неприветливого климата. И уже не кажется чудом установка комплексной подготовки газа — УКПГ-2, построенная на сваях в тундре и давшая стране первый ямбургский газ. А ведь она, напоминающая по внешнему виду и габаритам солидное химическое предприятие, прибыла из Тюмени своим ходом по воде. Точнее, прибыли блок-понтоны, плавучие узлы высокой степени готовности, изготовленные в объединении «Сибкомплектмонтаж».

Установка комплексной подготовки газа — наглядная реализация блочного метода строительства. Другой пример комплексного подхода к добыче газа — сращение восьми соседних скважин в единый куст. От каждого такого куста к УКПГ-2 тянутся шлейфы. На установке газ очищается от примесей, просушивается и охлаждается. Это необходимо для того, чтобы не растеплить вечную мерзлоту, не нарушить природного равновесия тундры и попутно не утопить газопровод.

Первенец Ямбурга набирает силу. Десятки миллионов кубометров газа уже достигли западного рубежа государства. А к промыслу тем временем подключаются новые кусты. На ближайшем из них работает бригада бурового мастера Владимира Мишакова из объединения «Кубаньморнефтегазпром». По норме на проходку скважины отведено 37 суток. Коллектив решил сократить этот срок на десять дней.

— Многие из наших ребят работают на Севере уже по нескольку лет,— говорит Мишаков.— Повидали всякого и вынесли немало. Научились и слово ценить. Даром лишнего не скажут. И раньше мы свои обязанности выполняли неплохо. Но тут, на Ямбурге, происходит что-то особенное. И масштабы громадные, и настроение окружающих необычное. Какое-то непривычно высокое. Хочется людям работать лучше, делать больше. Но, к сожалению, иногда просто досадные мелочи не дозволяют.

Перебрались мы сюда недавно, обжиться как следует не успели. Нет у нас, к примеру, токарного станка. Не будешь же из-за каждого болта вертолет снаряжать. Вот и пошел как-то к соседям, хотел запчастями разжиться. Они-то двумя установками действуют. Раз так — стало быть, с запасом люди. Куда там! У них, оказывается, один комплект на две буровых, пока одна в деле, другую монтируют. А запустить не могут.

Итак, первый промысел у Обской губы начал давать газ. Но ритм жизни, ритм работы не только не упал, но и ускорился.

Работает в тундре круглые сутки техника, идут по бетонке большегрузные машины. Ими управляют люди, уверенные в успехе задуманного. Недосыпают ночами наладчики аппаратуры на промысле, чтобы скорее перевести его с ручного режима на автоматизированный, а затем и полностью автоматический. Иначе говоря, на режим работы, который с недавнего времени начали называть безлюдным.

Все, чем строят, все, из чего строят, инструмент, материалы, оборудование, трубы различного диаметра, временные вагончики — «бочки», стационарные дома, продукты — словом, все и даже рабочие руки — с Земли. Так, подразумевая прописную букву, с ударением говорят на Ямбурге, подчеркивая оторванность полуострова от страны. Здесь в полевых условиях, без производственной базы с разносторонними возможностями практически невозможно сделать то, что на Земле сделать просто. И потому цена болта здесь на вес золота. И случается, что мелочь, пустяк тормозят работу, срывают сроки, гасят энтузиазм.

До Ямбурга 22 километра.

Бригадир СУ-1 сварочно-монтажного треста Миннефтегазстроя Иван Семенович Петренко знакомился с нами в чрезвычайно возбужденном состоянии. Когда успокоился, он объяснил свое возмущение:

— Судите сами. Наша бригада обслуживает большой по габаритам и сложный агрегат — базу трубосварки БТС-142. На ней мы должны сваривать из труб большого диаметра плети для трассы. Приехали, нашли оборудование, подобрали хорошее место, втащили тракторами и установили. Дошло дело до подключения — руки опустились. В одном электрошкафу какой-то поганец все диоды, триоды, трансформаторы поснимал. Ведь сорок два проводника обстриг! Должно быть, в пути, на железной дороге. Зачем? Кому потребовалось то, что может быть использовано только на автоматической электросварке? И линзы в оптическом устройстве

ПОЛИГОН УСКОРЕНИЯ

Своим названием Ямбург обязан схожему по названию ненецкому выражению, которое толкуется то ли как брусничная поляна, то ли как опасное болото. Известно, что олени в этих местах пастись не любили — обходили. Ягоды, однако, нынче было много. И болото не глубже других — техника проходит.

для корректировки сварки внутри трубы кто-то разбил.

Пришлось послать в Киев нарочного. Он, конечно, все доставит — Ямбургу отказа нет ни в чем. Но время идет. А мы должны сваривать по семь километров труб в смену! Неужели железнодорожники не могут у себя навести порядок? Дать по рукам жуликам и объяснить им, что здесь Север. Что холодно спать в «бочке», откуда кто-то по дороге украл печку и батареи...

Да, на полуострове происходит гигантский эксперимент. И как во всяком новом деле, могут появиться неучтенные вопросы. А итогом этого эксперимента явится освоение Ямала, который в будущем станет источником основного прироста газа в стране. И все, с кем пришлось говорить, сознают еще и то, что участниками дальнейшего освоения Арктики предстоит быть именно им.

ВАХТА СО ВСЕМИ УДОБСТВАМИ

В гостинице нам предложили переобуться в тапочки. После балков Сургута и времянок БАМа такой прием показался, прямо скажем, в диковину. На Ямбурге вообще очень многое отличается от привычных представлений о строительстве. Притерпелись к слякоти и хлябям, к времянкам, к вагон — городкам. Есть они, правда, и тут. Но основное их население — кочевой народ — строители.

Газовики устраиваются не в пример основательнее. И в споре между министерствами об условиях жизни людей, безусловно, выигрывает Мингазпром. В подходе к разработкам на Ямбурге решили сразу — никаких времянок. Люди здесь работают в условиях, которые и сегодня зовутся экстремальными. Летом топь и мошка, зимой жестокие штормы и что ни день слепая пурга. А труд такой, что и на Земле за подвиг почитается. Было бы просто безнравственно не отблагодарить тружеников благоустроенными жилищами, полноценным отдыхом!

И постепенно производственное объединение «Ямбурггаздобыча» переселяет своих работников в комфортабельные дома. А вагон-городок, основанный перводесантниками, под снос! Таково категорическое утверждение генерального директора «Ямбурггаздобычи» С. Т. Пашина.

«Бочки», разумеется, еще послужат. Они пригодятся под прорабки и бытовки на объектах, как столовые в карьерах и полевых условиях. Всего у газовиков их было 160, сейчас 120, а к Новому году останется сотня. Да и то ненадолго. Поскольку уже сейчас на причалах порта полным ходом идет разгрузка домов, приплывших по Северному морскому пути из Финляндии. А в одно время с нами прилетели и примеряли в гостинице тапочки финские специалисты, прибывшие руководить монтажом сооружений.

— В марте фирма ЮИТ,— говорит инженер Олли Куоппала,— заключила со Всесоюзным объединением «Союзвнешстройимпорт» для Мингазпрома один из самых своих интересных контрактов. В короткий и жесткий срок мы поставим и смонтируем в Ямбурге вахтовый поселок на 9 тысяч человек. В нем будут созданы все условия для жизни и отдыха людей в арктических условиях. В проекте учтено буквально все — от комфортабельных жилищ до культурно-спортивного центра, от хлебозавода и овощехранилища до очистных сооружений, от поликлиники и больницы до бани. Поставки завершатся летом будущего года...

Между тем такие двухэтажные здания в три подъезда уже стоят здесь на сваях, вросших в вечную мерзлоту. В них обычные отдельные квартиры, к которым привыкли в больших городах. Один из нас был немало озадачен, обнаружив в одной из них планировку, полностью совпадающую с его московским жилищем. В двухкомнатных живут по четверо, в однокомнатных — по двое. Мебель, горячая вода, ванная, туалет. Словом, все, к чему привыкли дома, все располагает к уюту и отдыху.

На возможный вопрос скептика о сказочке про рай в Арктике ответим сразу: условия отдыха в Ямбурге лишь отчасти будут компенсировать нагрузку, которую испытывают люди. А окончательное восполнение гарантирует межвахтовый период.

— Сегодня у нас вахтуется более пятисот человек,— говорит заместитель генерального директора «Ямбурггаздобычи» В. Н. Помазкин.— Это примерно четверть нынешнего нашего состава. Но постепенно весь коллектив будет меняться полностью, включая и администрацию объединения. Кстати, дублеры будут проходить хорошую практику самостоятельно, смогут готовиться к руководящей работе.

Через базовые города Новый Уренгой и Надым наши работники после вахты разных сроков в зависимости от специальности и должности отправляются в вахтовые города. Специальные рейсы Аэрофлота бесплатно доставляют их в Уфу, Краснодар, Свердловск, Киев, Харьков, Горький, Тюмень и другие города, откуда газовики за счет объединения едут уже непосредственно к своему дому. И по графику они возвращаются.

Мы стараемся максимально облегчить людям условия жизни в Арктике. Жилье вы уже видели, питание в наших столовых значительно удешевлено. А в будущем мы рассчитываем кормить наших работников бесплатно. В вахтовых городах им на льготных условиях будет предоставлена возможность вступить в ЖСК, и уже теперь — товары и продукты повышенного спроса.

В столовых Ямбурга готовят вкусно. Но больше всего нам понравился ямбургский хлеб. Его выпекает небольшая пекарня, в которой небольшим коллективом заправляет Ангелина Ивановна Денисова.

— Как получается у вас такой вкусный хлеб?

— Никаких секретов,— отвечает Ангелина Ивановна.— Даем выстояться тесту, выпекаем по технологии.

— С начальством не ругаетесь?

— Да как же не ругаться? Народу все больше прибывает, а мощности у нас ограниченные...

На Ямбурге многие ругаются, многие требуют. И все в интересах дела, в интересах будущего этого богатейшего края. А значит, в интересах всей страны.

Улетали на случайном «залетном» вертолете. Когда пассажиры отогрелись после долгого ожидания и успокоились, я услышал, как сосед тихонько напевает. Песня, видимо, была местная, на злобу дня. Удалось записать два куплета:

Нет борта до нового восхода,
Снег с туманом вяжут эту сеть.
Виновата снова непогода,
Потому что с ней не улететь.

То ли тут брусничная поляна,
То ли топь нехоженых болот.
Ямбург — явно перевод с изъяном,
И чего-то в нем недостает...

ПРЕОДОЛЕНИЕ

«Огонек» уже неоднократно рассказывал о событиях на Чернобыльской АЭС, о пожарных, шахтерах, вертолетчиках, работниках станции, представителях органов внутренних дел (№№ 25, 26, 38). Недавно наш корреспондент снова побывал в Припяти и Чернобыле. Сегодня мы знакомим вас с проблемами, трудностями и победами чернобыльцев.

Б. СОПЕЛЬНЯК,
специальный корреспондент «Огонька»

Фото автора

Четыре месяца не был я в этих местах. Если в июне, подъезжая к Чернобылю и особенно Припяти, волновался из-за того, смогу ли работать, не поглядывая ежеминутно на дозиметр, то теперь волнение было совсем другого рода: что увижу, что сделано за сто двадцать дней и ночей, встречусь ли со старыми друзьями? С друзьями, к сожалению, встретиться не удалось: сделав свое дело, они разъехались по домам, а на смену им прибыли другие, не менее мужественные парни.

Никогда не забыть, как яростно и азартно работали шахтеры, монтажники и бетонщики, сооружавшие фундамент под саркофаг. Тогда мы думали, что саркофаг — это своеобразный колпак, который накроет все здание четвертого блока. Когда я сказал об этом заместителю начальника управления строительства № 605 В. Н. Хапренко, он откровенно рассмеялся.

— Какой там колпак! Обыкновенная лестница с двенадцатиметровыми ступенями.

— Как это лестница? И зачем такие ступени? Кто по ним будет ходить?

— Ну это же так просто,— схватил карандаш Виктор Никитович. Потом передумал, швырнул его в сторону и решительно вскочил из-за стола.— Поехали. На месте виднее.

Автобус не спеша катил по ровной, широкой дороге. Время от времени он притормаживал, брал попутчиков. И это на той дороге, по которой мы летали пулей, стараясь быстрее проскочить опасную зону! Но больше всего меня поразило то, что с нами не было дозиметриста.

— А зачем он нужен? — спокойно отреагировал на мое замечание шофер.— Фон вполне приемлемый, опасных зон практически нет, так что ездим и даже ходим без особой опаски за здоровье.

Вот и труба, возвышающаяся над аварийным блоком. Сейчас покажутся развалины с зияющим кратером реактора.

— Стоп! А где же развалины? — воскликнул я.

— Никаких развалин здесь нет и в помине. И вообще, о чем это вы, о каких развалинах? —

явно вышучивая меня, спросил Виктор Никитович.

Мы выпрыгнули из автобуса и подошли... прямо к четвертому блоку, к машинному залу. Виктор Никитович на ходу здоровался с людьми. О чем-то расспрашивал, те спокойно отвечали. А потом он пригласил подняться... в само здание четвертого блока.

— Сверху саркофаг как на ладони,— сказал он.— Картина потрясающая. Но до смотрового окна триста двадцать пять ступенек. И без отдыха! Хоть фон там и небольшой, но задерживаться не рекомендуется.

В конце первой сотни до меня, наконец, дошло... Это же чистая фантастика! Сказал бы кто-нибудь в июне, что в октябре я буду ходить внутри четвертого блока, ни за что бы не поверил, а этого провидца счел бы сумасшедшим: на облицованном свинцом вертолете мы пролетали метрах в тридцати от здания, и вертолет так «простреливало», что зашкаливало дозиметры. А сейчас мы деловито пыхтим на лестнице, и единственная наша забота — не потерять ритм и не сбить дыхание.

— За стеной этого зала — реактор,— остановился Виктор Никитович.— Там тысячи рентген, а здесь... вот, смотрите, дозиметристы написали мелом, сколько здесь.

— Всего три сотых.

— А как эту стену делали! Из укрытия выскакивал человек с лопатой раствора — шлеп! — и назад. За ним выбегает парень с кирпичом — бац! — и в укрытие. Считали каждую секунду.

— Эти, что ли, кирпичи? — показал я на груду серовато-черных брусков.

— Они.

— Ну-ка попробую, как с ними бегать.

На вид брусок пористый и кажется легким. Но когда я его взял, пришлось поднатужиться: кирпич тянет килограммов на двадцать. Как работали, как бегали ребята с такой тяжестью по шатким лесам, не ухом, а сердцем слыша тиканье секундомера, представить можно, но сделать то, что сделали они, может далеко не каждый.

И снова покрытые пластиком ступени — это для того, чтобы легче мыть, а делают это по нескольку раз в день,— начинающиеся с нуля цифры излучения, бегущие навстречу и обгоняющие нас люди.

— Все, пришли,— выдохнул Виктор Никитович, останавливаясь около небольшого оконца из толстенного стекла.

Я глянул вниз и обомлел! Где-то внизу сверкающая алюминием крыша машинного зала, а чуть в стороне какое-то странное перекрытие из огромных труб.

— Под ними — кратер реактора,— как-то буднично заметил Виктор Никитович.— А правее — сам саркофаг.

— Вот эти ступени и есть саркофаг? — недоверчиво уточнил я.

— А что, не нравится? — ревниво осведомился он.

— Почему же, очень даже красиво. Но я представлял себе нечто циклопическое...

— Оно и есть циклопическое, то есть по силам только мифическим гигантам. Но наши ребята оказались куда сильнее. Начали мы с биологической стены. На расстоянии восьмидесяти метров от разрушенного реактора забетонировали прямо на рельсах железнодорожные платформы со специальными металлоконструкциями. Это была по-настоящему героическая работа! Спрятаться негде, бетон застывает, а в зоне разрешено находиться не больше трех минут. Ничего, стена получилась хоть невысокая — всего пять метров, но спрятаться за ней можно. Подогнали бетононасосы. За двадцать дней вместо шести месяцев по норме собрали огромный кран с вылетом стрелы сто пятьдесят метров. А знаете, за сколько суток поставили бетонный завод? Не поверите, за девятнадцать! И вообще рекорды здесь стали нормой. Первую ступень каскада — а это стена шириной семьдесят и высотой двенадцать метров — сделали довольно быстро. Со второй пришлось повозиться. Чем выше, тем труднее, и прежде всего потому, что ближе к реактору. Общая высота каскада, или, если вам угодно, саркофага, пятьдесят три метра, и состоит он из пяти ступеней. Работа шла круглосуточно. В саркофаг уложено триста тысяч тонн бетона и семь тысяч тонн металла.

— Теперь все ясно. С трех сторон реактор окружают сохранившиеся стены здания, а с четвертой сооружен железобетонный монолитный каскад, который заменит разрушенную взрывом стену. Но как закрыть реактор сверху?

— Закрыли. Прежде всего мы укрепили пострадавшие вверху стены блока, надев на них опорные конструкции,— мы их называем «зубы». На них уложили мощные балки перекрытий. А уже сверху — двадцать семь сорокаметровых труб диаметром больше метра.

— Вижу, вижу... Так что же, крыша, можно считать, готова?

— Не совсем. На трубы уложим либо свинец, либо бетон, либо и то, и другое вместе. Но это чуть позже. Дело в том, что реактор нельзя закрывать плотно, он должен дышать. Не случайно мы подняли крышу на двадцать метров выше кратера: из этой пустоты мощные насосы отсасывают воздух, гонят в фильтры и потом в вентиляционную трубу.

— А что это за флаг на вентиляционной трубе? Как он там оказался?

— Ну, это особая история. Труба была очень грязная, ее просто необходимо было очистить от зараженного мусора. Это сделали курсанты пожарно-технических училищ. Отчаянные ребята. Когда работа была сделана, в знак победы на трубе прикрепили красный флаг.

Конечно же, я загорелся и начал расспрашивать, как найти этих ребят.

— Не знаю,— развел руками Виктор Никитович.— Как говорится, не мое ведомство.

Но я не сдавался. На след напал довольно быстро. Но об этом позже...

В тот день мне здорово повезло: руководитель работ по монтажу перекрытий над реактором Никифор Ксенофонтович Страшевский разрешил поработать на том самом гигантском кране, который является в самом прямом смысле слова руками Никифора Ксенофонтовича.

— Кран у самой стенки блока,—сказал он.— Фон там приличный. Но кабина выдерживает до тысячи рентген, так что ребята в безопасности. Бегать быстро умеете? — спросил он.

Я кивнул.

— Постарайтесь побить личный рекорд,— без тени улыбки сказал он и взял микрофон.— Бойко, Иванякин, приоткройте дверь. Направляю корреспондента. На старт! — скомандовал он мне.

Команды «Марш!» я не ждал и, грохоча сапогами, помчался к подъемному крану. Не знаю, побил ли я личный рекорд, но двести метров промелькнули за один миг. Массивная, похожая на дверцу старинных сейфов дверь кабины была приоткрыта. Я нырнул в безопасную прохладу и... оказался перед экранами двух телевизоров. Главный инженер участка Владимир Бойко и крановщик Валерий Иванякин торопливо поздоровались и снова прильнули к экранам.

— Ксенофонтыч,— бросил в микрофон Бойко,— наводи. Мне плохо видно, наверное, дождь залил телекамеру.

— Хорошо. Давай чуть вправо. Еще. Теперь вниз. Еще вниз. Стрелу не трогай!

— Понял, работаю гаком. Валера, что у тебя? Могу опустить только на метр.

— Нормально. Давай вниз.

— Стоп! — раздался голос Страшевского.

Вскоре я понял суть этой ювелирной работы. Устанавливалась огромная балка перекрытия весом более ста пятидесяти тонн. Эта махина раскачивается на высоте шестидесяти метров, и опустить ее нужно точно на «зуб». Ни «зуба», ни балки крановщик не видит, но их видит с помощью телекамер, установленных на стреле и на крыше блока, руководитель работ. Он-то и дает команды крановщику, который все эти «виры» и «майны» должен выполнять так же точно, как, видимо, операторы, которые когда-то управляли луноходом.

Есть! Балка на месте. Но как снять удерживающие ее тросы, или, говоря языком профессионалов, расстропить? Человека туда не пошлешь: работа идет прямо над кратером реактора. Придумали, на месте придумали расстропляющее устройство, которое отцепляет тросы. Но вот ведь беда, один трос перехлестнуло, и он петлей зацепился за какой-то выступ. Как спокойно, четко, без криков и воплей работала вся бригада! На экране хорошо видно петлю, ее нужно распутать и развязать. Для этого нужны руки, а у ребят длиннющая штанга, раскачивающаяся где-то в поднебесье. И все же петлю удалось сбросить с выступа. Когда трос освободился и начал выписывать победные вензеля, тесная кабина чуть не взорвалась от радостного «Ура!».

Возвращался я уже по лужам: зарядил нудный осенний дождь. Но работа не прекращалась ни на минуту, работа спокойная, несуетливая, очень и очень ответственная.

* * *

А моя дорога лежала в Припять. Четыре месяца назад город был абсолютно пустой, если не считать милицейского наряда из трех человек и меня. Тогда обстановка была настолько сложной, что мы не везде могли ходить, на некоторых улицах приходилось подниматься в бронетранспортер, чтобы не получить излишнюю дозу облучения.

Теперь в городе людно. Откуда-то даже появились кошки и собаки. Они ходят около людей, не решаясь подойти совсем близко: вынужденная свобода отучила их от человеческого тепла, но природа берет свое... Люди же заняты на первый взгляд довольно странным делом: сортируют пальто, шубы, костюмы, сапоги, домашнюю утварь. Жить постоянно в Припяти пока что невозможно, но уровень радиации упал настолько, что кое-что разрешено вывезти. И хотя государство выплатило всем переселенцам денежную компенсацию за утраченное имущество, предпринят еще один гуманный шаг: разрешено взять из своих квартир то, что не несет опасности для здоровья людей. Дозиметристы тщательно измеряют уровень зараженности каждого сапога, каждой кофты, и, если цифры не превышают допустимых, вещи можно вывозить.

Распахнулись и ворота гаражей. Я видел, как одни счастливцы уезжали на своих машинах, а другие с грустью снимали номера, оставляя свои «Москвичи» и «Жигули» на площадке отстоя,— этим автомобилистам будет выплачена компенсация.

— Более четырнадцати тысяч человек побывало в своих квартирах,— рассказывает дежурный по Припятскому городскому отделу внутренних дел лейтенант И. Гутовский.— И все хоть что-то, но вывезли в свои новые дома. Никто не ворчит, не жалуется, не скандалит, все с пониманием относятся к нашей работе, а ведь именно наши сотрудники порой не отдают любимую шубу или шапку.

— Когда много народу, гораздо легче затеряться паршивой овце. Случались ли кражи, было ли мародерство?

— К сожалению, было и то, и другое,— вступает в разговор сотрудник угрозыска капитан милиции Ю. Кравченко.— В основном этим грязным делом занимаются шоферы, те самые шоферы, которые посланы сюда различными организациями, чтобы помочь припятчанам вывезти свое имущество. Так вот, пока люди упаковывают вещи в своих квартирах, эти выродки упаковывают вещи в чужих квартирах. Недавно мы задержали двух типов, совершивших шесть квартирных краж. Они не гнушались ничем, тащили телевизоры, фотоаппараты, ношеные вещи и даже кухонные полотенца. Арестовали и других «деятелей», которые забирались в магазины и на склады. Эти тащили телефонные аппараты, сигареты, конфеты, продукты. Самое ужасное то, что они ухитрились все это бесконтрольно вывезти за пределы тридцатикилометровой зоны. Я подчеркиваю, бесконтрольно. Само собой, краденое они пытались реализовать, на этом и попались. А уровень зараженности и сигарет, и продуктов был гораздо выше нормы. Вы понимаете, чем это чревато?!

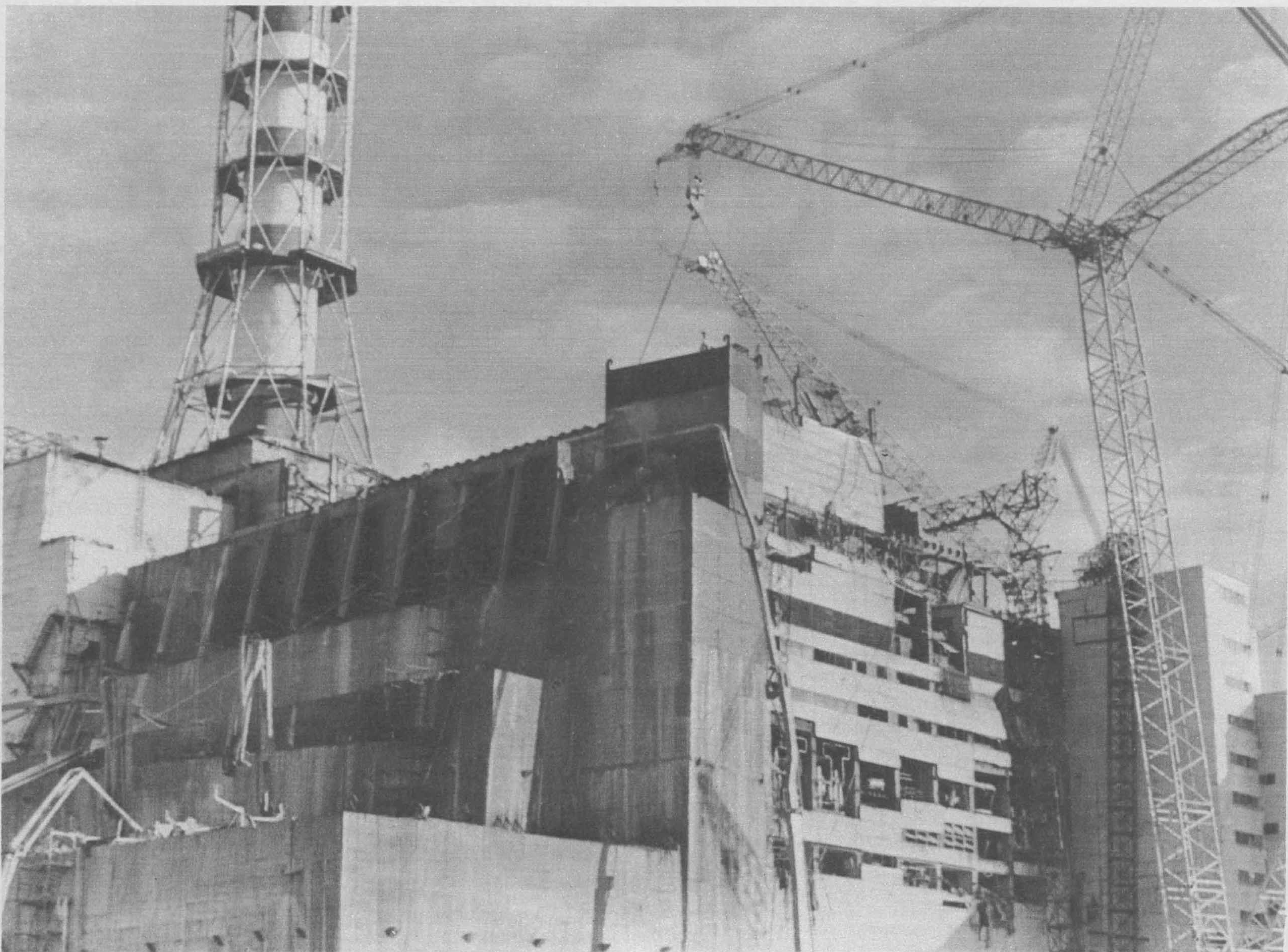
— Еще бы! Это понятно каждому нормальному человеку. Но ваши «клиенты», они что, совсем недочеловеки?

— Видимо, да. Но меня поражает и другое. Ведь страна направляет сюда лучших из лучших, во всех коллективах люди борются за право работать на ликвидации аварии Чернобыльской АЭС, а руководители иных предприятий, видимо, избавляются от дряни: почти все попавшиеся или имеют судимости, или задерживались милицией за всевозможные проступки. Думаю, что после суда над преступниками надо направить частные определения в адрес этих горе-начальников.

— Я здесь всего месяц,— продолжает представитель БХСС подполковник милиции В. Ф. Момот, — и столкнулся с показательным фактом. Просматривая сводки за май — июнь, я не обнаружил ни одного факта пьянства и тем более самогоноварения. Теперь неведомо каким образом образовался и этот нарыв. Сначала сотрудники ГАИ обратили внимание на то, что на дорогах заметно увеличилось количество аварий, и почти все совершены пьяными водителями. Между тем в тридцатикилометровую зону не ввозится ни одной бутылки спиртного. Пришлось заняться этой проблемой. Оказалось, что в различных селах действуют подпольные винокурни. На сегодняшний день мы выявили шестнадцать очагов самогоноварения, конфисковано множество самогонных аппаратов, десятки литров самогона и многие тонны заквашки. Двадцать четыре человека привлечены к различным видам ответственности. Когда мы беседовали с односельчанами задержанных, выяснилось, что подпольный промысел самогонщиков для многих не был секретом. Более того, многие охотно пользовались их продукцией. По своей линии мы будем работать дальше и работать будем решительно. Но я хочу призвать на помощь и общественность: только вместе, только сообща мы можем покончить с этим злом.

* * *

Дни шли, а я все никак не мог разыскать пожарных, которые работали на трубе. Сложность была в том, что здесь никто не трудится постоянно: отработав положенное время или выполнив какое-то конкретное задание, люди уезжают домой. Так и здесь, одни об этой операции ничего не знали, так как только что прибыли в Чернобыль, другие что-то

Ступени саркофага

слышали, но кто работал наверху, понятия не имели, третьи знали все, но уже уехали из зоны. Наконец, я нашел человека, который знал все. К сожалению, он знал даже слишком много: именно от майора внутренней службы В. М. Шпака я услышал огорчительную весть, что все ребята, работавшие на трубе, уже разъехались по домам. Короче говоря, мне ничего не оставалось, как рассказать об этой операции в изложении Вячеслава Михайловича.

«Крыша четвертого энергоблока на 76-метровой высоте. От нее начинается вентиляционная труба, которая поднимается еще на 74 метра. То есть от земли труба возвышается на 150 метров. Еще при строительстве АЭС для технических нужд на трубе сделали пять кольцевых площадок, что-то вроде балкончиков из металлических прутьев. Во время взрыва на эти балконы выбросило довольно много радиоактивного вещества. Короче говоря, труба фонила так сильно, что не давала возможности работать на уже расчищенной крыше.

Кран на эту высоту не достает, да если бы и доставал, как убрать тот треклятый мусор? Значит, нужны были люди, нужны были добровольцы. Бросили клич. Как раз в это время у нас работали пожарные из Ворошиловграда. Двадцать человек шагнули вперед. Но когда их обследовали врачи, всем пришлось, если так можно выразиться, сделать шаг назад: у ребят уже были немалые дозы облучения.

И тогда родилась идея обратиться в пожарно-технические училища и пригласить для проведения этой операции спортсменов-разрядников, причем не легкоатлетов или штангистов, а парней, умеющих бегать по вертикали и не боящихся высоты. Пожарно-прикладной вид спорта воспитывает именно эти качества, поэтому мы попросили «прикладников». Через день курсанты из Харькова и Львова были в Чернобыле. Ребята легкие, быстрые, цепкие, с такими чертиками в глазах, что я сразу понял: если эту работу не сделают они, ее не сделает никто.

Как в каждом серьезном деле, так и здесь, кто-то должен быть первым. У нас первому предстояла сверхсерьезная задача: провести радиационную разведку на всех площадках. Мы уже подсчитали, что дольше 25 минут находиться на трубе нельзя, поэтому договорились так: на 23-й минуте включаем сирену — это значит, что надо все бросать и как можно быстрее вниз. Замечу, что скобы, по которым надо бегать, тоже «грязные». На разведку пошел харьковчанин Виктор Сорокин. Одели его, как полагается, в свинцовые трусы и рубашку, сверху тоже специальный костюм, на руки — свинцовые перчатки, на глаза — черные очки. Само собой, снабдили дозиметром и рацией, чтобы он передавал данные радиационной обстановки на разных уровнях.

Как истинный спортсмен, перед стартом Виктор слегка размялся, освоился в 20-килограммовом костюме и по команде взлетел на трубу. Красиво он шел, очень красиво! Отметка 94 метра — самая грязная. Ее Виктор проскочил с ходу, но передать ничего не смог: из-за сильной радиации рация вышла из строя. На отметке 101 метр радиация была чуть меньше, на 113 — еще меньше, на уровне 125 и 137 метров радиоактивного мусора совсем мало, а на самой верхней, 150-метровой отметке, его практически не было. Чтобы можно было поднимать инструмент, Виктор привязал веревку — и вниз. На разведку ушло 22 минуты.

Теперь картина была ясная: на пятой площадке можно работать 25 минут, на четвертой — 20, на третьей — 15, на второй — 10 и на самой нижней — всего 7 минут.

На следующий день составили пары и начали работу. Роман Кушхов и Виктор Горбенко помчались на 137-метровую высоту. Они работали так лихо, что расчистили не только свою, но и часть четвертой площадки. Комья бетона, графита и прочей чертовщины сбрасывали прямо в кратер реактора. Когда спустились, то выяснилось, что работать штыковыми лопатами неудобно. Анатолий Фролов и Виктор Зубарев захватили совковые. На пятнадцатой минуте сломался черенок одной лопаты, но ребята свое дело сделали: большие куски они просто брали руками и сбрасывали вниз. На третьей площадке работали три, а на второй четыре пары. На первую пошли майор Судницын и курсант Авраменко. Семь минут казались вечностью! Извините, что говорю красиво, но это так: мы знали, какой высокий уровень радиации на этом балконе, да и реактор рядом. К тому же часть того, что сбрасывали сверху, упала совсем рядом, на крышу. Но вот взвыла сирена! Все, дело сделано. В знак победы на 150-метровую отметку был поднят красный флаг. Как ждали его стоящие внизу! Ведь за ребят «болели» все, кто в этот день был у четвертого блока. Думаю, что ни один спортсмен, какую бы он ни взял высоту, какой бы ни поднял вес, не удостаивался такой благодарности и такого восхищения немало повидавших во время работы на АЭС мужчин! Я не знаю, какие вручат ребятам кубки и грамоты, но то, что они мастера советского спорта в самом высоком смысле этого слова, бесспорно».

Вот, собственно, и весь рассказ об этой беспримерной операции, о необычном рекорде. Думаю, что руководители соответствующих спортивных организаций рассмотрят результаты этого, если так можно выразиться, забега на 150-метровую трубу четвертого блока и по-своему оценят эту победу, которая была очень нужна всем, кто работает на ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС.

МИРНОЕ НЕБО

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

«В голубом просторе». Картину создал живописец Аркадий Александрович Рылов. В этом холсте с редкой художественностью и цельностью воплощена метафора свежести, движения вперед, полета.

Небольшое полотно. Но в нем отражен огромный мир планеты Земля, пронизанный радостью.

Мирное небо. Как оно желанно людям во все века, а особенно ныне!

Тишина. Неспешно, величаво выплывают в бирюзовом небосводе тяжелые струги облаков. Стремительно летят белые лебеди. Волнуется океан. Катит гряды свинцово-синих волн. Пустынен, неприютен скалистый заснеженный берег. Далеко, у горизонта, белопарусный корабль.

Свободно дышится, глядя на мирный, озаренный солнцем пейзаж.

Не верится, что этот гимн радости написан в грозное, тревожное время, которое тогда испытывала наша Отчизна. Ведь шла гражданская война. В Петрограде жилось нелегко. Было холодно в мастерской. Трудно с продовольствием. Но Аркадий Александрович Рылов создает картину-мечту, которую лелеял не один год.

Полотно было апофеозом его творчества. Художнику удалось передать тот взлет, который дал России Октябрь...

...В селе Истобенском близ Вятки в 1870 году родился Аркадий Рылов. Его детство, юность прошли в русской северной глубинке.

Жизнь у костра. Рыбалка. Дикая, нетронутая природа — так вспоминает свое отрочество Рылов. И эти незабываемые ощущения отрочества навсегда запали в сердце будущего живописца. Воспитали любовь к краскам, освещению, волшебным переменам состояния пейзажа.

Когда в 1894 году Аркадий выдерживает экзамен в Петербургскую Академию художеств, то его духовный мир вятича, влюбленного в родную природу, обретает школу. Его профессором становится Архип Иванович Куинджи, прекрасный пейзажист, прогрессивный человек. Он воспитывает в своих питомцах культуру, прививает навыки мастерства.

Когда Рылов уже после окончания академии создал в 1904 году «Зеленый шум» — великолепный пейзаж-картину, он сразу обрел известность и славу. Что было вовсе не просто.

Недавно жил и творил Исаак Левитан. Его лирические, глубоко интимные полотна чаровали всех... Рядом с ним писали пейзажи Константин Коровин, Юон, Остроухов, Аполлинарий Васнецов, Жуковский...

Но Рылов в «Зеленом шуме» потряс воображение зрителя первичной сокровенностью своего дара, его музыкальностью. Картина звучала. В ней будто слышалось пение ветра, шум листвы берез.

Но главная картина Аркадия Рылова была впереди. Ей предшествовали годы труда и исканий.

«В голубом просторе» — не быстрый этюд с натуры на пленэре. Хотя иные этюды бывают художественнее салонных придуманных ландшафтов. Творение Аркадия Рылова — выношенное, выстраданное создание искусства. Такие холсты — дети своей эпохи. Верится, что когда-нибудь отдаленные потомки будут с восторгом и изумлением рассматривать подобные картины как бесценные свидетельства рождения новой эры в истории человечества.

Заслуженный деятель искусств РСФСР, ленинградец Аркадий Александрович Рылов прожил шестьдесят девять лет. Он оставил соотечественникам богатое художественное наследие. Десятки его лучших пейзажей: «Зеленый шум» (1904), «Полевая рябинка» (1922), «Зеленое кружево» (1928), «На природе» (1933), «Трактор на лесных работах» (1934), «Домик с красной крышей» (1933) — украшают крупнейшие музеи и картинные галереи страны.

...Рылов любил свой талантливый народ, он верил в его дар.

Вот отрывки из его небольшой статьи «Галерея одаренных художников»:

«Тысячи художников-самоучек представили свои работы в Русский <музей> для первомайской выставки народного творчества. Эти тысячи произведений свидетельствуют о том, как глубоко внедрилась в массы трудящихся нашей страны любовь к искусству, как велика у нас потребность заполнить свой досуг искусством, украшать свои жилища. Рабочие и инженеры, служащие, домашние хозяйки, красноармейцы и краснофлотцы, студенты и дети прислали на выставку свои произведения...

Среди художников-самоучек есть особо одаренные, которым следует помочь, создав для них необходимые условия для занятия искусством...

На выставке особый интерес представляют картины и скульптуры студентов Института народов Севера: ненцев, гольдов, чукчей и др. Их искусство отличается лаконичностью, выразительностью, остротой.

Замечательно, конечно, детское творчество...

Нам, художникам-мастерам, есть чему поучиться у даровитых художников, вышедших из народа».

Как современны эти слова, написанные полвека тому назад.

1862 год. В деревне Егорово Рязанской губернии родился Абрам Архипов. Семья его бедствовала. Мальчик жил «грязно и бедно... сени грязные, под сенями свинья...».

С детских лет Абрам пристрастился к рисованию. Школьный учитель обратил внимание на его недюжинный дар. И вот впервые за пятнадцать лет отец берет с собою сына в Москву.

«Как сейчас вижу этого белокурого мальца, подстриженного в кружок, одетого в деревенскую поддевочку коричневого цвета» — так рассказывает современник о пареньке Архипове... Случилось чудо. Рисунки Абрама Архипова — живые, непосредственные — заметили маститые Перов и Поленов.

Молодой художник был зачислен сразу во второй головной класс... Так удивительно, почти сказочно легко начал свой путь в искусстве будущий народный художник РСФСР.

Учеба шла успешно. Архипов регулярно получает медали и награды. Трудится неустанно. В конкурсной работе «Посещение больной» он рассказывает о неутешном крестьянском горе в старой России. Абрам Ефимович получает за эту картину звание классного художника.

Первые полотна Архипова были несколько подражательны. Они напоминали работы некоторых передвижников. Но уже в картине «По реке Оке» (1889) Абрам Ефимович дал волю своему дару живописца. Холст написан густо, размашисто.

Не всем понравилась такая манера молодого художника. Ретрограды говорили: «Картина г. Архипова невелика и могла бы быть выписана не одними намеками, пора от этой одной манеры отказаться и не делать половиков вместо картин...»

В 1896 году живописец пишет «Обратный». Это картина — поэма. Молодой ямщик под утро гонит коней. Спешит домой. Степь, ранняя зорька, звенит колокольчик. Холст глубоко лиричен... Рассказывают, что Левитан долго-долго не отходил от этой работы Архипова. А потом громко трижды повторил: «Хорошо! Хорошо! Хорошо!» Такое случалось с ним не часто.

На пороге XX века Абрам Ефимович создает своих ставших знаменитыми «Прачек», страшную картину быта городской бедноты. Тесно, сыро. Тускло брезжит бледный мерцающий свет. В волглом пару — согбенные фигуры прачек. Этот холст — художественный документ обличающей силы.

Прогрессивная критика высоко оценила «Прачек». Это было продолжение традиций критического реализма «Бурлаков» Репина, работ Ярошенко, Касаткина...

Вот что писала «Петербургская газета»: «Картина А. Е. Архипова небольшая, но из-за нее одной стоит сходить на Передвижную выставку...»

...Революция помогла Архипову полностью раскрыть свой дар колориста. Он творит неподражаемую по сочности письма, мастерству, мажорной характеристике сюиту крестьянских женщин — рязанских, тверских, тамбовских.

Надо заметить, что на первый взгляд Архипов где-то повторяет картины Малявина. Но вглядитесь. Они очень разны. В «бабах» Малявина превалирует стихия, гордыня, одержимость. В них много символического.

Крестьянки Абрама Архипова, ничуть не потеряв в своей красочности, обрели большее добродушие и открытость, душевный покой.

«Девушка с кувшином», написанная в 1927 году,— жемчужина этой превосходной сюиты. Стихия полыхающих розовых, пунцовых, рдяных колеров на платье и фартуке девушки. Сама она румяная, в алой пестрой косынке — воплощение радушия. Прищурены лукавые глаза. Блестит улыбка. За окном жаркий полдень.

Темпераментная манера нисколь не нарушает форму. Прекрасен общий мажорный тон полотна, где холодные и горячие колера поют цельную и искреннюю песнь той поистине чудотворной обыкновенности, в которой иногда скрыты самые высокие достижения искусства.

Прекрасно сказал о художнике А. В. Луначарский: «Маститый Архипов блещет юностью, его краски сочны и победоносны... Он показывает, куда надо идти. Так сделанных картин не могут не любить крепкие, полные уверенности и надежды люди».

А. Рылов. 1870—1939. В ГОЛУБОМ ПРОСТОРЕ. 1918.

Государственная Третьяковская галерея.

А. Архипов. 1862—1930. ДЕВУШКА С КУВШИНОМ. 1927.
Государственная Третьяковская галерея.

СТРАНА, где сокрыт огонь

СТИХИ ПОЭТОВ ЮЖНОЙ АФРИКИ

Баренд Й. ТУРИН

ИНФОРМАЦИЯ, ДОСЛОВНО ВЫПИСАННАЯ ИЗ ГАЗЕТЫ

«Черномазый Зламме
был наглец».
(Как-то утром он запропастился,
и хозяину пришлось его искать).
«Я к таким не привык нагрузкам,
я ошпарил его недоуздком,
а потом — резиновым шлангом,
покуда
не
притомился.
Тогда мне стало жаль его,
да и кому же нужны неприятности.
Я забинтовал ему руки-ноги. Потом
дал ему бренди приличный глоток
и порошок от мигрени.
А он возьми и обмякни.
Я перепугался. Я
скорей побежал домой
и сказал жене:
«Мамуля,
видать, этот черно-
мазый
за-
гнулся».

Брейтен БРЕЙТЕНБАХ

КАЗНЬ ГАРРОТОЙ

Сальвадору Пуйгу Античу[1].

Там, в камере, ждут накрахмаленные господа,
черные костюмы, сигаретки на нижних губах,
и у каждого муха на лбу;
в тихой тюрьме в умирании ночи
шаги прозвучат, словно выстрелы в упор.
Выстрелы в ночь, туда, где ни врага, никого;
он будет плотно пристегнут к деревянному стулу,
и воротник замкнется у него под затылком
(он не должен захрипеть — это некрасиво);
палач за его спиной, за его головой, за его душой
начинает вращенье стального винта
рукою, что проклята до скончанья веков,
пока не сломаются шейные позвонки.
Слишком для многих день никогда не настанет.
Во дворце под надежной охраной, как муха в утробе гнилой,
сидит палач-старикашка, заплывший жиром,
он проводит концом языка по вставным зубам;
шаги звучат, возбуждая его ослабевшее сердце.

КНИГИ, ОНИ ЖЕ БОМБЫ

Моему мертвому брату, Тиро[2].

Был живым чернокожий человек по имени Тиро, Абрахам
(и Тиро лежит в луже крови),
он хотел в университете научиться наукам
(и Тиро лежит в луже крови),
стать преподавателем, воспитывать, учить
(и Тиро лежит в луже крови),
но еще задолго до отправки в Живеомертвию
ему пришлось покинуть родную страну,
поселиться в деревушке под названьем Габороне,
в стране под названьем Ботсвана, в пустыне,
где его слова зажигали между тем повсюду
огоньки борьбы за свободу...
Но белый господин решил, что каждый черный
должен помнить свое место, а не то...
и белый господин прислал по почте книгу для Тиро,
и Тиро лежит в луже крови,
и Тиро лежит в луже крови,
и Тиро сердцевина пламени в алом пламени.

[1] Борец каталонского Сопротивления, казненный гарротой (удушением) в феврале 1974 года.

[2] Тиро, Абрахам — южноафриканский политический деятель, скрывавшийся в Ботсване; агентами Претории ему была прислана из Европы посылка с книгой, содержавшая пластиковую бомбу.

Строки из стихотворения Брейтена Брейтенбаха: «Эта страна просит воды и обретает кровь. Эта страна, в которой сокрыт огонь» — поставил эпиграфом к своему роману «Слухи о дожде» известный южноафриканский писатель Андре Бринк, ибо в этих словах — сжатая формула того, что происходит на Юге Африки. Достаточно только подменить слово «вода» словом «свобода». И об этом пишут сейчас лучшие писатели, ибо «страна, в которой сокрыт огонь», должна наконец обрести полную свободу для всех, кто в ней живет, независимо от цвета кожи. А сейчас Южно-Африканская Республика является страшной тюрьмой для коренного населения страны, оплотом разновидности фашизма, именуемым апартеидом. Здесь унижение человеческого достоинства стало обычной нормой жизни, здесь делят людей по сортам. А тех, кто не согласен с этим,— в застенок, в изгнание, а то и просто «к стенке». В таких случаях не спасает и цвет кожи. Белый «чистокровный африканер», лауреат международной Ленинской премии «За укрепление мира между народами» Абрам Фишер так и умер в пожизненном заключении, а общепризнанный лидер черного большинства Нельсон Мандела томится в тюрьме и по сей день. Долгие годы провели за решеткой крупнейшие поэты ЮАР — Денис Брутус, Брейтен Брейтенбах, Джемери Кронин. Поэзия ЮАР борется вместе со всем народом.

* * *

Мне больше не нужно вспоминать вас
по именам,
ни к чему подтверждение факта вашего бытия:
дедушка Ян, бабушка Анни, дедушка Хендрик,
бабушка Рахель,
и дальше
седые ветви родословного древа.
Ныне земля в единую корку
впечатала их,
и тех, кто был до них,
о святые
черные, желтые
хозяева Африки.
Просит воды страна и обретает кровь
страна, в которой сокрыт огонь.

Что же в остатке?
Почерк неловкий,
рассказ о былых величьях,
вдыхание жизни в седые руины,
и в отпечатке стопы
видение гордого танца
воинов прежних
у костра, где счастье — ветер и звезды,
неожиданно инстинктивно
восстающее в памяти!
Черными и голубыми глазами
прошлое смотрит, видит вдаль, в глубину,
грезит, запоминает
и вновь исчезает,
захлестнуто валом злобы, и страха, и боли.
Эта страна мемуаров,
эта страна безо всякой истории,
эта страна мертвецов,
моя страна, твоя страна, наша страна.
Эта страна просит воды и обретает кровь,
эта страна, в которой сокрыт огонь.

Вилма СТОКЕНСТРЁМ

АФРИКА, САМО СОБОЙ

Берег, дюны, бухта, оборки волн;
посредине корабль, стоит и не тонет
в буроватой ряби зеленого моря,
как, впрочем, и главная часть сюжета
картинки: чернокожий несет на плечах
белую женщину. Потом накатывает вал,
все смывает: остается история
географических открытий.

Перевел с африкаанс Е. ВИТКОВСКИЙ.

«КАК Я Л ЕГО

В. В. МАЯКОВСКИЙ И ЕГО ОКРУЖЕНИЕ В ДНЕВНИКЕ И ПЕРЕПИСКЕ К. И. ЧУКОВСКОГО

Перефразируя слова Пушкина из статьи о Вольтере, можно сказать, что всякое свидетельство о великом писателе драгоценно для потомства. Казалось бы, все уже известно о В. В. Маяковском, изданы «первый» и «второй» слои творческих и биографических материалов поэта, но вот мы погружаемся в громадную неопубликованную переписку и дневники К. И. Чуковского и вновь встречаемся с Маяковским. Новое о великом поэте социалистической эпохи и его круге — штрихи, детали, моментальные наблюдения и более пространные записи мемуарного характера не только интересны сами по себе — они необходимы для воссоздания полной и достоверной картины жизни и творчества Маяковского.

Корней Чуковский был едва ли не единственным дореволюционным критиком, который сразу разглядел блестящую одаренность Маяковского и трагизм его лирической темы. На вопрос, что привлекло его в новом поэте (кроме самой талантливости, которой Чуковский, кстати сказать, всегда придавал решающее значение), он мог бы ответить подобно Ал. Блоку: демократизм. Углубленный в изучение поэтов-демократов — Уитмена, Шевченко, Некрасова, Чуковский понимал, что юный поэт делает серьезную заявку на место в этом ряду. Вся публичная полемика Чуковского с молодым Маяковским, и в особенности с его тогдашним окружением, полемика, не лишенная эстрадного наигрыша, но серьезная по существу, велась с нигилистической бравадой — за культуру, против эстетства — за демократизм.

Громадная фигура Маяковского проходит через все литературное творчество Чуковского: сначала — в его рецензиях и статьях, потом — в его воспоминаниях, всегда в переписке и с 1920 года — в дневнике. В одном из писем Чуковского (60-е годы) можно прочесть такое признание: «Блок, Комиссаржевская, Вяч. Иванов, Леонид Андреев, Федор Сологуб, молодой Маяковский — моя бессонная сумасшедшая молодость, мои петербургские ночи и дни!..— все это для меня не цитаты, а живая реальность...» Нынешняя публикация является первой попыткой выбрать из неохватно обширной переписки и дневников Чуковского те документы, в которых так или иначе освещаются Маяковский и его круг. Не «цитаты» — живые люди...

Корней **ЧУКОВСКИЙ**

О МАЯКОВСКОМ

ИЗ ДНЕВНИКА

1920

5 декабря. Вчера почтовым поездом в Питер прибыл по моему приглашению Маяковский. Когда я виделся с ним месяц назад в Москве, я соблазнял его в Питер всякими соблазнами. Он пребывал непреклонен. Но когда я упомянул, что в «Доме Искусств», где у него будет жилье, есть биллиард, он тотчас же согласился <...> Бросается в глаза именно то, чего прежде никто не замечал: основательность, прочность, солидность всего, что он делает. Он верный и надежный человек: все его связи со старыми друзьями, с Пуниным, Шкловским и проч. остались добрыми и задушевными. Прибыли они в «Дом Искусств» часа в 2: им отвели библиотеку — близ столовой — нетопленную. Я постучался к ним в четвертом часу. Он спокоен и уверенно прост. Не позирует нисколько. Рассказывает, что в Москве... «Дом Печати» зовется «Дом Скучати», что Шкловский в «Доме Скучати» схватился с Керженцевым... Мы пообедали вчетвером: Маяковский, Лиля, Шкловский и я. «Кушайте наш белый хлеб!»— потчевал Маяковский.— Все равно, если вы не съедите, съест Осип Мандельштам».

...У нас (у членов «Дома Искусств») было заседание — скучное, я сбежал,— а потом началась Ходынка: пёрла публика на Маяковского. Я пошел к нему опять — мы пили чай — и говорили. <...>

Очень трогательный и забавный угол составили дети: ученики Тенишевского училища. Впереди всех — Дрейден — в очках — маленькая мартышка. Боже, как они аплодировали! Маяковский вышел — очень молодой (на вид — 24 года), плечи ненормально широки, развязный, но не слишком. Я сказал ему со своего места: сядьте за стол. Он ответил тихо: вы с ума сошли. Очень не удалась ему вступительная речь: вас собралось так много оттого, что вы думали, что 150.000.000 — это рубли. Нет, это не рубли. Я дал в Государственное Издательство эту вещь. А потом стал требовать назад: стали говорить, Маяковский требует 150.000.000 и т. д.

Потом начались стихи — об Иване. Патетическую часть прослушали — скучная, но, когда началась ёрническая вторая часть о Чикаго — публика пришла в умиление. Я заметил, что всех радуют те места, где Маяковский пользуется интонациями разговорной речи нашей эпохи, 1920 г.: это кажется и ново, и свежо, и дерзко.

— Аделину Патти знаете? Тоже тут.

— И никаких гвоздей.

Должно быть, когда Крылов или Грибоедов воспроизводили естественные интонации своей эпохи — это производило такой же эффект. Третья часть утомила, но аплодисменты были сумасшедшие... Многие говорили мне: «Теперь мы видим, как верна ваша статья о Маяковском!» Угол с тенишевцами бесновался. Не забуду черненького, маленького Познера, который отшибал свои детские ладошки. Я сказал Маяковскому: Прочтите еще стихи.— Ничего, что революционные?— спросил он, и публика рассмеялась. Он читал и читал — я заметил, что публика лучше откликается на его юмор, чем на его пафос...

7 декабря. У Маяковского я сидел весь день — между своей утренней лекцией в Красноармейском Университете и вечерней. Очень метко сказала о нем Лили Юрьевна: «Он теперь обо всех говорит хорошо, всех хвалит, все ему нравится». Это именно то, что заметил в нем я,— большая перемена.— «Это оттого, что он стал уверен в себе»,— сказал я. «Нет, напротив, он каждую минуту сомневается в себе»,— сказала она. Она по-прежнему радушна... Все утро Маяковский искал у нас в библиотеке Дюма, а после обеда учил Лили играть на биллиарде... Я записал его стихи о Солнце — в чтении они произвели на меня большое впечатление, а в написанном виде — почти никакого. Он говорит, что мой Крокодил известен каждому московскому ребенку.

1923

27 февраля. Вечером у Маяковского. <...> Наконец начинает читать. Хорошо читает. Произнося по-хохлацки **у** вместо **в** и очень вытягивая звук **о** — «Маякооо**у**ский». Есть куски настоящей поэзии, и тема широкая, но в общем утомительно. Он стоял у печки, очень милый, с умными глазами, и видно, что чтение волнует его самого. Был художник — Родченко, Брик, две барышни, слушавшие Маяковского благоговейно. Я откровенно высказал ему свое мнение, но он не очень интересовался им. Потом прочел довольно забавную «агитку»— фельетон в стихах о том, что такое журналист — в журнале «Журналист» <...>

Я сказал Маяковскому, что Анненков хочет написать его портрет. Маяковский согласился позировать. Но тут вмешалась Лили Брик. «Как тебе не стыдно, Володя. Конструктивист — и вдруг позирует художнику. Если ты хочешь иметь свой портрет, поди к фотографу Вассерману — он тебе хоть двадцать дюжин бесплатно сделает».

1930

14 вечер. Этот страшный год — 30-й. ...сейчас позвонила Тагер: Маяковский застрелился... Один в квартире, хожу и плачу, и говорю «Милый Владимир Владимирович», и мне вспоминается тот «Маякоуский», который был мне так близок — на одну секунду, но был, который был влюблен в дочку Шехтеля (чеховского архитектора), ходил со мною к Полякову; которому я как дурак «покровительствовал»; который играл в крокет как на биллиарде с влюбленной в него Шурой Богданович; который добивался, чтобы Дорошевич позволил ему написать свой портрет, и жил на мансарде высоченного дома, и мы с ним ходили на крышу <...> и ходил на мои лекции в желтой кофте, и шел своим путем, плюя на нас, и вместо «милый Владимир Владимирович» я уже говорю, не замечая, «Берегите, сволочи, писателей». В последний раз он встретил меня в Столешниковом переулке, обнял за талию, ходил по переулку, как по коридору, позвал к себе — а потом не захотел (очевидно) со мной видеться — видно, под чьим-то влиянием: я позвонил, что не могу быть у него, он обещал назначить другое число и не назначил, и как я любил его стихи, чуя в них, в глубинах, за внешним, и глубины, и лирику, и вообще большую духовную жизнь... Казалось, что он у меня еще впереди, что вот встретимся, поговорим, «возобновим», и я скажу ему, как он мне свят и почему — и мне кажется, что как писатель он уже все сказал, он был из тех, которые говорят в литературе ОГРОМНОЕ Слово, но ОДНО,— и зачем такому великану было жить среди тех мелких «хозяйчиков», которые поперли вслед за ним — я в своих первых статьях о нем всегда чувствовал, что он трагичен, безумный, самоубийца по призва-

Отрывки из дневника публикуются впервые.

ЮБИЛ
СТИХИ...»

В. В. Маяковский. 1918 г.

нию, но я думал, что это — насквозь литература (как было у Кукольника, у Леонида Андреева) — и вот литература стала правдой: по-другому зазвучат его —

Скажите сестрам Люде и Оле,—
Ему уже некуда деться

И вообще все его катастрофические стихи той эпохи — и стихи Есенину — о, перед смертью как ясно он видел все, что сейчас делается у его гроба <...>

* * *

На другой день, 15 апреля, Чуковский написал письмо Галине Дмитриевне Катанян, жене В. А. Катаняна, близкого сотрудника Маяковского по журналу «Новый Леф». Впоследствии В. А. Катанян станет составителем «Литературной хроники Маяковского», Г. Д. Катанян, в свой черед,— автором воспоминаний о Маяковском.

«Глубокоуважаемая Галина Дмитриевна!

Все эти дни я реву, как дурак <...> Мне совестно писать сейчас Лили Юрьевне, ей теперь не до писем, не до наших жалких утешений, но пусть она помнит, что о н а и с е й ч а с н у ж н а М а я к о в с к о м у, пусть она напишет о нем ту книгу, которую она давно затеяла написать. Это даст ей силу вынести тоску.

Письма с некоторыми сокращениями публикуются впервые.

Я помню первый день их встречи. Помню, когда он приехал в Куоккалу и сказал мне, что теперь для него начинается новая жизнь,— так как он встретил единственную женщину — н а в е к и — д о с м е р т и. Сказал это так торжественно, что я тогда же поверил ему, хотя ему было 23 года, хотя, на поверхностный взгляд, он казался переменчивым и беспутным...

Где-то у меня есть фотография той эпохи. Любительская. Он лежит в траве с моим Бобкой. Я пришлю ее Брикам — потом.

Ваш Вася, когда будет старичком, будет гордиться: «Я знал Маяковского». Он уже в 4-летнем возрасте знал, что Маяковский «самый хороший поэт». Помните, Вы писали об этом.

Преданный Вам К. Чуковский <...>»

Упоминаемый в конце письма Вася — В. В. Катанян (род. в 1924 г.), сын В. А. Катаняна, ныне известный советский кинорежиссер, лауреат Ленинской премии. Его детские речения — в записях матери — Чуковский охотно вводил в свою книгу «От двух до пяти».

С этого письма начинаются в переписке Чуковского воспоминания о Маяковском. Впрочем, воспоминания были задуманы раньше и, отметим особо, еще при жизни поэта. В начале мая 1928 года Чуковский писал А. Е. Крученых: «Пишу воспоминания о Розанове, Леониде Андрееве, Короленко, Кропоткине, Репине, Ал. Блоке, Маяковском, Валерии Брюсове и А. Крученых». Воспоминаний о Кропоткине, Розанове и Крученых Чуковский не написал; остальные сейчас широко известны по его замечательной книге «Современники».

Обращений к Чуковскому с вопросами о Маяковском было множество. Архив Чуковского свидетельствует, что за сведениями, справками, консультациями к нему обращались и литературоведы, специалисты по Маяковскому, и просто читатели — поклонники поэта. Редкостное сочетание памяти очевидца и знания исследователя — те качества, которые придают такую ценность воспоминаниям Чуковского,— делали его незаменимым консультантом по «маяковским» вопросам. Непрерывно пользовался помощью Чуковского В. А. Катанян, работая над «Литературной хроникой Маяковского». Следующее письмо — и примыкающая к нему переписка — вносят в биографию Маяковского новые имена, вводят новые лица. Все эти сведения относятся прежде всего к куоккальскому лету 1915 года.

«[28.V.67]

Дорогой Василий Абгарович.

Сообщаю Вам очень важный адрес <...> Наталии Евгеньевны Малининой.

Эта Наталия Евгеньевна была учительницей моих детей <...> как раз тогда, когда у меня жил Владимир Владимирович. Она видела, как Шура Богданович (по уши влюбленная в поэта) сфотографировала его и меня у забора нашей дачи в Куоккала. <...> Карточка сохранилась у нее.

Напишите ей письмо. Теперь она крупный научный работник. Астроном.

Она сообщила мне кое-какие подробности о тогдашнем житье-бытье Владимира Владимировича, да я потерял ее письмо. А хотел послать его Вам. Уверен, что она сообщит Вам небезынтересные мелочи <...>

Ваш Чуковский.

Лежу в больнице. 85 лет — хрупкий и предательский возраст».

По счастью, утраченное было письмо Н. Е. Малининой отыскалось, и Чуковский познакомил с ним В. А. Катаняна. Однако в «Литературную хронику Маяковского» этот эпизод не был введен и в печать попадает впервые.

«28 апреля 1967 г.

Дорогой Корней Иванович!

Отвечаю на Ваши вопросы.

В летние месяцы 1915 г. я жила у Вас в Куоккале, готовила Колю и Лиду для поступления в школу. Попала к Вам по объявлению в газете.

Тем же летом Маяковский отдыхал в Куоккале в течение около двух недель. По Вашему приглашению он ежедневно приходил к Вам обедать и часто оставался дольше. Вас, его и, кажется, Бобу у забора дачи фотографировала не я, а, возможно, кто-нибудь из Богдановичей, тоже отдыхавших в Куоккале и часто бывавших у Вас. (Приписка рукой Чуковского: «Володя Богданович, сын Т. А. Богданович».— М. П.) Вскоре после смерти Маяковского мы случайно встретились с Марьей Борисовной. Она рассказала мне, что незадолго до своей трагической кончины Маяковский был у Вас, вспоминали дни, проведенные в 1915 году в Куоккале, и даже меня — «учительшу», как шутя называл меня Маяковский. Вероятно, тогда я и сказала Марье Борисовне, что у меня сохранилась карточка Маяковского.

Поэтому, когда она Вам понадобилась, Вы и приехали ко мне летом 1941 г., чтобы их переснять, а оригиналы возвратить мне. Разразившаяся война этому помешала <...>»

Первый свой мемуарный очерк о Маяковском Чуковский опубликовал через десять дней после гибели поэта — 24 апреля 1930 года — в однодневной газете ленинградских писателей «Владимир Маяковский». Этот очерк назывался «Маяковский в пятнадцатом»,— то есть в том году, на который приходится, по словам Чуковского, его наибольшая близость с поэтом. «Маяковский в пятнадцатом» — особенно летом этого года в Куоккале — тема большинства собранных на этих страницах писем Чуковского. Здесь нет преднамеренности или целенаправленных усилий составителя — таково естественное, органическое свойство публикуемой переписки.

В автобиографии «Я сам» Маяковский сообщает кратко: «Выиграл 65 рублей. Уехал в Финляндию. Куоккала». Такая краткость объясняется не только лаконичностью стиля Маяковского, но и особыми обстоятельствами, связанными с Куоккалой. Маленькая станция Финляндской железной дороги, Куоккала была известна всей России как постоянное местопребывание Ильи Ефимовича Репина. Неподалеку, в Мустамяках, жил А. М. Горький, в Олилла — Л. Н. Андреев. Вокруг репинских Пенатов селился цвет литературной, театральной, художественной интеллигенции. Летом Куоккала превращалась в своеобразный «фестивальный» пригород Петербурга — лекции, гулянья, спектакли, игры шли, сменяя друг друга, даря деятелям искусства разрядку, которая самым выигрышным образом оказывалась продолжением их труда. В числе заводил — особенно среди малолетней публики — был, конечно, Корней Иванович.

В автобиографии «Я сам» под рубрикой «Куоккала» Маяковский рассказал: «Поехал в Мустамяки. М. Горький. Читал ему части «Облака». Расчувствовавшийся Горький обплакал мне весь жилет. Расстроил стихами. Я чуть загордился...» Этой поездке предшествовало получение открытки от Горького — единственного известного его письма Маяковскому. Открытка была адресована на дачу Колляри, которую снимала Т. А. Богданович. По поводу этой открытки Чуковский, отвечая на письмо В. А. Катаняна, сообщал (в письме без даты, почтовый штемпель — 31 марта 1941 г.):

«<...> Татьяна Александровна Богданович была одним из самых близких друзей Короленко. Много лет знала Горького. Ее дядя — Иннокентий Анненский. Всю жизнь провела в высокой литературной среде. У нее бывали критики «Русского богатства» А. и Е. Редько, и я приводил к ней Владимира Владимировича знакомить его с ними. Она должна помнить этот эпизод. Владимир Владимирович охотно читал ей свои стихи и дал ее адрес (она жила рядом с нами на даче Колляри) Горькому. Просите ее (и ее дочерей, которые живут с нею) сообщить Вам хотя бы мелочи о Владимире Владимировиче».

По совету Чуковского В. А. Катанян вступил в переписку с Т. А. Богданович и впоследствии опубликовал ее содержательное письмо с воспоминаниями о Маяковском. Письмо Т. А. Богданович Чуковскому (от 12 сентября 1940 г.) примыкает к этим воспоминаниям и дополняет их:

«<...> Мне так живо вспомнилась Куоккала, Ваша дача, четверги (рукою Чуковского исправлено: «воскресения»), на которых неизменно бывал Маяковский, Ваша Чукоккала. Помните, как Репин пришел в страшное негодование, что Маяковский нарисовал что-то не на той стороне страницы, какой следует? И тут же оказалось, что и сам Репин совершил однажды такой же поступок. Помните, как Вы с Маяковским приходили к нам есть пирог с черникой и играть в крокет? Играл, впрочем, только он. Помните, как Вы во время прогулок по берегу моря заставляли Маяковского читать свои стихи. Как прекрасно он читал и как Вы восхищались его стихами. Ведь Вы один из первых почувствовали, поняли и оценили его, когда вокруг он встречал враждебное непонимание и бессмысленное высмеивание. И Вы не только сами оценили его, Вы его пропагандировали, Вы деятельно помогали ему на первых шагах. Кто, живший в то время, может поверить, что Вы «заглушали его голос», превращали его в «анекдот», относились к нему «снисходительно»...»

В одной из своих статей Л. Ю. Брик обнародовала необыкновенное признание Чуковского: Корней Иванович рассказал «по секрету, что его в такой степени волнует Маяковский, что он не может работать, когда знает, что тот в Куоккале». Следующее письмо к Л. Ю. Брик, написанное как отклик на ее очерк «Чужие стихи», выделяется среди писем Чуковского своей мемуарной насыщенностью.

«<...> Маяковский был ходячая словесная лаборатория. Чью бы фамилию он ни услышал, он тотчас начинал проделывать над ней всякие эксперименты типа: «Аверченком — заверченком», «всякое Лурьё» и т. д. Это была неустанная работа словесных дел мастера над своим материалом. Недавно я слыхал воспоминания Кальм[ы] о том, как Маяковский, живя в Сочи, полюбил некую служаночку и каждое утро, когда она приносила ему завтрак, встречал ее новыми рифмами, присобаченными к ее имени. Вздор! Не служаночку он любил, а ее имя, к которому можно было подобрать столько рифм. Он был дегустатор слов. Я не видел другого человека, который до такой степени **жил бы** *чужими стихами, выражая ими свои чувства. Причем он очень любил всякие (как говорят англичане) misquotations — цитаты невпопад, цитаты навыворот.*

Помню, как он смеялся, когда я рассказал ему, что Гумилев, писавший утром стихи в то время, когда Анна Ахматова еще лежала в постели, укоризненно сказал ей из Некрасова:

Только **муженик труж** *бледнолицый*
Не ложится, ему не до сна.

(вместо труженик-муж)

А Анна Ахматова отвечала ему (тоже по Некрасову):

...на красной подушке
Первой степени Анна лежит.

Он переворачивал в уме каждое услышанное слово, каждую цитату из стихов, **и каждую применял к себе.** *Это Вы очень верно подметили. Она становилась фактом его биографии. Ими он определял свои отношения ко всем «предметам предметного мира». Когда я звал его в гости к малоинтересным дачным знакомым (соседям) — а он не хотел пойти, так как они были очень мещанисты, он сказал: Мы для них не друзья, мы для них не враги, Мы от них защищаем свои очаги — это был мой перевод немецкой «Песни ненависти» — перевод плоховатый,— и мне было совестно, что он знает его наизусть. Все случаи своей жизни он мог характеризовать чужими стихами и прозой. К сожалению, я не запомнил тех цитат из «Писем» Эртеля, которые я как-то предложил ему прочитать. Он счел эти письма пределом инфернальной скуки — и впоследствии, когда мы спрашивали его, весело ли ему было в гостях (в том числе в Мустамяках у Горького), он отвечал с тоскою:*

— Письма Эртеля.

И тут же приводил какие-то отрывки из «Писем» — какие, я забыл.

О Саше Черном Вы чудесно написали, и я позволю себе в своем наброске о Саше Черном процитировать Ваши свидетельства. Знаете ли Вы, что Саша написал стихи о Маяковском, когда тот приехал в Париж — стихи ругательные <...>. Вы упомянули Евреинова. Эту фамилию он тоже поворачивал по-всякому: «Еврей! нов закон: не кради»,— строка, впоследствии усвоенная Беленсоном. «Попу попала пуля в пузо» — я вспомнил внезапно, читая Вашу статью. Так же

Шибанов молчал из пронзенной ноги.

Словом, Вы написали о нем глубочайшую правду, которой никто до Вас не сформулировал и даже не подметил. Целую Вашу руку.

К. Чуковский <...>»

Это письмо нуждается в комментарии. Несколько запомнившихся Чуковскому "словесных экспериментов" Маяковского поэт использовал в своих произведениях. Каламбурная рифма к фамилии лихого журналиста, редактора журнала «Сатирикон» Аркадия Аверченко в несколько измененном виде вошла в стихотворение «Пустяк у Оки», написанное летом 1915-го, возможно, в Куоккале (даже название его представляет анаграмму слова «Куоккала»). Неудачно звучащая строчка из баллады А. К. Толстого о Василии Шибанове использована в статье «Как делать стихи» (1926). Эпизод из воспоминаний советской писательницы Н. Кальмы Чуковский передает не пол-

В. В. Маяковский, Б. Чуковский, К. И. Чуковский. Куоккала. 1915 г.

не точно, но эта неточность, к счастью, не влияет на вывод «он был дегустатор слов».

Понравившийся Маяковскому эпизод с А. Ахматовой и Н. Гумилевым относится к тому времени, когда историк П. Е. Щеголев, редактор историко-революционного журнала «Былое», желая поддержать нуждающихся супругов-поэтов, предложил им написать статью о Н. А. Некрасове для своего журнала. Ахматова и Гумилев так пропитались своим «материалом», что могли вести разговор друг с другом цитатами из Некрасова. Гумилев произнес каламбурный перифраз из некрасовской «Маши», Ахматова отвечала ему переосмысленными строчками из стихотворения «Утро», где идет речь о похоронах высокого сановника, и «Анна первой степени», лежащая «на красной подушке» — знак одного из высших орденов Российской империи. Эти строчки Анна Ахматова иронически отнесла к себе самой.

Что касается «Гимна ненависти», который Маяковский помнил наизусть, то об этом стихотворении Чуковский писал, публикуя свой перевод: «Этот гимн появился впервые в мюнхенском еженедельнике «Ligend», и теперь вся Германия распевает его... Автор гимна — Эрнст Лиссауэр. Такого вдохновения злобы еще не было во всемирной словесности. Это не песня, а судорога, что-то конвульсивное, шаманское...» («Нива», 1915, № 24). Чуковский перевел это стихотворение, чтобы показать и осудить разгул империалистического шовинизма в воюющей Германии.

В своей переписке Чуковский непрерывно откликался на книги о Маяковском и переводы его стихов, на посвященные ему выставки и журнальные публикации. Любая недобросовестность в этом деле — мелкая оплошность журналиста или надуманная концепция литературоведа — больно задевала его. Он считал себя как бы лично ответственным за корректность фактов и справедливость мнений в отечественной науке о Маяковском. Еще бы, ведь и сам поэт, и все, кто так или иначе входил в его биографию, не были для Чуковского «цитатами».

В своем дневнике 8 декабря 1920 года Чуковский записал со слов Маяковского его рассказ о встрече с А. Блоком. Зная об этой встрече лишь по пересказу Чуковского, В. Катаев развернул этот эпизод в целую сцену со многими подробностями, конечно, вымышленными. Роман В. Катаева «Трава забвения» был опубликован журналом «Новый мир» в марте 1967 года, а в июне Чуковский писал Л. Ю. Брик:

«*...По поводу эпизода Блок — Маяковский. Владимир Владимирович рассказывал этот эпизод моей жене, а я тут же записал его рассказ слово в слово. Весь рассказ занимает 8—10 строк. Вообще нельзя себе представить Владимира Владимировича болтливым. Он бросал реплики, острил, декламировал отрывки чужих стихов, но говорить монологи он был не склонен. И Блок не страдал недержанием речи. Все это было иначе.*

И все же роман мне нравится. Написан он очень талантливо. И в иных случаях он изображает Владимира Владимировича верно: например, его жесты в магазине в роли покупателя. Он вел себя так, как миллионер, пришедший купить весь магазин. Это хорошо изображено в романе.

И вообще приятно, что Владимир Владимирович стал героем романа...»

* * *

Когда А. Е. Крученых попросил у Чуковского разрешения опубликовать одно из его писем, Чуковский отвечал (25 июля 1925 г.): «Дорогой Крученых. Делайте из моих писем какое хотите употребление. Я пишу их по наитию минуты, искренне и безоглядно — и потому несу за них полную ответственность». Сделать всеобщим достоянием письма Корнея Ивановича, содержащие хотя бы крупицы сведений о Маяковском,— значит, по-видимому, найти для них доброе употребление.

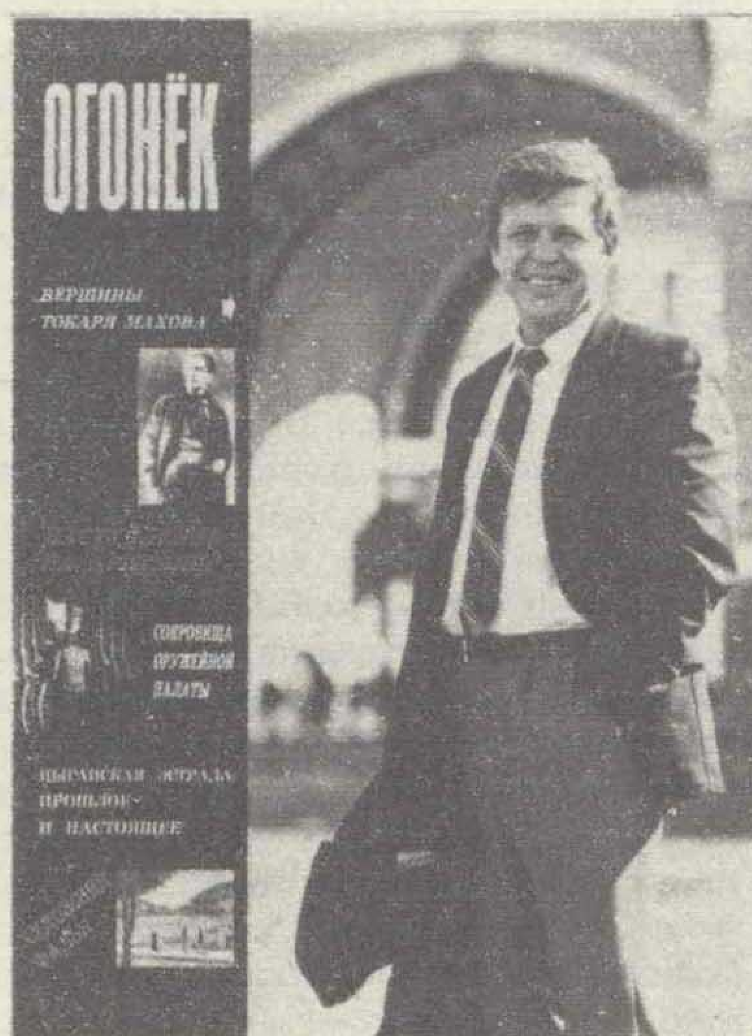
Публикация и комментарий
М. С. ПЕТРОВСКОГО,
Е. Ц. ЧУКОВСКОЙ (дневник).

Оригиналы публикуемых здесь писем хранятся в ЦГАЛИ, РО ГБЛ, РО Литературного музея и в частных архивах. Дневник — в архиве К. И. Чуковского.

человек дела

Характерно, что в истории бригады Александра Махова не найдешь «хрестоматийных» примеров спасения заблудших душ; мол, был ученик ленивый, под влиянием товарищей стал примерным тружеником, обожал некто «Солнцедар», а теперь перешел исключительно на «Боржоми». Захребетников, как начинающих, так и убежденных, они к себе на дух не подпускали, и я нередко думаю о том, что случилось бы с нашей промышленностью, если бы, оставив хоть ненадолго педагогические раздумья о судьбах бездельников всех мастей, мы хоть раз дружно и столь же решительно шуганули бы их от всех источников пропитания. Распространение бригадного подряда, применение коэффициента трудового участия подают в этом плане некоторые надежды, но не скоро, ох как не скоро едет эта Улита.

ВЕРШИНА, КОТОРУЮ ТЫ ПОКОРИЛ

Олег ПЕТРИЧЕНКО

В семье Маховых все мужчины имели дело с металлом. И дед кузнец, и отец кузнец, и самый младший, Александр, с детства всерьез приглядывался к этой огневой, немножечко колдовской работе. Но, когда пришла пора выбора, жизнь надумал ковать по-своему. И круто, прямо от родительского порога, взмыл в заоблачную высь.

А все любовь. Страстная, немножечко безрассудная, в общем, именно такая, какой и положено ей быть в семнадцать лет. Чувство было крылатым, причем не в привычном, переносном, а в самом прямом смысле слова. Ибо влюбился Саша в авиацию.

И тем не менее, когда пришлось ему писать сочинение на тему «Почему я хочу стать летчиком», ничего толкового по этому поводу юный Махов сказать не сумел. И написал поэтому (к счастью, без грамматических ошибок) что-то ужасно красивое — про зеленую травку, на которой он лежал и с замиранием сердца глядел на пушистые инверсионные следы в синем небе.

А писать, как сейчас понимает, писать благодарно и подробно следовало про Евгения Николаевича Смыкова, бывшего летчика, приехавшего откуда-то в их крохотный городок Урень, что в Горьковской области. Именно он, организовав для мальчишек кружок парашютистов, показал, что и на летящих птиц можно смотреть свысока; он, ободряюще похлопав по плечу у распахнутого в бездну люка, помог совершить решительный в жизни шаг.

Было это в десятом классе, и первый прыжок оказался единственным. Следующий Саша наметил сделать уже в авиационном училище. Причем не в каком-нибудь, а в знаменитом Качинском, воспитавшем для страны около трехсот Героев Советского Союза. О том, что конкурс туда не ниже, чем в столичном ВГИКе, о том, что его в силу недостаточной подготовки могут попросту не допустить до экзаменов, он не думал. В тот год, как назло, в школах было два выпускных класса — десятый и одиннадцатый. Соответственно удвоилось и число претендентов. И были они, если честно, не чета ему: кто из летчицкой семьи, кто с солидным стажем занятий в аэроклубе. Так что сначала ему пришлось изрядно повоевать за само право стать абитуриентом, ну, а потом доказывать целой армии медиков, что он один из самых здоровых призывников в стране — других к сочинению не допускали.

Он одолел все пороги. И в числе немногих избранных получил право на заветную форму с голубыми петличками.

Ах, Кача, Кача! Ну мог ли он подумать, что начнет писать стихи. От восторга, оттого, что писали их все поголовно, пытаясь пусть неуклюже, но искренне выразить обуревавшие чувства. Ярые технари и застенчивые романтики, расстояния до иных планет они мерили земными шагами, ни секунды не сомневаясь, что первые сотни километров в час, освоенные ими на учебных Л-29, в самом ближайшем будущем выведут их на гагаринские орбиты.

Но у него все сложилось иначе. Через три года отличной учебы во время очередного медицинского осмотра повышенное внимание к нему проявил вдруг кардиолог и чуть погодя вынес суровый, не

подлежащий обжалованию приговор: к полетам не годен.

Замкнулся, заледенел после этого Александр почти на год. Вернулся в Урень, равнодушно ворочал бочки, таскал какие-то ящики на торговой базе. Хватался за что потяжелей, рвал, как говорится, жилы, но сердце стучало, как часы, и никаких изъянов в нем местные врачи не находили. Тогда он уехал в Ленинград, поступил в ЛИАП — институт авиационного приборостроения. Институт понравился, но не заинтересовал — рядом сидели вчерашние школьники и школьницы, толковали о музыке и модах и на него, с его непонятной тоской по высоте, смотрели как воробьи на невесть откуда затесавшегося птеродактиля.

А тут Володя Башкиров — бывший, тоже комиссованный, качинец, у которого он жил, познакомил с дядей — токарем объединения «Ленинградский Металлический завод» А. Смирновым. Выслушав как-то одиссею Махова, тот хмыкнул: «От судьбы, брат, не уйдешь.— И неожиданно предложил: — А давай-ка к нам, на Металлический. Прекрасный человек там работает, Николай Андреевич Венков. Бригадир сварщиков».

Вот так случайно перевернул Махов очередную страницу биографии. Нехотя перевернул, не менее равнодушно, нежели какой-нибудь ящик на базе. По всем канонам и работник из него должен был получиться соответствующий. Но не будем забывать про армейскую дисциплинированность, врожденное уважение к труду. Да и с наставником повезло—Николай Андреевич не только принял его, но и понял. И учить стал не азам— красоте своей работы. В чем-то была она сродни кузнечной, как и та, требовала от мастера художественного вкуса и чуткой руки.

В подмастерьях же Махов ходить не собирался. Хотя бы из гордости. Напористо добрался до высшего рабочего разряда и, что еще более важно, заслужил уважение ребят. Не то формальное, что под копирку упоминается во всех положительных характеристиках, а искреннее, от души идущее, которое не заработаешь специально, будь ты хоть семи пядей во лбу или перевыполняй норму даже десятикратно. Вскоре сменил он Венкова на хлопотном посту бригадира, стал секретарем партийной организации цеха.

Впервые я услышал о нем от В. С. Чичерова. Пришел как-то в цех, но неудачно: Владимира Степановича срочно вызвали на какое-то очередное архиважное совещание, и он, поругиваясь, что отрывают от работы, менял спецовку на парадный пиджак. Картина знакомая, переодеваться этак ему приходится частенько. И за что искренне почитаю Чичерова, так это за обязательность: сколько бы ни длилось парадное мероприятие, в цех непременно вернется, что положено доделает. В тот раз он, кивнув головой на проходившего паренька, заметил: «Что опять обо мне писать — вот о ком надо. Кстати, заметь, как похож на Льва Лещенко. И уверен — тоже звездой в своем деле будет».

Потом доводилось встречаться с Сашей на разных комсомольских активах, читать о нем в газетах, видеть по телевизору: Махов с ребятами выполняют срочное задание для Саяно-Шушенской ГЭС, едут на природу, гуляют по аллеям Пушкина...

Смотреть было приятно — бригадир фотогеничен, подтянут, деловит, и парни рядом что надо, вроде как специально подбирал. А, впрочем, так оно и получалось — принимали к себе далеко не каждого. Никому, конечно, не отказывали, но условие ставили довольно жесткое — какой бы разряд у тебя ни был, у нас начнешь с первого. Работа на турбинах особенная, к ней привыкнуть нужно, а нам к тебе приглядеться. Не все смотрины оказывались удачными, но кто выдерживал, прикипал накрепко. И по жизни потом шел уверенно, кого ни возьми: Валеру Бойцова, Григория Хрисанова, Володю Павлова — десятки их с благодарностью вспоминают то время. Быть может, в чем-то бессознательно подражая качинскому братству, Александр сплачивал вокруг себя единомышленников.

Известный «договор 28-ми», объединивший участников строительства Саяно-Шушенской ГЭС, сыграл особую роль в судьбе коллектива Махова. Сроки поджимали, и волей-неволей нередко приходилось брать на себя роль этакой палочки-выручалочки. Как-то, помню, их попросили предельно ускорить сварку сектора «крышки» одной из турбин. По-хорошему требовалось на это дней десять, но по-хорошему на сей раз не получалось. Прикидывали и так, и эдак, а потом сели считать, на что уходит время каждого. И провели своего рода эксперимент — перекуры устранили начисто, смену начинали без раскачки, после нее не торопились раньше других в душ. Каждый экономил вроде бы минуты, но задание они выполнили за пять дней.

Словом, сами себе преподали хороший урок прикладной экономики, по-новому взглянули на свои возможности. Собственно, никакого открытия не сделали: кто не знает, что рабочую минуту надо ценить, а труд организовывать научно? Ну, а как его организуешь, если, скажем, семидесятикилограммовые баллоны каждому приходилось таскать на себе издалека. Сколько ни говорили начальству, что не их это забота — каменщики, сами за каждым кирпичом, раствором не бегают,— все как об стену горох. Тогда снялись как-то всей бригадой и отправились за баллонами коллективно. Если индивидуальные путешествия в глаза не бросались, то отсутствие целой бригады в разгар смены незамеченным не осталось — вопрос со снабжением был решен.

Вот так в поиске, в борениях с собой, с обстоятельствами мужала бригада, набирался опыта бригадир. Окончил Северо-Западный политехнический институт, стал инженером, но с беспокойной должности не ушел. Коллектив возглавляет сейчас, правда, другой, но заботы, насколько понимаю, примерно те же, и не последнее место среди них занимает традиционная недисциплинированность смежников, компенсировать которую бригаде приходится авралами, сверхурочными. Неужели нельзя навести порядок в собственном заводском доме?

— Только в собственном нельзя,— говорит Махов.— Копни любую проблему чуть глубже, она в конце концов непременно уткнется в какую-нибудь шахту либо рудник. Кто-то где-то недодал угля, руды, их не хватило на выплавку нужного количества металла, и пошло-поехало. Вот читал, запомнилось — в тридцатые годы на одном из рабочих собраний прозвучала примерно такая мысль, что очень хорошо, если Стаханов дает, скажем, шестьсот тонн угля, но будет очень плохо, если эти шестьсот тонн не вывезут. Значит, надо бороться за то, чтобы больше было стахановцев по всей технологической линии, чтобы они лучше были оснащены технически. Согласитесь, актуально звучит. Тем-то и примечательна начатая партией перестройка, что порядок наводить начали во всей стране сразу.

— Конкретно у вас в цехе она чувствуется?

— Возьмите хотя бы пьянство. Уж на что несокрушимым казалось, а ведь тронулся лед, забот с этим в партбюро стало куда меньше.

— А что тревожит?

— Темпы. Медленно все же раскачиваемся, надо быстрее. Причем не ожидая каких-то особых указаний сверху по каждому пустяковому поводу. Вон видите, какие у сварщиков «шикарные» робы. Нормы на брезентовые спецовки устанавливались еще во времена «царя Гороха», исходя из условий ручной сварки. А при нынешней, полуавтоматической, спецовки выдерживают месяца три-четыре. Мелочь вроде, но типичная. Десятки таких вот устаревших регламентаций, инструкций гирями висят на ногах, руках, сковывают каждый шаг в вопросах куда более серьезных.

Пример со спецовками Махов привел не случайно. Вернувшись недавно из поездки в Финляндию, рассказывал, в частности, о посещении в Тампере музея современного искусства, где познакомился с работами авангардистов.

— Ну и как? — поинтересовался я.

— Мало что понял, но отрицать не спешу,— ответил Александр.— На меня большое впечатление произвел финский дизайн — здания, интерьеры, бытовые предметы подкупают изяществом, продуманностью форм. Причем решения порой парадоксальные, самые неожиданные.

Махов немало поездил по свету. И не зря, не праздным туристом. «Какие ухоженные поля от Валенсии до Мадрида! Здесь ни одно зернышко не пропадет даром. Этому надо учиться и учиться... Как мы богаты и как расточительны...» — это из его записей о путешествии по Марокко, Франции, Испании. Наблюдая, он стремится перенимать лучшее, и разговаривать с ним интересно, как с человеком, не просто повидавшим — хорошо обдумавшим увиденное.

И переживания его по поводу вынужденно неаккуратного внешнего вида рабочих, непродуманного оформления цехов, где отсутствуют элементарные по нынешним меркам удобства, вроде сауны,— переживания давние. Он справедливо считает, что культура производства начинается с мелочей и ладно пошитые «фирменные» комбинезоны для кадровой политики предприятия значат не меньше, нежели самое современное оборудование.

Думаю, что наступят перемены и в этом. Потому что время такое — трудно представить, что робототехнические системы, оснащенные тончайшей электроникой, будут обслуживать парни в промасленных телогрейках.

Потому что сам Махов из числа деятельных, неравнодушных людей, исподволь готовящих эти перемены. И не только ударной работой, за которую он награжден орденами Октябрьской Революции, «Знак Почета», но прежде всего требовательным, творческим отношением к производству, к дому, где он трудится.

Вспоминается, как лет двенадцать назад во Дворце труда посвящали в рабочий класс новичков молодые вожаки комсомольско-молодежных коллективов В. Целуев с «Электросилы» и А. Махов, подружившиеся незадолго до того бригадами, связанными совместным участием в «договоре 28-ми». И торжественный ритуал посвящения в рабочие, и договор о содружестве, и попытки В. Целуева с А. Маховым объединить молодых руководителей в общегородской клуб, чтобы вместе обсуждать, решать рабочие, молодежные проблемы, свидетельствовали о поиске непроторенных тропинок. Что-то прижилось, стало традицией, что-то не получилось, не оправдало себя, но поиск продолжался, и не случайно бригада Махова всегда была в числе застрельщиков интереснейших дел ленинградской молодежи, а бригадир стал лауреатом премии ленинградской комсомольской организации.

Характер его не изменился с годами. Какое из важнейших для «ЛМЗ» событий последних лет ни возьми — тот же договор со строителями крупнейшей в стране ГЭС на Енисее, выпуск небывалой по мощности паровой турбины 1200 тысяч киловатт для Костромской ГРЭС, внедрение бригадного подряда,— Махов, его коллектив по-прежнему в лидерах. И когда, отпочковавшись от объединения, вырос на дальней городской окраине завод «Турбоатомгаз», в числе первых отправился осваивать оставленную строителями «целину» А. Махов. И вот уже который год поднимается ежеутренне в 4.30, спешит туда к 7.00, чтобы где-то в 19, а то и позже возвратиться на другую окраину, на Ржевку-Пороховые, где недавно получил квартиру после многолетнего мыканья с семьей по общежитиям. И дело не только в расстоянии — просто обязанностей у Махова как члена Калининского райкома КПСС, члена заводского профсоюзного комитета, цехового партбюро выше головы.

В новом цехе он трудится бок о бок с дважды Героем Социалистического Труда В. С. Чичеровым. Товарищи они давние. Владимир Степанович давал Александру рекомендацию в ряды КПСС. Глядя на них, вспоминаю ушедшего недавно из жизни ветерана партии, дважды Героя Социалистического Труда Василия Петровича Виноградова, которого Чичеров считает своим духовным наставником. Три судьбы — одна общая с 1917 года дорога, по которой идем за такими, как они.

Трудная дорога. И неважно, где проходит она — в небе ли, на земле, важно, чтобы человек, идущий по ней, верил в свою цель.

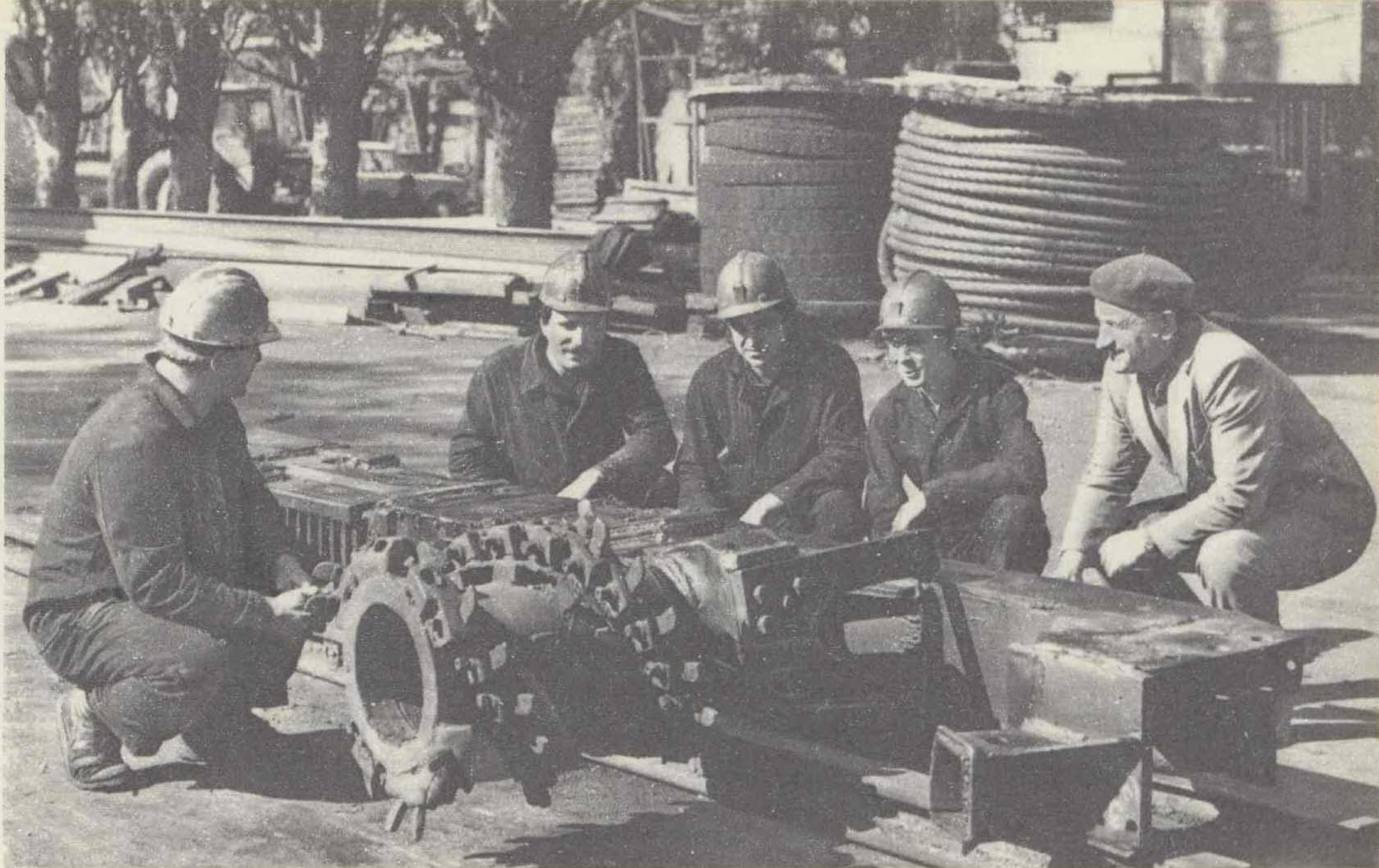
И вот еще о чем невольно подумалось после встречи с Маховым. Каким-то растерянным, даже инфантильным выглядит порой в нашей литературе поколение нынешних сорокалетних. Но вот читаю в газете про подвиг полковника А. Возова, спасшего новейший сверхзвуковой самолет, мужество полковника А. Коновалова, совершившего сложнейшее катапультирование из стратосферы... Ведь все это сверстники, сокурсники Махова, и дружба их не потускнела с годами.

Уверен — в небе у Александра была бы славная судьба.

И уже заметен след, оставленный им на земле.

бережливость

Недавно в редакцию поступил очерк и несколько фотоснимков с шахты имени Артема Ростовской области, рассказывающие о злоключениях угольного мини-комбайна «Артемовец», приспособленного к добыче топлива из тонких пластов. Публикуя этот материал, редакция надеется, что новинка, сулящая, по оценке специалистов, немалые выгоды, привлечет внимание руководителей Министерства угольной промышленности СССР и заводов горного машиностроения.

Один из создателей мини-комбайна, В. И. Земцов (крайний справа), с ремонтниками бригады В. И. Филонова.

Фото крепильщика шахты имени Артема П. Скачкова

Мал, да удал

...Машины, как и люди, имеют свою историю, биографию. Иногда она бывает легкой, иногда трудной.

Почти два десятилетия назад на шахте ордена Октябрьской Революции имени Артема объединения «Ростовуголь» подняли на-гора́ последние врубовые машины. «Старушки» честно отработали свой срок и уютно устроились на приемной площадке механического цеха.

А под землей тем временем создалась критическая ситуация. Резко уменьшилась добыча антрацита на пласте «Рыхлый». Крепкий, с большим сопротивлением на скалывание, прочно сросшийся с породами кровли и почвы, уголь стал труднодоступен. Горняки бились, пробовали на «Рыхлом» разные машины: струги, комбайны. Бесполезно. Каверзный пласт не покорялся.

Директор шахты Николай Евсеевич Косов собрал на экстренную планерку главного инженера, ведущих специалистов, механиков, эксплуатационников:

— Давайте думать, как взять уголь из «Рыхлого».

В те дни механиком участка был Иван Васильевич Зимовейский (ныне главный механик шахты). Он первым и решился на смелый эксперимент: попытался приспособить на «Рыхлом» комбайн «Комсомолец». Но эта машина предназначена для выемки угля из крутопадающих тонких пластов. А на «Артеме» иные условия. Пологое падение. К тому же «Комсомолец» работает без конвейера. Уголь сыплется вниз самотеком. Посадим комбайн на конвейер. Это не проблема, решил Зимовейский. Зато во всем другом «Комсомолец» нас устраивает. Неплохо отбивает и скалывает уголь. Правда, великовата машина по габаритам, придется их уменьшать. Кровля «Рыхлого» не позволяет иметь большого раскрепленного пространства.

За конструирование взялись бывший главный механик шахты Владимир Иванович Земцов, слесари из бригады Владимира Ивановича Филонова, помощник главного механика по забойному оборудованию Валерий Тимофеевич Косачев. Были огорчения и неудачи, иногда «искателям» казалось, что все это пустой номер. Закрадывались сомнения, опускались руки, почти всех их мучила по ночам бессонница. Но приходил день, и они продолжали «изобретать». Разбирали по винтикам узлы списанного «Комсомольца», вновь собирали, компоновали. Укоротили раму. В механическом цехе смастерили режущую часть собственной конструкции.

Вышибала из колеи нехватка многих деталей. Послали «гонцов» в Донбасс, объединение «Грузуголь», на шахты Министерства топливной промышленности РСФСР. Обшаривали горы металлолома. Снимали нужное с бездействующих, ржавых комбайнов.

Так в коллективном поиске инженеров, рабочих создавалась, по сути дела, совершенно новая горная машина. Малогабаритный угольный комбайн. Они уже и название ему придумали — «Артемовец».

И вот, наконец, «Артемовец» в лаве. Долгожданные, радостные минуты. И вдруг заминка. Чересчур осторожный, придирчивый горнотехнический инспектор не разрешил включать «самодельный» комбайн. Сыронизировал: «Может, еще сварганите своими силами струговую установку или электровоз? Знатоки-затейники».

Казус на грани нелепости. Рационализаторам-умельцам запрещают испытания «Артемовца» на пласте «Рыхлый».

И все-таки мини-комбайн пошел! Ответственность, как говорится, за вероятные негативные последствия приняли на себя директор шахты и главный инженер.

Сегодня все это позади. Не нужно больше прятать «Артемовец» от нагрянувшей внезапно комиссии. Не нужно кому-либо доказывать, что это не «кустарно сварганенный, сомнительных свойств агрегат». Третью пятилетку мини-комбайн благополучно — без аварий, поломок — крушит тонкий пласт «Рыхлый». Таких же тонкопластовых, бросовых запасов антрацита только в бывшей шахте имени Пролетарской диктатуры вполне наберется лет на семь-восемь. Миллионы тонн угля! А без «Артемовца» их бы не взять!

Начальник участка № 10, где эксплуатируется мини-комбайн, Владимир Федорович Золотых рассказывает:

— Каждые сутки с помощью «Артемовца» мы добываем по 300 — 350 тонн антрацита. Обычно в аналогичных, усложненных горно-геологических условиях добыча не превышает 150 тонн угля. Обслуживают «малютку» всего четыре-пять горняков. Комбайну «1К101» к примеру, подавай уже целое звено шахтеров, десять — двенадцать человек. «Артемовец» отличается и малой энергоемкостью, позволяет максимально сократить трудоемкие операции при подготовке ниш. Комбайны других типов, тот же «Темп», требуют в три-четыре раза большего обнажения кровли. А если горно-геологическая обстановка неблагоприятна! А она сплошь и рядом неблагоприятна. Глубины, давление...

На шахте имени Артема побывал заместитель министра угольной промышленности СССР Иван Антонович Сливаев, с интересом осмотрел мини-комбайн.

— Рациональное зерно налицо — сказал он.— Если шахтеров обеспечить такой техникой, они смогут извлечь огромные запасы угля.

Слова заместителя министра прозвучали как окончательное признание многолетней изобретательской работы артемовских экспериментаторов.

А незадолго до этого на шахте были конструкторы с заводов, выпускающих горную технику. Опускались в лаву. Оглядели кровлю, почву, угольный пласт. С пристрастием наблюдали за работой «Артемовца». Делали пометки в блокнотах. Поднявшись на-гора́, резюмировали: поздравляем с успехом!

Директор шахты Николай Евсеевич Косов в ответ улыбнулся:

— Спасибо, дорогие товарищи конструкторы, за добрые слова. Приятно их слышать от вас. Снимайте без проволочек чертежи, пускайте машину в производство. За престижем мы не гонимся. За общее благо болеем. Шахтеры спасибо скажут...

В споре эксплуатационников и конструкторов не поставлена точка. Хочется верить, что он будет окончен в пользу горняков. Серьезны и аргументы за ускоренный выпуск комбайна «Артемовец» в серию. Необходимо отметить, что его нынешняя конструкция не нуждается в каких-либо доводках, усовершенствованиях. Все это уже сделано в процессе эксплуатации.

И второе, не менее веское обстоятельство. В нынешней и XIII пятилетках шахты объединения «Ростовуголь» перейдут на отработку 60 процентов антрацитовых пластов, идентичных артемовскому «Рыхлому». И лишь на трети этих пластов возможно применение струговых установок. А для выемки остальных миллионов тонн нетронутого угля техники пока нет. Похоронить ли богатства недр или подарить их людям?

Слово за заводами горного машиностроения.

Марк РАБИЧЕВ,
заведующий пресс-центром ордена Ленина объединения «Ростовуголь»

Будущим родам на посмотрение

Юрий ОСИПОВ
Фото Н. РАХМАНОВА

Один из лучших и старейших музеев нашей страны — Оружейная палата — вновь открыт для посетителей после четырехлетних ремонтно-реставрационных работ. Сокровища Оружейной палаты — гордость отечественного культурного и исторического наследия — предстают перед посетителями музея во всем своем блеске и величии.

Сколько раз вы бывали в Кремле? Наверняка, меньше, чем хотелось бы. А в Оружейной палате?.. Конечно, попасть туда на экскурсию не так-то просто; доступнее — Кремлевские соборы, не говоря уже о том, чтобы полюбоваться Царь-колоколом и Царь-пушкой, запрокинуть голову перед колокольней Ивана Великого или обойти в немом восхищении храм Василия Блаженного.

И все же. Есть музеи, ставшие для нас понятиями. Без них немыслимо приобщение к овеществленной истории Отечества. Не книжной строкой, не фотографиями и кинокадрами, но воочию должны они сопровождать поколения через жизнь. С отроческой поры.

...Поднимемся по отлогой аллее Александровского сада, туда, где чугунная решетка ограды у городского прибоя и багровый кирпич вековечной стены вдруг стягиваются крутым лестничным маршем. И там, за тяжкой сумрачной аркой Боровицких ворот обрушивается на нас бело-золотое великолепие.

Всего несколько шагов вдоль отшлифованной брусчатки мостовой и сразу возле ворот — знаменитый дворец Оружейной палаты, такой праздничный, нарядный в узорочье колонн и наличников. Высокие резные двери, за которыми глаза разбегаются при виде собраний драгоценных тканей, оружия, нарядов, посуды... Манят сверкающие рыцарские доспехи, шлемы, кольчуги, конское убранство, сказочной красоты кареты, головные уборы, среди которых островерхая тюбетейка, крытая ажурными золотыми пластинами, усаженная огромными каменьями, отороченная соболем и увенчанная жемчужным крестиком. Память о ней идет от школьных лет, от пушкинского Бориса: «Ох, тяжела ты, шапка Мономаха!»

Столетия копились в кладовых сокровища кремлевского холма, перешедшие семь десятилетий назад во владение народа.

* * *

...И вот последние бригады реставраторов покидали Оружейную палату. Непривычно тихими и пустыми простирались анфилады ее обновленных залов. Четыре года ремонтно-реставрационных работ огромного масштаба и значимости для сохранения древнейших памятников Кремля были позади. И, что самое главное, преображенные залы приняли новую экспозицию — третью по счету за время Советской власти.

Директор музеев Московского Кремля Михаил Петрович Цуканов говорил о сделанном с вполне понятной гордостью и сдержанным волнением не слишком многословного человека, чей день расписан по минутам.

Музей начинается с экспозиционных витрин. Чем меньше они заметны, тем лучше. Ныне в залах Оружейной палаты о них вообще забываешь — сливаются приглушенными цветовыми тонами переплетов со стенами, вписываются в интерьер, позволяя обозревать и самые громоздкие, и самые миниатюрные экспонаты с любой точки. Незаметность новых витрин, не имеющих аналогов в мировой музейной практике, скрывает также хитроумные приборы, обеспечивающие защиту хрупких шедевров от пыли, стабильность температуры, влажности, освещенности внутри экспозиционного пространства. Лампы накаливания регулированного светового потока и его интенсивности дают теперь возможность избирательно освещать те или иные реликвии, искать оптимальные варианты экспонирования серебра, жемчуга, шитья, ткани, эмалей... Мало того, впервые — пока в качестве эксперимента — используют в Оружейной палате и систему световодов. Световолоконная оптика — это уже алгебра режиссуры направленного света и, естественно, потребует еще усовершенствования и доработок. Но даже сейчас эффект ее музейного применения весьма ощутим.

Специалисты считают, что Оружейная палата, крупнейший музей отечественного и зарубежного декоративно-прикладного искусства, будет отныне во многом служить эталоном и ориентиром для художественных решений других музеев.

— В новой экспозиции,— рассказывает М. П. Цуканов,— мы хотели более широко и емко показать место русского искусства в мировой художественной культуре, ярче выделить преемственность времен, поколений, традиций, нагляднее представить все многообразие национальных особенностей и самих центров отечественного декоративно-прикладного искусства в их историческом развитии, наконец, роль кремлевских мастерских, которые в течение ряда столетий были ведущими в государстве.

Великолепными посольскими дарами множились из века в век коллекции кремлевского холма. Богатые подарки иноземцев обычно передавались на церемониях в Грановитой палате. Но из Кремля гости уезжали не с пустыми руками. Так происходил интенсивный обмен вершинными достижениями русского и зарубежного искусства, взаимовлияние и взаимообогащение наших и иностранных художественных школ.

В мастерских Оружейной, продолжает Михаил Петрович, рядом с ювелирами, оружейниками, иконниками, резчиками по кости, кружевницами, золотошвеями из Новгорода, Пскова, Твери, Костромы, Владимира, Великого Устюга усердно трудились приглашаемые, согласно обычаю, видные зарубежные мастера... Один из очевидцев работы кремлевских умельцев, попавший в белокаменную из западных земель, писал: «Все русские ремесленники превосходны, очень искусны...»

Когда бы не опустошительные пожары, вражеские набеги, смута, говорит директор, от художественных сокровищ Кремля до нас дошло бы куда больше. В войнах, междоусобицах гибли творения искусства, гибли творцы. Но и то, чем мы располагаем сегодня, что приносят археологические раскопки, подтверждает непреходящее значение художественной культуры в духовной жизни народа, возвращая нас к простой истине: взаимодействие разных национальных культур всегда было на пользу народам и осуществлялось исключительно мирным путем.

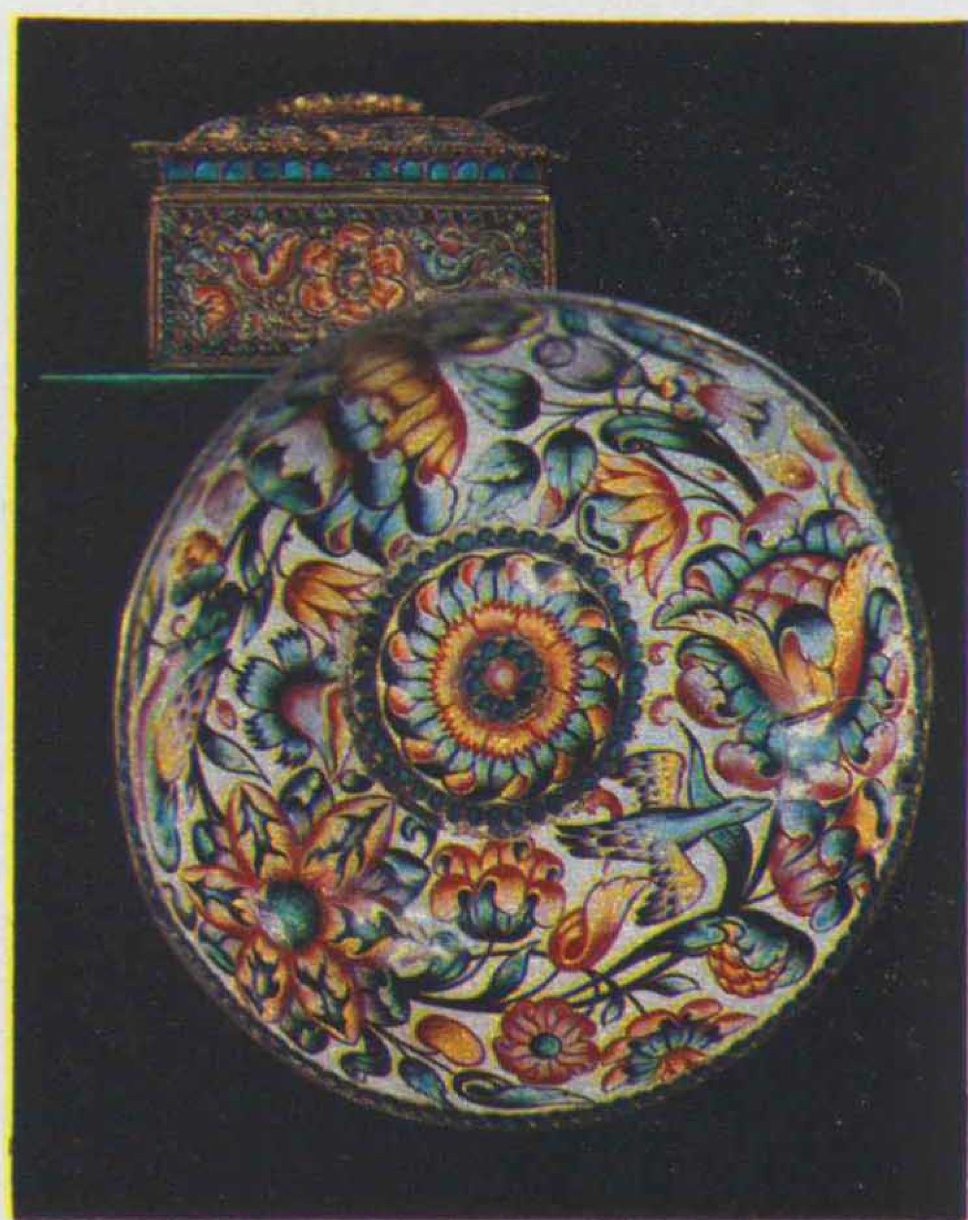
Согласитесь, в наши дни это звучит особенно актуально! Ведь культура сейчас активный полпред мира. Создание Советского фонда культуры, ставящего своей задачей собирание и пропаганду культурных ценностей, вовлечение в дело их преумножения и сохранения народных масс,— факт глубоко знаменательный. Думается, новая экспозиция Оружейной палаты, отвечая велениям времени, послужит важным источником эстетического и нравственного воспитания.

Об этом еще мечтал Ленин. После переезда правительства в Москву Владимир Ильич лично вникал в нужды кремлевских музеев и, узнав, что зимой для отопления Оружейной палаты не хватало дров, распорядился топить ее в первую голову, за счет жилых помещений Кремля, в том числе собственной квартиры.

С тех пор ученые, реставраторы нашли удивительные средства борьбы с обветшанием художественных реликвий (примеры тому почти за каждой музейной витриной), но никто не в силах предотвратить их гибель в результате военной грозы. На берега Волги, в Нижний Новгород, заставило вывезти сокровища Оружейной палаты нашествие Наполеона. В последний раз кремлевские коллекции отправились далеко на восток в годы Великой Отечественной войны.

М. П. Цуканов снимает с полки красочный альбом, изданный коллективом музея, и раскрывает его на нужной странице. Читаю: «В 7 часов утра 20 февраля 1945 года у платформы Кутузово, не доезжая нескольких километров до Москвы, остановился следующий с Урала поезд с экспонатами Оружейной палаты. С большой осторожностью ящики... были доставлены в Кремль, подняты по белым мраморным лестницам здания Оружейной палаты.

Карета. Конец XVI — начало XVII века. Англия. Подарок английского короля Якова I Борису Годунову.

Ларец и тарелка. Сольвычегодск. XVII век.

Сабля. Мастер И. Буслаев. Златоуст. 1829 год.

Фрагмент колеса летней коляски. Англия. Конец XVIII века.

Парадные туалеты и аксессуары. Россия. XVIII—XIX века.

Ювелирные изделия фирмы Фаберже. Конец XIX— начало XX века.

Парадный кафтан, принадлежавший молодому Петру I. Кремлевские мастерские. XVII век.

Ковш. Кремлевские мастерские. Конец XVI— начало XVII века.

Зал западноевропейского серебра.

Посольские дары Польши. XVII век.

Сапожок. Москва. XVII век.

Потир боярыни А. И. Морозовой.
Кремлевские мастерские. XVII век.

Женское украшение — колт. XII век.
Тульский клад.

Парадное и охотничье вооружение. Кремлевские мастерские. XVII век.

Кубок-глобус. Гамбург. XVII век.

Реликварий. Византия. XI век.

Началась работа, о которой в долгие и трудные дни на далеком Урале мечтали научные работники — хранители коллекций. Многое тогда было заново продумано, определены темы экспозиций, составлены планы размещения коллекций. Благодаря этому Оружейная палата полностью открыла свою экспозицию раньше других крупных музеев Европы».

— И вот теперь,— добавляет Михаил Петрович,— создана новая экспозиция, над концепцией которой мы тоже долго думали и необходимость в которой назрела давно. Она продиктована растущей популярностью музеев, усилением их воспитательных функций. Значительно пополнились за последние годы фонды Оружейной палаты, а среди них немало подлинных шедевров.

* * *

Ищу глазами «новичков» и быстро убеждаюсь, что в шести нынешних разделах экспозиции они не теряются среди знаменитых собратьев. Вот золотая гривна со вставками цветного стекла и два замечательных золотых, украшенных змеиными головами запястья, выполненных в IV—V веках мастерами Северного Причерноморья. Рядом — крышки рак Кирилла Белозерского и царевича Дмитрия с рельефными изображениями их фигур, редкие создания древнерусского пластического искусства. Около восьмидесяти новых экспонатов встречают нас в витринах русских серебряных дел мастеров XVIII — первой половины XIX века. Впервые выставлены приобретенные и атрибутированные в недавнее время почти 50 произведений фирм К. Фаберже, П. Сазикова, И. Хлебникова, фабрики В. Семенова, относящиеся ко второй половине XIX — началу XX века.

...Произведения большие и малые. И у каждого своя неповторимая история, своя судьба. Вот два волосника (женские головные уборы). Один из них принадлежал жене Ивана Грозного, Анастасии, умершей в 1560 году. Другой носили уже в середине XVII века. Оба волосника были найдены в захоронениях на территории Кремля и отреставрированы здесь же. Череду новых экспонатов продолжают детали и украшения светского костюма XIV — начала XX веков, две пелены XV века, покров 1583 года...

Свыше двух лет длилась реставрация необычного двойного трона, предназначавшегося царевичам Ивану и Петру. Виртуозный кремлевский реставратор ветеран Великой Отечественной войны Н. Долгов и его младшие коллеги Ю. Осипов и М. Кружалин впервые разобрали на 119 фрагментов серебряную оправу трона, изготовленную в кремлевских мастерских, выправили, очистили, промыли пластины и вновь установили на прежнее место. Через неутомимые руки реставраторов прошла за эти годы также часть государственных регалий. А их в Оружейной палате тридцать восемь, нигде в Европе не сохранилось столько. Живая летопись политической истории Русского централизованного государства, укрепления его авторитета на международной арене, они, будучи историческими памятниками в полном смысле слова, являются вместе с тем шедеврами ювелирного искусства мастеров России, стран Востока и Запада.

О двух скромных венцах в соседней витрине этого не скажешь. Но ими венчались Пушкин и Наталья Николаевна. Они тоже драгоценные исторические памятники. Подобно зазубренным саблям Минина и Пожарского, последней кольчуге Ермака, чаше Юрия Долгорукого...

* * *

В заключение одна из многочисленных записей в книге отзывов музея:

«Оружейная палата после реставрации — новый музей, музей, в котором вещи заново открыты, стали жить новой, полнокровной жизнью. Это огромнейшее событие для нашей страны. Прекрасное ощущение — мы в святыне России, мы в одном из самых первых (с XVI в.) и самых «сверкающих» музеев мира. Как мы все благодарны всем, кто творил это чудо. Академик Д. С. Лихачев».

Вечный гонец из прошлого в будущее на службе Памяти и Культуры, старейший отечественный музей опять в пути.

СОЗВЕЗДИЕ В СЕРДЦЕ

К СТОЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ГАБДУЛЛЫ ТУКАЯ

Сергей **КОШЕЧКИН**

Тихой зимней ночью в занесенной снегами татарской деревне Камышле, что в Куйбышевской области, слушал я отрывки из «Воспоминаний» Габдуллы Тукая, тогда еще не опубликованные на русском. Подробно пересказывал их мой друг редактор районной газеты, поэт Энвер Давыдов. Стихи и прозу Тукая он знал хорошо, и слушать его было на редкость интересно.

Говорил Энвер негромко, без каких-либо эмоциональных всплесков, но с каждым эпизодом у меня на душе становилось все горше и горше.

Какой недоброй была судьба к Тукаю! Неисчислимы его мытарства — из деревни в деревню, из одного чужого дома в другой...

Особенно врезался в память случай, что произошел с Габдуллой в селе Кырлае — сюда взял его на воспитание один из местных жителей.

Стояла осень. Наступили холода, но мальчик ходил босиком. Днем работал в огороде, а когда ноги зябли, он зарывал их в землю. Однажды дочь хозяина, копая картофель, нечаянно всадила в ногу Габдуллы острую лопату. Он вскрикнул и, отбежав прочь, заплакал. Глубокую рану засыпал землей и продолжал работать. Ноги снова мерзли, но он уже не решался прятать их в землю...

Казалось, одни печальные воспоминания должны остаться у Тукая о детских годах, проведенных в Кырлае. Но это не так. В его стихах, обращенных к родному краю, живут и другие чувства.

Пусть бедность меня здесь давила,
пусть я сиротой вырастал
И тяжесть людского презренья,
и стыд униженья узнал.
Но вдаль, словно птицы, умчались
тяжелые прежние дни.
И, если я их вспоминаю,
мне кажутся снами они...
Милы мне здесь лето и осень,
милы мне зима и весна,
И лапти простые, и платье
из грубого полотна.
Твоих пастухов полюбил я,
овец, и коров, и быков,
И сказочных леших люблю я,
и белок твоих, и волков.

Это из тукаевского стихотворения «Родная земля». Говорят, его высоко ценил Сергей Есенин, и это вполне возможно. То, чем пронизаны эти проникновенные строки, Есенин называл лирическим чувствованием родной страны. Именно в чувстве Родины исток силы и красоты как русского, так и татарского поэта.

И когда Тукай восхищался обликом татарской девушки или печалился о горькой бедняцкой доле; когда высмеивал бездельников и пустобрехов или клеймил чванливую буржуазную знать; когда он был полон надежд на близкую свободу или напутствовал в жизненный путь девочек-сироток — всегда перед ним был образ отчего края. Ради счастливого будущего родной земли поэт жил и боролся, не думая о себе, не щадя себя.

Весенний месяц апрель 1886 года был месяцем рождения Габдуллы Тукая, и старые люди предсказывали мальчику долгую счастливую жизнь. Так, по поверьям, бывало со всеми, кто появлялся на свет в весенние месяцы. Но судьба распорядилась иначе. В апреле 1913 года, истерзанный туберкулезом, усталый, он умер в больнице для бедняков, умер, не дожив до своего двадцатисемилетия.

«Мир этот — не для художников,— писал Максим Горький С. Н. Сергееву-Ценскому,— им всегда было тесно и неловко в нем — тем почтеннее и героичней их роль. Очень хорошо сказал один казанский татарин-поэт, умирая от голода и чахотки:

Из железной клетки мира улетает,
Улетает юная душа моя...

Стихи Габдуллы Тукая...

Он написал несколько томов стихотворений, поэм, сказок, критических и публицистических статей, составил несколько учебников, перевел на татарский язык произведения Пушкина, Лермонтова, Байрона, Гейне... Он первым начал исследовать татарский фольклор.

Творчество Г. Тукая, сказал Муса Джалиль, имеет исключительное значение в развитии татарской литературы. Образный и чисто народный язык его стихов обогатил ее и дал ей большую выразительность.

Как мне рассказывал критик Гази Кашшаф, многие стихи любимого поэта Муса Джалиль знал наизусть и читал в кругу друзей. Не раз в разговорах о Тукае назывались и его «Воспоминания»...

После рассказа в «Воспоминаниях» о том, как он в детстве грел ноги в земле, Тукай добавил:

«Спросят: Зачем это я написал? Как зачем? Взял да написал, потому что нога тогда очень болела, и сейчас еще имеется рубец».

Все свои стихи Габдулла Тукай написал потому, что у него нестерпимо болела душа за народ, за землю, где он родился, жил, страдал.

И если можно было бы взглянуть на его сердце, то, наверно, мы увидели бы не один рубец, что остается от беспощадных ударов разного рода обстоятельств.

Но он был горд своей судьбой, как бы она ни старалась согнуть его.

«Созвездие в сердце моем!» — сказал он, и народ бережно держит его у своей груди — сына юного, родного, любимого...

Редакция предлагает очерк о члене-корреспонденте АМН СССР Ю. Бредикисе, чьи работы в области создания и внедрения новых методов диагностики и хирургического лечения тахиаритмий, так же как и доктора биологических наук Ф. Букаускаса и труды их московских коллег профессора Л. Бокерия и старшего научного сотрудника А. Ревишвили представлены на соискание Государственной премии СССР.

Такую операцию Юргис Юозович Бредикис осуществил при аритмии сердца впервые в мире три года назад, и никто пока и нигде ее не повторил. Разумеется, ей предшествовало множество экспериментов, но все равно это был смелый, волевой шаг, свойственный его натуре. Вот так же, много лет назад, 27-летний Бредикис решился на пункцию сердца. Его автореферат, с которым я познакомилась в Библиотеке имени В. И. Ленина, так и назывался: «Анатомические и экспериментальные обоснования пункции сердца». А ведь то было время, когда сама мысль об этом считалась еще кощунственной.

В 1984 году Бредикис применил лазер, сконструированный в Физическом институте АН СССР группой во главе с доктором физико-математических наук Р. В. Амбарцумяном, при еще более сложной операции на сердце — создании искусственных микронных каналов, улучшающих кровоснабжение сердца при некоторых формах ишемической болезни.

Однако не только лазеры используются профессором для уникальных операций. Арсенал новейших методов воздействия у него велик, Бредикис прибегает и к низким температурам, создавае-граммы больных, инженеры принесли новый хирургический инструментарий, и тут же началось его обсуждение...

Пятрас Стирбис вручил своему научному руководителю докторскую диссертацию. Бредикис покачал ее на ладони: «Килограмма четыре будет. Вот какие теперь пишут диссертации!»

Время приближалось к десяти. Больного на каталке повезли в операционную, но профессор не торопился. Он доверяет своим ученикам и распорядился, чтоб начинали без него. Тем временем заочно знакомил меня с больным.

— Это совсем молодой человек, двадцати примерно лет, считается, между прочим экстрасенсом. Но они ведь сами себя не лечат,— улыбнулся Юргис Юозович.— Тем более после того, как сказали, что у него инфаркт. Анатолий занимался легкой атлетикой, бегом, а тут вообще перестал ходить. Пройдет пятьдесят метров и остановится, загипнотизированный ошибочным диагнозом: а вдруг что-нибудь случится? Дело в том, что врачей города, из которого он приехал, ввела в заблуждение электрокардиограмма, характерная для врожденных нарушений сердечного ритма. Она бывает настолько похожей на кардио-

того города. Прямо же не скажешь, что тамошние специалисты ошиблись. В общем, нам, кардиологам, приходится быть и психологами, объяснять, что не все врачи знают о синдромах, которыми мы занимаемся, так же как и про операции по удалению пучка Кента — дополнительных проводящих импульсы путей, из-за которых случаются нарушения сердечного ритма.

Ритмичной работой сердца управляют, как известно, импульсы, рождающиеся в его нервных центрах. Но они, эти импульсы, обеспечивают нормальную деятельность лишь в том случае, если исправно действует нервная сеть — проводящие пути, по которой они проходят. Однако стоит нарушиться, так сказать, традиционным или появиться дополнительным проводящим путям — причин известно немало, и они могут быть и врожденными, как, например, пучок Кента,— начинаются приступы аритмии, нарушения нормального ритма работы сердца...

— Итак, о предстоящем,— продолжал Бредикис.— Операции по нарушению ритма идут с особенным напряжением. Почему? Потому что здесь в отличие от операций других органов не всегда просто найдешь то, что надо устранить, ликвидировать. Зачастую невидимый нервный пучок надо искать с помощью электроники, компьютера.

Далее. Очаг аритмии на какое-то время может перестать функционировать во время операции, на операционном столе, под наркозом.

ОПЕРАЦИ

Галина КУЛИКОВСКАЯ, фото Сергея ПЕТРУХИНА, специальные корреспонденты «Огонька»

●

Я давно собиралась на операцию к профессору Бредикису. Выдающийся хирург, член-корреспондент АМН СССР, он возглавляет Всесоюзный центр лечения сложных нарушений сердечного ритма и электрокардиостимуляции. В арсенале средств, которыми он располагает, новейшие достижения науки и техники, в том числе лазерной.

...Знаю и по себе, что луч квантового генератора укрепляет, «приваривает» сетчатку человеческого глаза; в другом случае видела, как мощный лазер буквально несколькими «залпами» уничтожает вторичную катаракту. Довелось наблюдать, как хирурги при помощи лазерного аппарата НЖКА-60, способного бескровно рассекать и соединять стенки желудка, выполняли операцию. Наблюдала, как алый зайчик гелий-неонового лазера исцеляет трофические язвы... Но чтоб лазерным лучом дерзновенно коснуться неприкасаемого — самого сердца?..

Идет операция.

мым криогенным аппаратом, и к ультразвуку...

Мне долго пришлось ждать «заказанной» операции: то не было больного с подходящим диагнозом, то у него поднялась вдруг температура; было время оглядеться. Но вот, наконец, полное благоприятствие, назначен день.

Утро было как утро. Правда, пришлось оно на понедельник, и ни одной свободной минуты у профессора не оказалось. Звонил телефон. Приходили советоваться врачи, показывали электрокардио-

грамму при инфаркте, что врачи иногда ошибаются.

Понятно, почему именно этого больного отобрал Бредикис: тут же неординарная ситуация и весьма поучительная для молодежи.

— Мы оказались в затруднительном положении. Во-первых, надо было доказать больному, что операция необходима и неизбежна, и только она вернет его в строй, а ведь к ней не был он подготовлен. Во-вторых, это надо было сделать тактично, соблюдая этику и не компрометируя врачей

Значит, его надо возбудить, спровоцировать, чтобы найти. Далее. Одну причину устранили, но после нее может быть другая, еще более скрытая. И снова ищи. Драматизм этих операций заключается в том, что часто на операционном столе начинается обострение. Мы почти на каждой операции прибегаем к электрической дестабилизации, массажу сердца, потом восстанавливаем его деятельность и ведем поиск, но вот снова обострение... Так может продолжаться 10—15 раз. Но потом, после ликвидации причин аритмии, это огромное напряжение хирурга окупается — ведь больной практически становится здоровым человеком... А теперь прошу в операционную.

И встал, большой, крепкий, с плечами атлета — он действительно «баловался» штангой,— с густым загаром на лице — любит отдых на свежем воздухе, горные лыжи, слалом...

...Операционная в одной комнате не уместилась. В проеме распахнутой двери видны компьютер; криогенная установка, охлаждающая азот до минус семидесяти градусов; генератор ультразвуковых колебаний и отечественный лазер на неодиме. Возле него уже знакомые мне лазерщики Видас Обелениус и Ариумас Кнепа. Позавчера я была у них в лаборатории.

Операция в разгаре.

...Сердце человека, целое и невредимое, не кровоточащее и не красное, а розовато-золотистое с синими прожилками, такое муляжно-чистенькое и сухое, уютно, как в гнездышке, лежало в разверзнутой хирургами сердечной сум-

ке-перикарде. Оно поражало своей невероятной обнаженностью, доступностью и какой-то покорной беззащитностью, будоражило чувство жалости. К нему пиявкой присосался один электрод, а другим хирург нежно и ласково поглаживал между предсердием и желудочком, громко при этом называя условные точки. Потенциалы сердца улавливают датчики, сигналы поступают в усилители, и вся эта информация просчитывается компьютером. Если сигнал приходит не за сто пятьдесят миллисекунд, а раньше, значит, есть дополнительный нервный путь, пучок Кента, который вносит сумятицу в сокращение, и его надо уничтожить. Так постепенно «прозванивается» этот участочек сердца. И бежит, бежит на экране монитора ядовито-зеленая, пока с роковой дельтой волна, типичная для синдрома. Даже неопытный врач понял бы: очень плохая электрокардиограмма.

Но больше всего поражало сердце тем, что, невзирая на столь бесцеремонное с собой обращение, оно продолжало работать. Работало как заколдованное, то сокращаясь, то расслабляясь. Человек, усыпленный наркозом, отключился, а оно, сердце, продолжало трудиться, жить само по себе, точно вселилась в него неведомая сила.

Я

Бредикис говорит про такое сердце, что оно теплое, то есть не отключенное от остального организма. Операция протекает по щадящей методике, разработанной тут, в Каунасе, и без аппарата искусственного кровообращения. Как известно, применение этого аппарата для человека проходит далеко не бесследно.

Один из основных ассистентов, Юозас Сакалаускас, добавляет: «В США хирурги ведут подобные операции на остановленном, раскрытом сердце, с аппаратом искусственного кровообращения».

Я включаю магнитофон.

— Тринадцать,— называет профессор точку, тринадцатую по счету на сердце, которой коснулся электродом.

— Тринадцать,— эхом вторит в другой комнате Раймондас Лякас, заведующий лабораторией электрофизиологических исследований, он стоит у компьютера.

— Четырнадцать!—электрод передвинут вправо.

Этот поиск напомнил мне — да простят медики грубое сравнение — работу саперов, отыскивающих щупами смертоносные снаряды.

— Сейчас мы работаем в непосредственной близости от клапана, стенки очень тонкие. Где-то здесь, в пределах одной-двух точек пучок Кента, сейчас уточним положение. Пятнадцать! Да, он ближе к

Член-корреспондент АМН СССР Ю. Ю. Бредикис.

перегородке, правосторонний околоперегородочный пучок, так его можно было бы назвать. Вот где он проходит. Он глазу не виден. Надо отстранить от него все ткани и клетчатку. Шестнадцать! Стоп! Герай! (Это по-литовски значит — хорошо.) — В голосе профессора радостная нота.

Взбираюсь на скамеечку, чтоб лучше увидеть, как он очень точным движением отделяет ткани. Другой ассистент перевязывает сосуд, встретившийся на дороге, отсасывает кровь. Сердце снова сухое, будто вымытое.

— Вот этот зубец, он расширен благодаря пучку Кента... Первый этап пройден.

Римантас Бенетис протянул световод в прозрачной полиэтиленовой оболочке. По нему и направлялся чудодейственный луч, такой прирученный, способный в зависимости от того, в чьих он руках, на исцеление и на убийство как орудие смерти. Излучение действовало невидимо и беззвучно. Ни тебе яркого пятна, ни искрения, ни шипения,— словом, никаких зрелищ. Однако, будто по взмаху волшебной палочки, изменилась, выровнялась зеленая волна на мониторе. ЭКГ в норме! Только что был ликвидирован проводящий путь, по которому шли импульсы, нарушавшие сердечный ритм.

Бредикис вроде обескуражен: эффект получился слишком быстро, на десятой секунде.

— Вот этот зубец, вы видите? — снова обратился он к нам.—Он исчез, значит, пучок Кента уже не мешает работе сердца. Подождем, слишком быстро это произошло, чтоб радоваться. По зарубежной методике операций на раскрытом сердце эта часть операции занимает не менее часа.

Не доверяющий даже сам себе — в хирургии ошибки трагичны — Бредикис снова, поглаживая и называя точки, проверяет достигнутое. Это для контроля. Сердцу искусственно создавали тяжелые условия, заставили сокращаться в более частом ритме, но оно реагировало благодарно: ЭКГ оставалась в норме. Вот теперь можно было восстановить его целостность спокойно, промыть физиологическим раствором, зашить. Пошутить... «А говорят, что понедельник — тяжелый день!»

Это была двадцать пятая операция, выполненная в Каунасе с помощью лазера при нарушениях ритма сердца.

А у меня перед глазами стоит Наташа, пятиклассница из подмосковной Электростали. Жизнерадостная, стройная девочка с пухлыми щечками, хорошая ученица, любит кататься на коньках, но еще больше — ходить на лыжах. А ведь у Наташи было такое страшное детство! Больницы, «скорые помощи», клиники, инъекции, капли, таблетки... С двух лет пароксизмальная тахикардия, одна из самых тяжелых форм аритмии, когда пульс достигает 240, иногда 300 ударов в минуту, вызванная тем же синдромом, другими словами, пучком Кента, что и у Анатолия Н. Отчаявшиеся родители написали письмо Ю. Ю. Бредикису, статья которого была опубликована в «Известиях». И вызов на лечение пришел. Избавление принесла тяжелая шестичасовая операция. Пришлось останавливать сердце, применять искусственное кровообращение. Шел 1980 год. Юргисом Юозовичем, его последователями и учениками и коллегами-биологами, биофизиками, физиологами не была еще разработана методика поиска пучка Кента, которая столь виртуозно применяется им сейчас. Еще не было у него и лазера. Теперь эта сложная операция прошла бы почти в два раза быстрее.

Шесть лет назад Наташа была самой юной пациенткой профессора. Сегодня самому малому его пациенту полтора года. Он бегает, здоров и весел. Операция длилась всего полтора часа и была сделана малышу в шестимесячном возрасте. Остается добавить, что операции такого рода вошли в повседневную клиническую практику...

— Нарушения ритма, тахикардии. Операция без вскрытия сердца. Не случайно имя хирурга известно во всем мире, ведущий американский журнал в прошлом году напечатал три статьи Бредикиса.

Это не кто-нибудь так сказал. Эти слова принадлежат знаменитому хирургу, ученому-кибернетику и писателю Николаю Михайловичу Амосову. В разговоре со мной он обратил также внимание на то, что у Бредикиса отлично поставлена экспериментальная работа. «Как сейчас говорят, на уровне мировых стандартов»,— подчеркнул академик АН УССР и продолжил:

— А школа, созданная им по электрокардиостимуляции! Он пионер этого дела в стране. И не только как хирург — как соавтор технических новинок.

И не найти лучших строк для эпиграфа к следующему фрагменту рассказа о профессоре Бредикисе.

* * *

Присутствуя на описанной выше операции, мы только что видели, как «усмиряется» патологически возбужденный проводящий путь. Но нередко врач сталкивается с тем, что этих импульсов как бы недостаточно, проводимость сигналов к желудочкам и их сокращения нарушены. Это обрекает сердечную мышцу на хаотичную, замедленную работу. Пульс таких пациентов колеблется между сорока и двадцатью ударами в минуту. Сердце работает вяло, человек теряет силы, у него постоянно кружится голова... Нарастает угроза для жизни. Как тут помочь?

Казалось бы, по логике, чего проще? Надо восстановить проводящие пути, искусственно воссоздать нерв. Но, увы! Наука и медицина до этого еще не дошли. Но средство есть: искусственно созданные внешние импульсы, но не нервные, а электрические. Они-то и стимулируют работу сердца, задают его мышцам нужный для их сокращения ритм.

Первую в СССР операцию по присоединению проводов электростимулятора к сердцу произвел Ю. Ю. Бредикис. Тридцатилетний кандидат наук.

— Было это четверть века назад. Простите, это было сегодня,— мой собеседник доктор медицинских наук Римантас Жебраускас посмотрел на календарный листок,— точно, двадцатого числа, в такой вот день. Только двадцатью пятью годами раньше. Я тогда был студентом, Бредикис руководил нашим кружком. Мы знали об его увлечении электро- и радиотехникой. Он сам когда-то собирал детекторные приемники. А теперь вот со своим приятелем, инженером Пятрасом Казакявичюсом сконструировал и сам сделал электростимулятор для наружного применения. Мы испытывали его сначала на животных.

А в клинику на третий этаж «Скорая» везла и везла больных. Однажды нам доставили инспектора по рыбнадзору. Он гонялся на озере за браконьерами. Тяжелый приступ. Пульс не прощупывался. Сердце не прослушивалось. Массаж. Искусственное дыхание. Бредикис отправил его в операционную. Немедленно вскрыл грудную клетку, подшил к желудочкам сердца два электрода и вывел их наружу. Стимуляция при помощи наружного аппарата. Тому человеку было за семьдесят. Встал на третий день. Сам ушел, на своих ногах. Сердце работало нормально. Это было чудо! Настоящая сенсация! И как раз в том самом месяце, счастливом для человечества; Гагарин полетел! Мы своего преподавателя назвали тоже Гагариным, только в медицине. Кстати, он тоже, если по-русски,— Юрий! На следующий год Бредикис поехал в Москву, к Бакулеву. Академик горячо поддержал его. Вторым счастливым пациентом Бредикиса был железнодорожный инженер, о нем «Огонек» в свое время писал.

Далее эстафету воспоминаний я передала Виталию Евгеньевичу Бельгову.

— Я познакомился с Бредикисом в клинике Бакулева. Он работал тогда над первой в стране докторской диссертацией по электростимуляции. Нас, инженеров и конструкторов, раззадорила статья академика Бакулева, опубликованная в центральной газете, в которой он очень сердито писал о плохой медицинской технике. Мы к ней прямого отношения не имели, но, когда нам предложили сделать вживляемый стимулятор, взялись. Идея увлекла нас. И теперь отдел, которым я руковожу, этим только и занимается. Мы стали головной в стране и в системе СЭВа организацией по этим делам. Активно сотрудничаем с чешскими специалистами.

Бельгов раскрывает массивную коробку. На красной шелковой подушке, словно бриллианты, возлежит семейство электронных сердечных помощников в титановой оболочке, созданных в разное время. От ЭКС-2 рождения 1962 года до ЭКС-500 года рождения 1985-го. ЭКС-2 оказался долгожителем, только недавно его сняли с производства. Разница с последним воспреемником, мультипрограммируемым ЭКС-500, у него огромная. Сравните сроки службы: два года и десять лет. У первого не более десяти элементов, у последнего свыше пяти тысяч, специализированная аналого-цифровая БИС — большая интегральная схема. У того была всего лишь одна жесткая программа работы, у этого — 34 тысячи на выбор по физиологическим показаниям. В СССР аналогов не имеет и не уступает зарубежным.

— В разработке,— рассказывал Бельгов,— ЭКС-600 с автоматизированным поиском программы.

Поиск и творческое содружество медиков, физиологов, физиков и электронщиков продолжается. Об этом говорил недавно в своем докладе в Москве, на заседании научно-технического совета АМН СССР Ю. Ю. Бредикис. В его словах, однако, я уловила тревогу и озабоченность. Есть еще отставание в научных исследованиях по созданию многофункциональных электрокардиостимуляторов и биосенсоров... Не везде имеется для этого достаточная научно-техническая база. Потому и в решении, принятом на том заседании, записано: «Считать целесообразным создание базовых научно-исследовательских лабораторий в МИФИ, Тартусском университете, Куйбышевском, Кишиневском и Каунасском мединститутах. Просить ГКНТ СССР рассмотреть этот вопрос...»

Да, такая лаборатория нужна и самому Каунасу, в котором за четверть века выросла школа первоклассных специалистов — свои доктора и кандидаты наук. В том самом Каунасе, который помог создать центры электрокардиостимуляции сначала в Риге, Тарту, Баку и Тбилиси, а теперь создает во многих других городах по праву и статусу Всесоюзного Центра. На карте уже сорок семь точек — от Благовещенска и Иркутска до Минска и Львова. Перспективы у Центра большие. Принято решение о создании здесь целого комплекса с отдельными лабораторными и кардиологическим корпусами, поликлиникой, реабилитационным центром и пансионатом для приезжих.

...В Каунас, на улицу Янушкявичюса, идут письма. От тех, кто нуждается в лечении, и от тех, кто здесь побывал и обрел способность трудиться, нормально жить, заниматься спортом. Пишут рабочие и генералы, строители, хлеборобы и пенсионеры. От имени маленьких, таких, как двухлетняя Ева из-под Шауляя и взрослые, до стадвухлетней жительницы Паневежиса, ей операцию делал Стирбис, будущий доктор наук, ученик Бредикиса.

Ирена Апокене, ученый секретарь Центра, показала мне свою картотеку. 2750 адресов. Среди них я нашла и Наташин адрес, по нему и отыскала девочку. Для науки ведь важны отдаленные результаты, особенно у детей. Некоторых больных вызывают в Каунас на проверку. По лечению детей, в частности, здесь накоплен уникальный, вероятно, самый большой в Европе материал.

Но есть среди пациентов члена-корреспондента АМН СССР один, особо почитаемый. Он писем не писал. Он просто последовал мудрому совету Юргиса Юозовича. Правда, не сразу, а через год. Когда почувствовал, что не может по утрам, как всегда, по строго заведенному порядку, не шагом, а бегом брать гору. Он сам себе выбрал хирурга для электростимуляции, поехал в Каунас.

На днях я позвонила в Киев, спросила, как он себя чувствует.

— Хорошо! Вернулся к бегу!

Так ответил мне ученый и писатель, академик АН УССР Н. Амосов.

На обходе.

Журналист-международник Ростислав Знаменский растратил за границей крупную сумму денег, выданных на покупку автомашины. Знакомые иностранцы прикинулись сочувствующими и дали Ростиславу взаймы денег, а затем пытались завербовать его для работы на вражескую разведку. Знаменский обратился в наше консульство и рассказал обо всем.

Один лишь Захар Чижов, друг по институту международных отношений, не отвернулся от Ростислава после того, как его отозвали из-за границы, сняли с работы и исключили из партии. Чижов вызывает Знаменского в Туркмению и рекомендует на работу.

Знаменский по совету своей новой знакомой Ланы снимает комнату в доме у Дим Димыча. Здесь Ростислав впервые встречает врача Светлану, а также быстро сходится с Аширом Атаевым, бывшим старшим следователем по особо важным делам.

9

Но что же стряслось с этим старшим следователем по особо важным делам — бывшим старшим следователем,— чтобы он мог так закричать?! Это был не клич его племени, не яростный вскрик атакующих всадников, это был крик рушащегося человека.

Они давно покинули дворик Дим Димыча, его заваленный дарами земли стол. Им там тесно стало. Дим Димыч их там пас, обвыкшийся со своей старой бедой, а их беда — своя на каждого! — была совсем новой, свеженькой, кровоточила. И они ушли, хоть и не много выпив, но сразу захмелев, обнявшись, покачиваясь, чуть знакомые, но уже и братья, ибо несчастье роднит.

Ростислав Знаменский и Ашир Атаев побрели по безлюдным, тихим окраинным улочкам, и если попадались навстречу прохожие, то, едва завидев эту пару обнявшихся и шатких, переходили на противоположную сторону. Для прохожих, со стороны-то, они были просто двумя забулдыгами. Один с виду был почти бродягой, другой казался заморским туристом. Но водка, всем известно, и не такие умеет скреплять союзы.

Шли, покачивались, подпирая и слушая друг друга, но говорили разом, каждый еще слушал себя. Ничего, разбирались. И в друг друге разбирались, и каждый сам про себя — сейчас в них обреталась изумительная ясность. Потом утром ничего почти не вспомнят, сбежит от них ясность. Но то утром будет, а пока... И про Дим Димыча сразу все узнал и все понял Знаменский. Узнал, что в землетрясение у него погибли маленькие сын и дочь, а жена осталась без ног, годы и годы потом жила калекой, передвигалась в коляске,— потому и двери в доме из комнаты в комнату ведут, потому такие широкие эти двери, хотя комнаты маленькие. Узнал, что исхлеченная эта женщина была доброй и отзывчивой, со всего города сбегались к ней бедолаги, всем она умела помочь. Она и он, Дим Димыч Коноплев.

Дом этот, времянка, где, казалось, неизбывное горе поселилось, был в городе спасительным островком для потерпевших кораблекрушение. Все ясно, все понятно. Такие островки, если поискать, в любом городе отыщутся. Несчастье либо ожесточает людей, либо возвышает. Доброта твоя и самого тебя лечит. Что бы они делали, эти двое, если бы замкнулись в своем горе, ожесточились? Все ясно, все понятно: они врачевались, самоврачевались добротой. Тут все легко прочитывалось. А вот свое горе трудней читалось. Про другого, слушая его, понималось, про себя, слушая себя, ну никак.

— Понимаю тебя,— говорил Ашир, они сразу же перешли на «ты».— Не разобрались, не пожелали. Да и зависть. Вон ты какой! Ну, конечно, выпороть бы тебя не мешало. Разболтался, что говорить. Это вас, баловней судьбы, вседозволенность губит. Человека в пьяном виде сбил — сошло. Машину перепродал, нажившись,— простили. В какой-то сомнительной компании застукали — обошлось, замяли. Так и скользите по жизни. Все можно! Все сходит! А вот и нет, и нет!.. Но ничего... Не падай духом...

Да, беда его, катастрофа, погибель — все это было ясно-понятно Аширу Атаеву, рассказанное Знаменским его не удивило, все он быстренько понял и объяснил.

Но и Знаменский, вслушиваясь в сбивчивый рассказ про то, за что лишился Ашир Атаев работы, за что стал вот несоответствовать — слово какое мучительное, оскорбительное! — занимаемой должности, но и Знаменский легко и просто все понял и даже растолковал:

— Пошел ты, друг, против начальства, я так понимаю. Занесся, скажу тебе. Ну, следователь, ну, ухватил нить. А по зубам ли этот моток? Решил, что по зубам. Вышло, что нет. Вот и... Но ничего... Не падай духом...

Все ясно, все понятно, все прочитывается. У Ашира про Ростислава, у Ростислава про Ашира. Ясно другому, себе нет. И снова начинают они втолковывать, по второму кругу, по третьему. Бредут, бредут, обнявшись, путаясь ногами, запутываясь в мыслях. Одно хорошо, обрели друг друга. Это уж наверняка хорошо, просто замечательно. Удача! Но наутро и это уйдет, сбежит чувство удачи. Ну, познакомились, потолковали, излишне, жаль, откровенничая, ну, разбежались. Все? Именно! Каждому жить в одиночку. И жить худо. И все же, все же. Глядишь, снова сбегутся. Душа-то болит.

Ашхабад — большой город. Собственно, он еще город, его еще мысленно можно как-то оглядеть, вобрать в возведенную ограду, хотя бы мысленно: ведь города от ограды пошли, от сходившихся за укрытие крепостных стен людей. Оград таких теперь нет. Но город, если не слишком большой, еще возможно оглядеть, огородить памятью глаз. И тогда это город. А если слишком велик, то считай, несколько городов встало под одно имя. В Москве их сколько, городов-то? До дюжины. Медведково — город. Юго-Запад — город. Коньково-Деревлево — город. Речной вокзал с районами возле — город. И так до дюжины. И это не считая центра, того именно места, что зовется от века Москвой.

А Ашхабад обозрим хоть в памяти. Он большой, да маленький. Он еще в человеческом понимании вмещается. И потому всякий человек в нем не песчинка в пустыне, не сам по себе, а на людях. Обозрим, так сказать. Замечен. Куда пошел, с кем пошел — не тайна. Эту нашу пару, бывшего старшего следователя по особо важным делам и бывшего журналиста-международника, только вчера прибывшего,— здешнего бедолагу и пришлого — многие в городе заметили. Шли обнявшись, пошатываясь. Ну что ж, ну что ж...

10

Наутро выяснилось, что и второй из «двух господ» отбыл в командировку. Беседа на высшем уровне с новым сотрудником, стало быть, откладывалась. Впрочем, так ли она была необходима? Для этого сотрудника, для его уровня вполне был достаточен ранг Захара Васильевича Чижова.

— Считай, что беседа по вводу тебя в должность проведена,— сказал Чижов, когда, заехав утром за Знаменским, повез его к месту службы.— Заполнишь личный листок по учету кадров, ну и все пока, ты оформлен.

— И с чего начнется мой трудовой день? — спросил Знаменский.

— С жары,— попытался отшутиться Чижов.— Какая работа, Ростик, когда уже сорок два градуса? А в Каире у тебя там в такую жару работали?

— Нет.

— А мы чем хуже? Закатимся ко мне, ляжем на пол в зашторенной комнате и будем разговоры разговаривать.

— Кейфовать! — подхватил Алексей.

— Но жара эта продлится тут еще два месяца,— сказал Знаменский.— Нет, серьезно, Захар, что у меня будет за работа, каков круг моих обязанностей?

— Все от случая пока. В такую жару к нам делегации не ездят. Ну, а когда начнется сезон визитов, вот тогда мы тебя и запряжем. По всей Туркмении начнешь мотаться, суток не будет хватать. Одна делегация отбывает, другая прибывает. И всем ты нужен. И по линии МИДа, и по линии Общества дружбы с зарубежными странами.

— Фигаро тут, Фигаро там,— сказал Алексей.

— Сам ты Фигаро! — рассердился Чижов.— Сколько раз просил тебя не вмешиваться в чужой разговор. Представляешь, Ростик, этот бойкий товарищ с иностранцами пытается разговоры разговаривать. Толкует на всех языках, не зная ни одного. Смех и слезы!

— Да, смех и слезы. Выходит, если по совести, ты пригласил меня, Захар, на ничегонеделание? Может, сложить мне вещички — и домой?

— Я пригласил тебя, Ростик, Ростислав Юрьевич, на работу, на штатную должность,— очень серьезно сказал Чижов, поворачиваясь,— он сидел рядом с Алексеем, близко придвинув свое лицо к лицу Знаменского.— Понимаешь, на работу?

— Понял,— после долгого молчания откликнулся Знаменский. Он прикрыл ладонью глаза, заслоняя их от невыносимого солнца и

Лазарь КАРЕЛИН

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

Продолжение. См. «Огонек» №№ 39—41.

от истины, которую разглядел в строго-печальном взгляде друга.— Прости, забываюсь.

Машина въехала в распахнутые решетчатые ворота, обогнула клумбу, остановилась у ступеней очень славного в два этажа особнячка.

— Домик Неру!— объявил торжественно Алексей.— Наш офис!

Их никто не встречал. Жара! Да и в доме, когда вошли в довольно просторный холл, никто не вышел навстречу. Собственно, а кого встречать? Чижов был тут своим, а он, новый здесь сотрудник, если даже допустить, что он сотрудник, был в таком заранговом ранге, что просто не полагалось его встречать.

Несколько дверей выходили в холл, на каждой — дощечка с указанием должности хозяина кабинета. Все как у людей. Были тут и министр, и заместитель его, была тут и канцелярия министерства. В нее и вошли. Зной царил в этой узкой, прямо на солнце окном комнате. И в этом зное подремывала пожилая дама. Она ничего не печатала, но руки держала на клавишах пишущей машинки. Встрепенулась, когда отворилась дверь, забегали пальцы, застучали клавиши, чья-то начальственная воля стала превращаться в документ.

— Здравствуйте, Захар Васильевич!— Дама чуть приподняла веки, углядела Знаменского и разом проснулась, любопытством вспыхнули ее поблекшие глаза. И сразу вскинулись руки к прическе и слишком распахнутому воротничку. О женщины! Ей было больше шестидесяти, все увядшим было в ней, жара извела, но вот вошел молодой и пригожий мужчина, и была проведена мгновенная мобилизация всех сил и средств. Даже успела глянуть на себя в зеркальце, помещенное в выдвинутом ящике стола. Зеркальце подсказало, что надо губы друг о друга потереть, чтобы обрели цвет, что и было сделано.

— Здравствуйте, Лидия Павловна,— сказал Чижов.— Вот наш новый референт, Ростислав Юрьевич Знаменский. Прошу любить и жаловать и выдать товарищу личный листок по учету кадров.

Знаменский подошел к секретарше, взял ее очень измученную машинкой и домашней стиркой-готовкой изморщиненную руку и поцеловал. В зеркальце в ящике он увидел ее вздрогнувшие блеклые зрачки, в которых едва теплилась былая голубизна, и увидел лицо, измученное жизнью, некогда наверняка красивое.

— Что вы, что вы!— сказала Лидия Павловна, вырывая, даже пряча за спину руку.— Никто мне здесь...— Она взглянула на него омывшимися глазами.— Какой вы...— Она не нашла слов, но лицо ее оживало, дрогнули, разжимая морщины, губы.— Какой вы...

— А я что говорил?!— торжествовал в дверях Алексей.— Не обманул, Лидочка?! Он ого! А когда улыбается!.. Ну, все отдай!

Знаменский как раз улыбнулся женщине, дивясь, что вдруг слезы встали у нее в глазах. Отчего вдруг? Его пожалела? Да кто он ей?! Себя пожалела? Вспомнилось что-то? Вот руку ей поцеловал, а она вспомнила... Он продолжал улыбаться ей, дивясь, что и сам на слезы настроился. Вот уж ни к чему! Он быстро распрямился, отошел, сел боком за канцелярский стол в липких сургучовых метах, будто в следах от солнечных смачных поцелуев.

Какая же это мука, оказывается, заполнять личный листок по учету кадров! Сколько таких листков прошло через его руки. Простейшее дело. Он этот обязательный бумажный набор всегда походя одолевал. Оказывается, и это дело стало теперь тягчайшим для него. Пункт седьмой: партийность. Надо вписывать в этот пункт, что исключен из партии. Потом надо будет написать про то же самое в автобиографии. За этим столом с прожженным сукном, испятнанным подтаявшим сургучом, который вдруг отвратительно завонял канцелярией, рука не могла писать. А в руке был золотой «Паркер». И сидел за столом некий франт заморский, вырядившийся — надо же!— в легчайший, без рукавов пиджак, но все же пиджак, поскольку ехал в офис, выставивший — торчали ноги, не поместившиеся под столом!— матово-белые туфли, наилегчайшие, заносчивые, явно очень дорогие, те самые, что купил в Брайтоне, самом светском из английских курортов. Он почти не курил, не позволял себе, но тут закурил. Из одного кармана достал коробку «ванкемповских» сигарок, это курево богачей — нашел что прихватить с собой!— из другого кармана добыл ронсоновскую золотую зажигалку. Закуривая, приметил, как любуется, восхищается им Алексей, цену назначая всем его вещицам джентльменским, и стало ему совсем невмоготу. Он вскочил, сунул все похваляющиеся вещицы в карманы, а анкету протянул Лидии Павловне.

— Жарко! Не могу! Мысли слиплись!

— А и не к спеху,— сказала Лидия Павловна, отводя глаза, не примечая его растерянности.— К концу дня, когда спадет жара, вот тогда и допишете.

— Конечно, конечно,— сказал Чижов, отрываясь от газеты, которую читал, уйдя в угол, где тень была чуть погуще.— Моя вина, что усадил тебя за бумажки в этакую жару. А приказ, Лидия Павловна, отбейте. Мол, принят и все такое.

— Это я мигом!

— Я не прощаюсь, Лидия Павловна,— сказал Знаменский.— Спасибо вам...

— За что же?— Она подняла на него глаза, была занята закладыванием листа.

И вот уже затрещала машинка, заколотились молоточки букв, вбивая в бумажный лист приказ о новой судьбе этого человека, столь нарядного, блистательного, столь поверженного.

Знаменский выскочил в холл, оттуда во двор, на ходу стаскивая влипший в плечи пиджак. Никого вроде на пути не встретил, но кто-то вошел в дверь слева, кто-то выглянул из двери справа — его разглядывали. Как же это он умудрился так вырядиться?! О чем думал?! После вчерашнего пустой была голова, он о пустом и подумал, решив явиться на новую работу, никак себя не роняя, будто ничего в его жизни не произошло. А пункт седьмой личного листка по учету кадров? Он напомнил. Произошло самое страшное, жизнь его вступила в зону стыда. Стыдно было жить — вот что произошло!

У клумбы с розами, которым дышать было просто нечем, а потому они исходили терпким ароматом, благоухали предсмертно, его ждала Нина Чижова. В наилегчайшем прозрачном платье. В легких, прозрачных туфлях. В широкополой шляпе из соломки. Глаза укрыты громадными кругами темных очков. И еще цветастый зонтик во вскинутой руке. Из дальних стран женщина. Из пальмовых стран. Из его недавнего. Рядом с ней можно было и не сдирать с плеч, что так и не удалось сделать, этот распижонский пиджак с ярким платочком — и платочек сунул!— в верхнем кармане.

— Ниночка!— кинулся он к ней.— Как хорошо, что ты здесь!

11

Совсем рядом с «Домиком Неру» начинался парк. Туда Нина и повела Знаменского. Вышли на проспект Свободы, прошли немного — вот и вход с непременными колоннами, и сразу же за входом просто древняя аллея, такие старые, вековые росли на ней тополя. Эти деревья смыкались кронами. Здесь было волгло, дурманно пахла листва и людей почти не было. Тихо. Только пощелкивали сухие выстрелы пневматических ружей из недр паркового тира. Там мальчишки практиковались в стрельбе, гомонили, когда кому-то удавался выстрел.

— Этому парку столько же лет, сколько и Ашхабаду,— сказала Нина.

— А сколько лет Ашхабаду?

— Недавно отмечали столетие.

— Это не возраст для города.

— Но и за эти всего сто лет он уже успел один раз погибнуть. Слыхал про страшное здесь землетрясение?

— Слыхал. Твой Захар поведал, едва я ступил на эту землю. Смелые люди, сказал, тут живут. Не сбежали, подняли город. Слыхал, слыхал.

— А что, и смелые. Земля подрагивает тут чуть ли не каждый год. И никто не знает, понимаешь, никто не знает, сколько будет баллов. Пять — пустяки. Семь — страшно. Девять — жертвы, смертельная опасность. Десять — гибель всему. Усек, где мы живем?

— Я и всегда был фаталистом, а теперь... Меня и потянуло сюда, потому что — бах, тарарах!— и нет тебя.

— Тебе так плохо, Ростик?— Нина остановилась, закрыла зонтик, сдернула очки, чтобы поближе можно было заглянуть ему в глаза.

А он — ну что за человек?!— глаза зажмурил, а губы улыбаются. И не понять ничего, дрессированное лицо.

— Выучили тебя,— сказала Нина.— Выдрессировали! А мне вот плохо, и я не улыбаюсь.

— Тебе легче. А почему тебе плохо? Захар из настоящих, он из надежных. Нет ничего лучше, если рядом с тобой надежный человек.

— И еще что-то нужно.— Она снова спрятала глаза за громадными кругами темных очков, раскрыла зонтик, им отгораживаясь, потому что теперь Знаменский на нее глядел.

— Кстати, а где здесь главпочтамт?— спросил он.

— Думаешь, уже пришло письмо от Лены?

— Мы решили переписываться телеграммами. Трудно ли послать телеграмму? До востребования...

— Пошли. Пересечем парк, минуем сквер, где стоит памятник Ленину, минуем здание Совета Министров, здание банка, крытый рынок, свернем направо — и мы у цели. Востребуй.

— Пошли.

— А она, Лена, как теперь с тобой?— тихонько спросила Нина.

— Рассчитывает, что все обойдется.

— Ну понятно, связи. А уж энергии ей не занимать.

Они свернули с центральной аллеи на боковую дорожку, прошли мимо корта, на котором какие-то фанаты изнуряли себя под убийственным солнцем, перекидывая будто обмякший от жары мяч.

— Я бы не мог рукой пошевелить,— сказал Знаменский.

— А это еще не жарко у нас считается для лета,— сказала Нина.— Ничего, привыкнешь. Человек ко всему привыкает. Я вот привыкла же.

Они миновали скамейку, на которой сидели два очень старых человека, он и она, в одинаковых чесучовых блузах, в одинаковых бесформенных панамах. Муж и жена, конечно же. Встретились взглядами, разминулись.

— Представляешь себя таким?— спросила Нина.

— Бог даст, не доживу.

— Да, не хотелось бы.

Знаменский оглянулся. Старые люди о чем-то переговаривались.

— Обсуждают нас, осуждают, может быть,— сказал Знаменский.— Наверно, за то, что так я вырядился. И правы!

— Завидуют, думаю,— сказала Нина.

— Есть чему...

— Со стороны — или не пара? И молодые!— Нина отошла чуть в сторону, глянула на Знаменского, повернулась на каблуках, как бы и себя оглядев, свела его и себя в один огляд.— Чудо что за пара! Счастливцы! Победители! Знаешь, Ростик, я как вспомню о сыне, так жить не хочется...

Он подошел к ней, обнял за плечи, приподнял ее очки громадные, чтобы можно было заглянуть в глаза.

— Молчи, молчи, молчи!— вырываясь, сказала Нина. Она собралась было заплакать, но вдруг рассмеялась.— А со стороны-то, со стороны... Вот уж обниматься принялись! Одурели от счастья!

Они вышли из парка, молча одолели короткую улицу, в конце которой на тоненьком столбике был водружен крохотный бронзовый бюст Пушкина.

— Откуда он здесь?— спросил Знаменский.— И почему уж сверхскромный?

— Этот бюст установлен на деньги гимназисток,— сказала Нина.— Вот этот дом приземистый, мимо которого идем, тут когда-то была женская гимназия. И знаешь, это один из трех домов, которые устояли во время землетрясения. Еще банк, какой-то еще жилой дом, за постройку которого инженер в свое время пострадал. Мол, вредительски истратил деньги на слишком прочные стены.

— Но все же почему такой крошечный бюст поэта? Поскупились гимназисточки?

— А мне этот памятник очень нравится. Девочки сложили копейки, именно копейки. Никто не кичился богатством родителей, купцов или крупных чиновников. Нет, сложились по гривеннику, лишив себя порции мороженого. Я этот памятник и этот скверик очень

люблю. Как пришла сюда первый раз, сразу подумала: мое место.

— И мое, пожалуй. Ты права, тут славно. Деревья печальные, Пушкин трогательный. Да, и мне теперь придется обживать этот городок.

— Тогда вот и еще одно мое место тебе покажу. Смотри, мы входим в сквер, где стоит памятник Ленину. Смотри, вот он. Подойдем поближе?

— Подойдем.

— Этот памятник не упал во время землетрясения, только мозаичные ковры постамента потрескались. Правда, символично?

— Символично.

— Он тут тоже, как и Пушкин, очень трогательный. Он не призывает, смотри, он спрашивает. Мол, как вам тут живется-можется?

Деревья в сквере росли в отступе от памятника, ему тут просторно было. Все так, просторно и должно быть этому человеку, обыкновенно, не картинно вставшему тут, о чем-то, и верно, спрашивающему, руку вот приподнявшему, чтобы этим движением помочь своему вопросу. Пожалуй, про это и спрашивал: как, мол, живется-можется? Невыносимо стало Знаменскому стоять здесь и смотреть на Ленина. Жгло солнце, но и жгли мысли. Даже не мысли, а одна всего в тонкий звук вытянувшаяся мысль, боль в мозгу, то чувство стыда, которое взорвалось в нем, когда присел к столу, чтобы заполнить анкету. Смотреть на вопрошающего, чуть пригнувшегося к тебе Ленина было невыносимо.

— Уйдем! Пекло!— сказал Знаменский.

После этой Ленинской площади под солнцем прохладными показались истомленные в зное аллеи старых деревьев, которыми они пошли дальше. В просветах между ветвями виднелись какие-то стены, торжественные проглядывали портики — они шли через центр, где стояли правительственные здания, величественные среди величественных деревьев, загадочные от этого воздуха, где воедино сошлись запахи цветов на клумбах, горьковатый запах грозной пустыни, нет-нет да и насылавшей на город огненный выдох своих барханов, пронзительный, кинжальный ветер с гор, запах сомлевшего асфальта, а все вместе это был воздух города, вставшего на краю пустыни и у подножия гор, города, под которым часто смертоносно дыбилась земля, где жили смелые люди, про то не задумывающиеся, где живут и какие они. И рядом, в двадцати — тридцати километрах отсюда, была граница с Ираном, и солдаты в смешных зеленых панамках, часто попадавшиеся навстречу, были в черноту опалены солнцем, еще более неумолимым, чем здешнее. Пригpаничный город.

Миновав чайхану, новенькую, современную, выполненную «под старину», но не из дерева, не из влажной глины, а из бетонных плит и потому совершенно не манящую в свою бетонную прохладу, миновав вывернутые чашами купола крытого рынка, они были тоже из бетона — здешний главный архитектор всюду настаивал на этом несокрушимом материале,— миновав переговорный пункт, из раскрытых дверей которого вырывались голоса, пытающиеся докричаться до Москвы, Ленинграда, Мары, Ташауза, Кара-Калы, Бахардена, Кушки, миновав громадные окна парикмахерской, где подвергались самосожжению женщины под сушильными колпаками, пришли наконец на почту, на главный почтамт, который был тоже из беззащитного стекла и неумолимого бетона. Взошли по ступеням. В просторном зале гул стоял от работающих кондиционеров, ветерочки тут проносились. Где-то за стеной трещали телеграфные аппараты, где-то девичьи голоса вымаливали, выкликали из далекой дали все те же имена: Москва, Ленинград, Мары, Ташауз...— и радовались, поймав их, и торопили, приказывая: «Говорите! Говорите!»

Почта! Вместилище надежд и разочарований. Теперь ему часто придется бывать здесь, нагибаться вот к этому окошечку с буквой «З», протягивать паспорт.

Знаменский подошел к букве «З», достал паспорт, протянул его молоденькой девушке, которая уже давно заметила нарядную пару, из другого мира людей, лишь случайно оказавшихся в ее городе. Все «буквы» заметили их, все девушки в своих окошечках лучами глаз повели их через зал, и каждой «букве»,

каждой девушке хотелось, чтобы луч-локатор подвел бы эту пару к ней. Зачем? А интересно, что за люди? Вот ведь выдалась этой нарядной женщине счастливая участь. Вон как одета! Вон какой спутник! Просто принц из сказки!

Итак, принц подошел к букве «З», протянул паспорт. Туркменочка с выплетенными косичками, строго стянувшими ее маленькую голову, большеглазо поглядела на него, потом в раскрытый паспорт, быстро, смуглыми пальчиками перебрала пачку писем и телеграмм в ящике, и Знаменскому показалось, что эти пальчики перебирают для него варианты судьбы. А вдруг?! Когда не везет, отказала удача, черная пошла полоса, только и надежды на это «а вдруг!». Он не ждал никаких добрых вестей, да и что могло поменяться в его судьбе за два-три дня, но здесь, на почте, где в ящичках, как в лотерейных барабанах, заложена судьба, ворохнула сердце надежда.

— Есть!— радостно воскликнула девушка, которой очень хотелось порадовать этого принца.— И еще!— Она протянула Знаменскому две телеграммы, улыбнувшись такой зажегшей все личико улыбкой, какой бы и он не сумел улыбнуться.

— Спасибо, милая!— сказал он и все же рискнул посоревноваться с ней, ответно улыбнувшись.

И так они посверкали друг на друга улыбками, этими знаками своих душ, и одна душа была беспечальной, а другая лишь притворялась.

— Вы ждете перевод?— спросила озабоченно девчушка. Она знала, что мужчины больше всего радуются переводам, но не было ему перевода, она не могла его обрадовать. А вот телеграмм, она знала, мужчины не любят, телеграммы несут тревогу. Но что может опечалить такого счастливца? В прекрасной одежде женщина терпеливо ждала его у входа. Такие, как он, получают только счастливые телеграммы.

— Вы артист?— спросила она.— А переводы у нас к вечеру поступают. Загляните. Я вас где видеть могла? В кино?

— Во сне,— сказала ее напарница, тоже туркменка, сидевшая на букве «И». Это была девица постарше, уже и морщинки разочарованные улеглись у губ.

— Ай, Джамал, зачем так говоришь?!— обиделась и возмутилась девчушка, будто подруга выдала ее сокровенную тайну. И дальше заговорила по-туркменски, быстро нанизывая слова, колкие, резкие, как маленькие камушки, летящие с крутой горы. И подруга стала отвечать на туркменском: два камнепада слились, напомнив, что за этими стенами из стекла и бетона близко стоят горы, что где-то рядом грозная лежит пустыня, что в небе яростное повисло солнце, что он, Знаменский, очутился сейчас в стране Туркмении.

Прислушиваясь к этому быстрому, колкому говору, к непонятным, неуступчивым словам, Знаменский медленно шел через зал к Нине, по пути читая телеграммы. Первая, что побольше, была от матери. Она беспокоилась, как сын долетел, как его приняли, она умоляла, чтобы он писал, берег себя, берег себя. Дважды были отпечатаны в телеграмме эти два слова: «Береги себя, береги себя». А дальше следовали в тексте еще два слова, которые наверняка телеграфистка советовала убрать, но отправительница настояла на них. После дважды «береги себя» телеграфный аппарат отстукал: «Восклицательный знак»,— и в этом восклицательном настойчивом знаке был весь характер его матери, ее жизненный напор, отданный только ему, единственному сыну, надежде и гордости. А вторая телеграмма, от жены, была, напротив, предельно лаконична. «Как ты там» — и все. И никакого, конечно, пропечатанного двумя словами вопросительного знака, который был и не нужен, конечно же, он вытекал из текста. Но и никакой подписи. А вот подпись бы тут пригодилась. Ну хоть это самое наипростейшее, естественное: «Твоя Лена». Не было «твоей Лены», анонимен был вопрос про то, как он там. Чья телеграмма, от кого? А кто его знает! Он-то знал, что от Лены, но она не подписалась. Стыдится? Таится?

Он подошел к Нине, которая с покорностью женщин Востока ждала его, тая лицо под широкими полями шляпы.

— От Лены?— спросила она.

— От мамы и от Лены.— Он показал Нине телеграмму жены.— Смотри, даже не подписалась. Как думаешь, почему?

— Деловая... Зачем лишнее слово?..— Нина не знала, что ответить, прятала глаза под широкими полями шляпы.

— Вообще-то даже два тут полагаются слова: во-первых, «твоя», во-вторых, «Лена». Вот такие вот, Ниночка, мои дела, если правду сказать.

— Я думаю, ты не прав, ты усложняешь.

— А ты говоришь не то, что думаешь, ты утешаешь. Ладно, подожди еще минуточку, я отвечу ей.— Он шагнул было назад в зал, Нина попыталась удержать его:

— Не сейчас, Ростик. Поостынь чуть-чуть.

— Негде тут остывать. Я мигом.

Знаменский отыскал глазами окошко, где принимались телеграммы, быстро подошел к нему, радуясь, что нет очереди, быстро заполнил бланк. После адреса написал всего три слова, сами написались, из-под руки выскользнули: «Сорок три градуса». И все. И никакой, разумеется, подписи.

— А подпись?— спросила женщина в окошке, русская, немолодая, усталоглазая.

— Все!

— Впрочем, понять можно,— сказала женщина, чуть пробуждаясь, умно всматриваясь в нарядного этого, пригожего и удрученного чем-то мужчину. Углядела она и его спутницу у дверей. Ох-ох-ох, молодые люди... Вам ли печалиться?..

На улице, когда из сквознячков кондиционерных снова погрузились в плотный зной, Знаменский сказал Нине, погордился своей находчивостью:

— Отстукал ей всего три слова: сорок три градуса. Что и соответствует действительности.

— А как подписался?

— Никак.

— Вот спадет жара, и ты тащи ее сюда,— сказала Нина.— Ух, погуляем! Тут замечательно осенью. Закатимся куда-нибудь. Тут такие места, такие селения в горах... Вы как уговорились, когда ее ждать?

— Никогда, наверное. Разве что на денек-другой. У нее очень плотный график, знаешь ли. Своя карьера. Свои друзья. Как ей вырваться?

— Я бы вырвалась,—сказала Нина, отвернувшись от него, на что-то там заглядевшись.— Смотри, караван верблюдов прибыл в город! Какие важные! Какие прямо царственные! А я бы вырвалась... Пойдем к нам обедать? Или хочешь, пойдем, я покажу тебе наши базары. Вот этот, крытый, называется по старинке «русским», а есть еще «текинский базар», он интереснее, а по воскресеньям есть у нас толкучка. Ты напиши Лене, там можно приобрести старинные украшения из серебра. Редко, но попадаются действительно старинные вещи. Ты напиши, примани женщину. Ты ведь знаешь нас, женщин? А у тебя разве не было своих друзей? Мне рассказывали... Москва гудеть начинала, когда ты в нее возвращался из очередной заграницы. Я, представь, интересовалась, как ты там, Ростик Знаменский, живешь-поживаешь.

— А вот заманивать как раз вас, женщин, и не нужно,— сказал Знаменский.— Это последнее дело. Смотри, мой приятель идет! Мой здешний внезапный сотоварищ! Тесный, тесный у вас городок!— Он поднял руку, позвал:— Ашир! Ашир! Приостановись! Сейчас, Нина, я тебя познакомлю с бывшим старшим следователем по особо важным делам. Не смотри, что он такой пообносившийся. Пьет! Горе у него! Понимаешь, у нас с ним совпало! И, скажу тебе, умнейший малый!

— Кто? Этот?— Нина приметила в толпе на прибазарной улице, а они по этой толкучечной улице сейчас шли, человека, которому махал Знаменский. Этот человек нерешительно приостановился, явно не обрадовавшись встрече, явно готовый шмыгнуть куда-нибудь и затеряться. И на расстоянии было видно, что он не совсем тверд в своих движениях.

— Ростик, но это же какой-то бродяга,— сказала Нина.

— Пропился, так думаю. Но, поверь, умнейший парень. Да ты сейчас убедишься.

— А вот и нет!— обрадовалась Нина.— Смотри, припустил от нас! Сбежал! Пожалуй, неглуп. Понял, что мне бы было трудно с ним знакомиться.

Действительно, только что был в толпе Ашир, а вот его и нет. Куда подевался? Здесь, среди этих лотков, киосков, лавчонок, жаровен, в снующей толпе совсем нетрудно было исчезнуть.

— Жаль!— искренне огорчился Знаменский.— Мы с ним вчера содержательный вечерок провели. Говорили, говорили, даже легче мне стало.

— Ростик, не кажется ли тебе, что с такими знакомств надо здесь начинать?— вовсе не укоряя, а лишь заботу свою выказывая, спросила Нина.

— Начинать? Ты считаешь, что я приехал сюда начинать? А не заканчивать? Да вон же он! Ах, паршивец, спрятался в пивнушке! Сейчас я его достану!— Знаменский рванул было, но опомнился, вернулся к Нине, взял ее за руку, поднес руку к губам.

— Нина, прости великодушно, но меня неудержимо тянет к этому бродяге. Верно, тебе незачем с ним знакомиться, а я побегу. Отпускаешь? Прощаешь?

— Но ты придешь к нам обедать?

— После пивнушки-то? Ниночка, от меня будет дурно пахнуть. Но завтра, завтра обязательно. Приглашаешь на завтра?

— В любой день, Ростик. Мы с Захаром всегда тебе будем рады.— Она подумала, поколебалась и вдруг взмолилась: — Ростик, прошу тебя, уйдем отсюда!

Он внимательно поглядел на нее, помедлив, поискав слова, попросил:

— Нина, ты не жалей меня... Хуже нет...

— О чем ты?! — Она распрямилась, даже оскорбилась, наиграла, как могла, свое возмущение.

Но он ей не поверил:

— Хуже нет... Так я побежал?

— Беги...

Она проводила глазами его засновавшую в толпе спину, будто окрылившуюся от этого из невесомой ткани пиджака, который сейчас впорхнет в грязное нутро прибазарной пивной, плечи ее, словно озябнув, вздрогнули. Сновавшие здесь люди обтекали ее. Здесь ей не место было. И она торопливо пошла отсюда. Ведь город был глазаст, приметлив, как все азиатские города. С кем шла жена дипломата? Почему вдруг осталась одна? А спутник ее нарядный куда побежал? Ну что ж... Так, так...

Продолжение следует.

среди книг

ГЛАВНЫЕ ЦЕННОСТИ

Читая эту книгу, все время по-хорошему завидуешь автору — журналистке Анне Лукиничне Харитоновой. Сколько она изъездила дорог, сколько видела! А главное, сколько встретила хороших людей! Вот в этом-то и заложена суть книги, ее основное ядро. Открыть для читателя человека, показать его с привлекательной стороны — отнюдь не легкая задача. В наше время сдерживания фанфарного рева вокруг некоторых «успехов» не следует ли сдержать себя и журналисту в описании человеческих достоинств?

Нет, конечно. Нас окружают тысячи трудолюбивых, самоотверженных и красивых в своем труде людей. Сказать о них доброе слово, отметить их вдохновенное служение людям, показать высокое стремление ко всеобщему счастью — не это ли одна из главных задач советского журналиста?

Не всегда и не всем это удается. Надо уметь увидеть хорошее в людях, найти с ними общий язык, вызвать доверие, а главное, почувствовать душу своего героя, ее глубину и человечность.

Анна Харитонова не подгоняет своих героев под ранжир «передовика-маяка». Нет, просто это хорошие люди. И работают они отлично, и в семье у них мир и любовь, и обществу они первые помощники. Конечно, трудности у них профессиональные и бытовые — разные, да и живут они в различных географических зонах и районах страны. Кооператор Наталия Соболевская на Львовщине, чабан Салих Аттоев в Кабардино-Балкарии, пчеловод Гафар Зайнитдинов в Башкирии, доярка Махмузар Курбанова в Азербайджане, мараловод Фатей Попов в Алтайском крае, лесник Михаил Кравченко в Белоруссии, механизатор Евгений Беляев в Рязанской области...

Как не позавидовать журналистке, ее стремительным перемещениям из республики в республику, ее прикосновениям к человеческой мудрости! Но отдадим ей должное, она щедро делится со своими читателями ощущением красок земли, мыслями ее героев, любуется их поступками и делами.

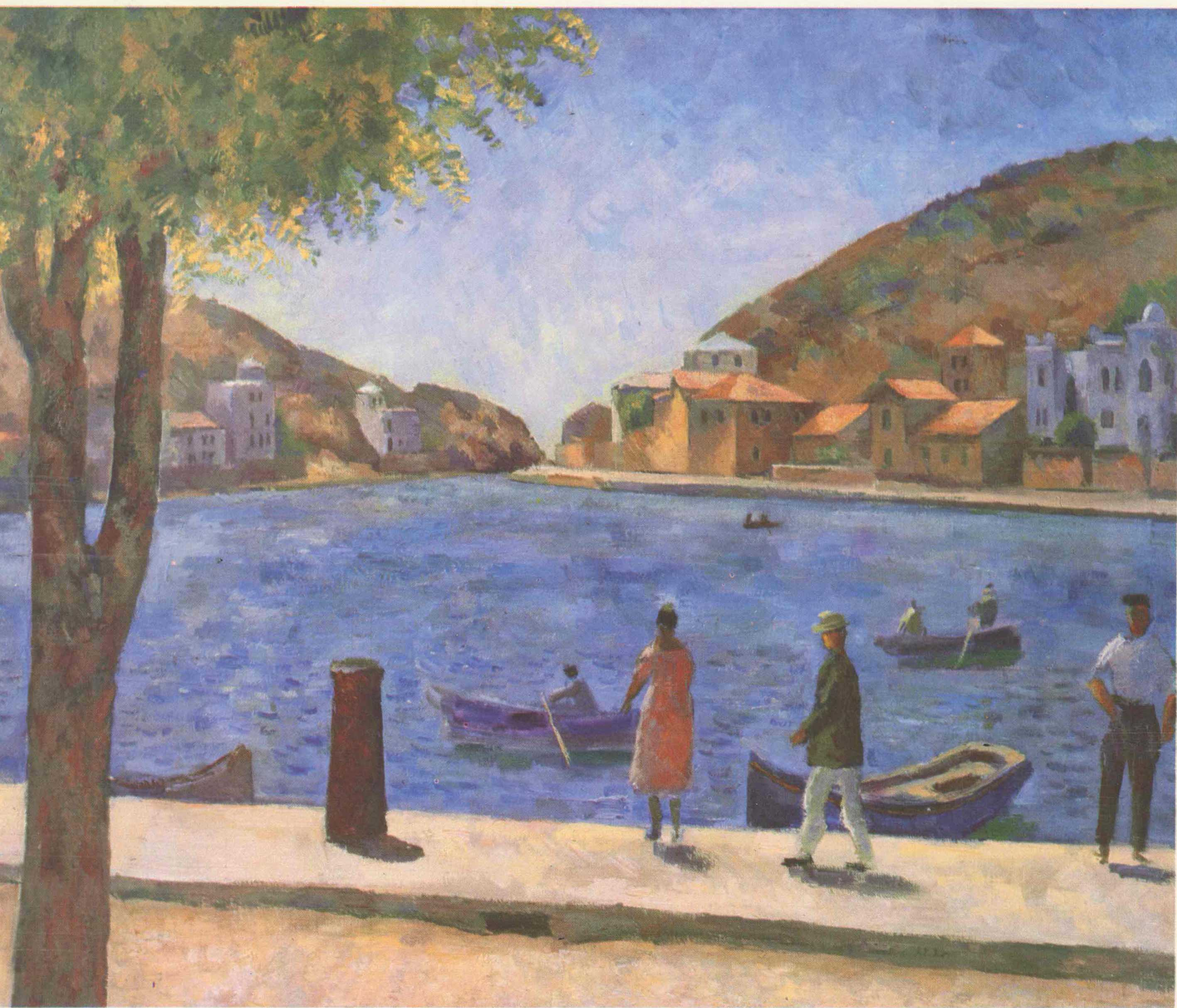
Валерий **ГАНИЧЕВ**

А. Харитонова. Счастье быть нужным. Молодая гвардия. 1985.

Р. Фальк. 1886—1958. КРАСНАЯ МЕБЕЛЬ. 1930.

Государственная Третьяковская галерея.

Р. Фальк. БУХТА В БАЛАКЛАВЕ. 1927. Государственная Третьяковская галерея.

Как невероятно быстро летит время! Фальку сто лет.

Звучит неправдоподобно. Ярко помнится этот замечательный человек, и кажется, что, немного робея, я совсем недавно разговаривал с Робертом Рафаиловичем.

Крупный, высокий, несколько сутулый; мешковатая серая куртка, над высоким лбом почему-то неседеющие черные волосы, за темной оправой круглых очков под слегка опущенными веками темно-серые умные усталые глаза. Большой человек, прекрасный художник, оставшийся навсегда в истории русского и советского искусства. Представитель настоящей интеллигенции.

Фальк учился и окончил Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Его учителями были Константин Коровин и Валентин Серов, уроки и влияние которых он пронес через всю жизнь.

До революции Фальк участвует в выставках обществ «Мир искусства» и «Бубновый валет». Бубновый валет по старой гадальной книге означает «молодая горячая кровь». Группа сильных молодых художников — А. Лентулов, П. Кончаловский, Р. Фальк, А. Осмеркин, А. Куприн, И. Машков, В. Рождественский — назвали свое общество «Бубновый валет».

Бурно врываются молодые талантливые мастера в художественную жизнь России. Их вещи — смелые, могучие по цвету, иногда резкие — противопоставлены вялому салонному искусству; да и сами авторы все, как на подбор, красавцы, любят жизнь, краску, увлекаются спортом.

Почти все они стали преподавать в новом училище Страны Советов — Вхутемасе и Вхутеине, куда студенты приходили прямо с фронтов гражданской войны.

С 1918 года Фальк — профессор Вхутемаса, во Вхутеине — декан живописного факультета, любимый профессор, в мастерской которого студенты постигают тайны искусства живописи. В мастерской царит атмосфера высокой духовности, спорят о литературе, поэзии, музыке. Ученики Фалька — известные художники: Семен Чуйков, Евгения Малеина, Георгий Нисский, Иван Чекмазов, Вера Фаворская.

В 1928 году Фалька командировали во Францию — изучать классическое наследие. Он пробыл во Франции, преимущественно в Париже, 9 лет. Очень много работал все эти годы, участвовал в экспозициях французских художников, а в 1929 и 1937 годах в Париже были его персональные выставки.

В 1937 году Фальк возвращается в Москву. В Московском Доме писателей и Центральном Доме работников искусств проходят его выставки, где зритель видит Париж, Бретань — Фалька.

В 1941—1943 годах Фальк эвакуируется в Башкирию, затем в Среднюю Азию, в Самарканд и преподает живопись в эвакуированном московском бывшем Строгановском училище. По возвращении в Москву, кроме работы над портретом, пейзажем и натюрмортом, занялся сценографией. Оформлял в 1947 году в ГОСЕТе спектакль «Леса шумят» в постановке Михоэлса и в том же году «Льва на площади» — пьесу И. Эренбурга в постановке Таирова в Камерном театре.

Портреты художника полны глубокого проникновения в характер человека, в его духовный мир; это достигнуто искусством живописи, замечательной композицией и удивительным чувством цвета и фактуры. Энергия мазка и гармония цвета создают внутренний и, конечно, внешний образ человека.

Фальк показывает нам свой мир.

В пейзажах Парижа зритель не увидит ожидаемого, Парижа сверкающих бульваров, туристов, Эйфелевой башни, блеска Елисейских полей. Париж Фалька другой. «Рабочие, фабричные районы, с темными закопченными домами, каналы с бедной «водяной» жизнью, угольные барки, пароходики с грузами овощей, лодки. Мне был по душе этот Париж»,— писал Роберт Рафаилович.

Его полотна, созданные в Средней Азии, лишены банальной крикливой экзотики, но сколько глубины и постижения мира, выраженных изумительной живописью в простых мотивах. Даже сами названия — «Золотой пустырь», «У хауза», «Пейзаж с минаретами»... Его картины средней полосы: скромнейшие, обычнейшие сюжеты — «Забор», «Дождь», «Пейзаж с бузиной», но живописью, цветом каждый этот, казалось бы, неприхотливый мотив превращается в поэму или в философское трактование мира.

Так же и в натюрморте. На квадрате холста написаны несколько картофелин и две-три моркови в скромной плетеной корзине, но какое это чудо живописи, где каждый сантиметр холста как бы наполнен музыкой цвета.

Работы Фалька близки к музыке. Это и неудивительно. Он очень любил музыку, сам прекрасно играл на рояле, особенно Баха, Шопена, Моцарта.

Фальк как-то сказал: «Живопись — это музыка цвета».

Сейчас в экспозиции советского искусства Третьяковской галереи висят три картины Фалька — «Красная мебель», «Женщина в белой повязке» и «Бухта в Балаклаве».

«Красная мебель» — удивительная картина. Что это? Интерьер? Натюрморт? Вся вещь какая-то загадочная, фантастичная. Необычайная гармония красных, серых, коричневых тонов. Энергия цвета, энергия мазка. В этой картине какая-то скрытая драматичность. С маленького стола резко сдвинута белоснежная скатерть. Были ли тут люди? Что между ними происходило? И кажется, что красная мебель сама теперь живет — живет своей жизнью и ведет непростой напряженный диалог.

Я встретился с Фальком в последние годы перед войной. С его женой, Ангелиной Васильевной Щекин-Кротовой, я учился когда-то в одной школе. Ангелина Васильевна так много значила в жизни и творчестве Фалька, и ей мы обязаны сохранением всего наследия Роберта Рафаиловича. Она составила каталог всех его произведений, с помощью реставраторов натянула на подрамники сотни картин живописца.

В Москве после войны я задумал одну картину, но писать ее мне было абсолютно негде. Я решился на отважный шаг. Летом Фальки снимали дачу и уезжали из Москвы, и я попросил разрешения летом работать в мастерской Роберта Рафаиловича. Переговоры велись через Ангелину Васильевну. Фальк спросил, что я буду писать, и, посмотрев эскиз, разрешил. Я притащил холст и начал работать. Уговор был таков: я не должен никого пускать в мастерскую и не должен смотреть картины Фалька, а картин было очень много, они стояли на стеллажах — и отвернутые к стене, и снятые с подрамников, в большом количестве лежали посреди мастерской на полу, там, где не протекала крыша. Мастерская была в известном «доме Перцова» на Кропоткинской набережной, построенном по проекту Сергея Васильевича Малютина. Модерн в «русском стиле». Широкая мраморная лестница, на пятом этаже табличка: «Студии» — и много звонков. Против них — фамилии известных художников. В широкий длинный коридор выходят двери мастерских. Из одной неслись торжественные звуки органа. Это студия художника Александра Куприна. Он играл на органе, который сделал сам. Александр Васильевич был спокоен, высок, красив, с маленькой бородкой и пушистыми бровями над внимательными глазами; его несколько темноватая мастерская заполнена прекрасными натюрмортами и пейзажами. Далее мастерская Рождественского, большого человека, с серебряной щеткой коротко подстриженных волос и темно-розовым лицом. Известны его работы по русскому северу, пейзажи, портреты поморов, натюрморты. И Куприн, и Рождественский — соратники бурной молодости Фалька, оба в прошлом «бубновые валеты».

В конце коридора железная винтовая лестница ведет наверх, в мансарду, мастерскую Фалька — две комнаты довольно причудливой формы, бóльшая из них — мастерская: скошенный потолок косо подпирает белые балки, осенью и зимой здесь было очень сыро, потолок протекал, и один раз мы с удивлением увидели, что в углу у окна вырос большой небывалый серый гриб. Из окна вид на Москву-реку, на Кремль. Фальк неоднократно писал этот пейзаж.

Наступила осень. Фальки вернулись с дачи, а я и не видел конца своей работы. Так вышло, что они болели, и я, как мог, помогал им. В общем, я застрял чуть ли не на полтора года. Я тоже просил, чтобы Фальк не смотрел мою работу, и он, заходя в свою мастерскую, заслонял рукой глаза, проходя мимо меня.

Это были 1947—1948 годы. Мастер привез из Харькова замечательные пейзажи, а в Москве писал портреты и натюрморты. Жизнь у него в те годы была очень и очень нелегкой: с Фальком не заключали договоров, не давали заказов, его работы не принимались на выставки и не покупались. Но в доме царила атмосфера творчества и высокой духовности. Часто слышалась музыка, это играл сам Роберт Рафаилович. Приходил и много играл Святослав Рихтер.

Святослав Рихтер показывал Фальку свои работы, в основном пастели и акварели. Роберт Рафаилович очень высоко ставил Рихтера как художника и шутил: «Сейчас дилетанты работают как профессионалы, а профессионалы как дилетанты». Он говорил мне, что если бы Рихтер так же серьезно занимался живописью, как музыкой, он стал бы не менее великим художником, чем музыкантом. Ангелина Васильевна часто пела высоким, нежным сопрано.

Почти ежедневно приходила поэтесса Ксения Некрасова, похожая на деревенскую тетушку, тихо садилась в уголке, молчала. Фальк сделал с нее много рисунков и написал прекрасный большой портрет Ксаны в красном платье.

Роберт Рафаилович дружил с Ильей Эренбургом, Михоэлсом. Часто приходил Александр Габричевский — они были близкими друзьями, играли на рояле в четыре руки, играли в шахматы.

Фальком написаны портреты этих людей. В этот же период им написан ряд замечательных женских портретов. Несколько портретов Ангелины Васильевны. Особенно прекрасные по живописи и глубоко поэтичные «Портрет в белой шали» и «Портрет в черной шали», портрет Т. Сельвинской и И. Глинки.

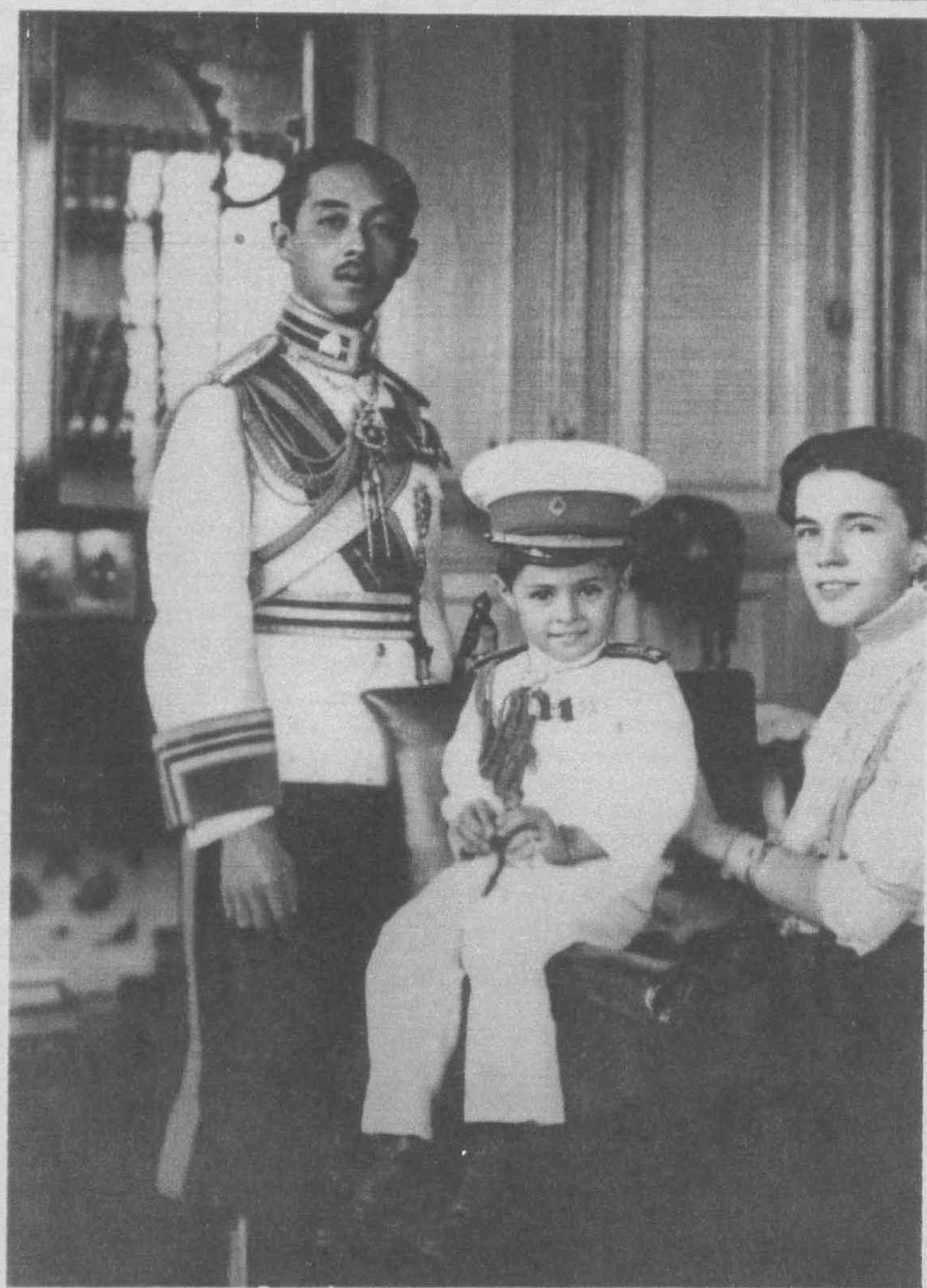
За год до смерти, в 1957 году, Роберт Рафаилович пишет свой «Автопортрет в красной феске». Это глубочайшее произведение — реквием, напоминающий произведения великого Рембрандта, самого любимого Фальком художника.

Художник не может работать, не показывая своих работ. Иногда по воскресеньям он устраивал дома показ картин. Рихтер называл это «Концерты Фалька», а в своем стихотворении, посвященном живописцу, Ксения Некрасова писала об этих просмотрах:

«Сходились юноши сюда с неуспокоенной душой. Седые женщины с девичьими глазами и убеленные сединами художники».

Макс БИРШТЕЙН

ФАЛЬК

Принц Чакрабон, Е. И. Десницкая и их сын принц Чула.

Бангкок сегодня. Торговая часть старого города.

ПРИНЦЕССА КАТЯ ДЕСНИЦКАЯ

Валериан СКВОРЦОВ,
соб. корр. «Правды»,
специально для «Огонька»

Вне сомнения, внезапное появление русской жены у сиамского принца, возвращающегося из Петербурга в Бангкок, не могло не стать известным русскому дипломатическому агенту в Каире Кояндеру. А у того забот и без того хватало. Ему как раз приходилось обеспечивать отправку в Южную Африку, а затем через несколько месяцев возвращение отряда русского Красного Креста, оказывавшего бурам в Трансваале помощь в войне с англичанами. В составе отряда были сестры милосердия, коллеги Екатерины Десницкой. Полетела депеша в Петербург с запросом: почему не предупредили, что у сиамского принца русская спутница?

Окончание. См. «Огонек» № 41.

В Петербурге же развертывались события, которые заставили чиновников соответствующего российского ведомства с особенным тщанием разбираться в обстоятельствах внезапной женитьбы только что отъехавшего Чакрабона. Най Пум, перейдя в православие, теперь просил русское подданство. Храповицкая, в салоне которой появлялись и великие князья, нажимала на свои связи. Вдова вела при этом недобросовестную игру. Удерживая Пума, чье невозвращение в Бангкоке расценить иначе, как предательство родины, не могли, она тем самым бросала тень и на принца Чакрабона. Новоиспеченный сиамский поручик, просившийся на русскую службу, в течение восьми лет получал огромное содержание от сиамской армии, его ждали дома с нетерпением, специалисты военного дела были наперечет, а на границах Сиама ходили грозовые тучи и со стороны французских, и со стороны британских колониальных владений. В Бангкок полетели упреждающие появление Чакрабона и Кати письма о том, что Пум якобы был тайно влюблен в Десницкую сам, и, поскольку «его сердце разбито», не может служить под знаменами «негодяев принцев». И сиамский посланник в Петербурге, и русский министр-резидент в Бангкоке всполошились. «Кому следует» начали слежку за ничего пока не подозревающими молодоженами в Каире. Дома, в Бангкоке, назревал скандал.

Почему же мнение складывалось поначалу в пользу версии Пума и Храповицкой? Так называемым здравомыслящим людям совершенно очевидно было, что такого брака, который свершился между принцем Чакрабоном и Е. И. Десницкой, не могло быть потому, что, как говорится, такого не должно быть никогда. Ну, увлекся гусар, случается, потом одумается, поймет и расстанется по-хорошему ли, поплохому ли, какая беда. Защищать свое счастье Катя была бессильна, тем более, что и русские власти пальцем бы не шевельнули ради нее. Сама, дескать, пустилась в авантю-

ру, оповестила лишь братца, видно, такого же авантюриста. Хорошо, мадам Храповицкая вовремя предупредила.

Было и другое... Светский сезон зимой 1903—1904 года отличался в Петербурге особым обилием балов. Состоялся при дворе и костюмированный, все участники которого надели костюмы времен царя Алексея Михайловича. В облачениях XVII века присутствовали Николай II и Александра Федоровна. Пишу об этом, поскольку в архиве Нариссары есть роскошный альбом-фотоотчет об этом бале. На одном из снимков среди русских офицеров личной охраны «царствующих особ» можно видеть лейб-гусара Пума. Есть сведения, что он владел приемами новой тогда для русских борьбы, которую мы сейчас называем «конфу», «самбо», «дзюдо» и т. д. А охране царя придавалось огромное значение. Приезжавших в 1903 году в Петергофский малый дворец сиамцев, да и других иностранцев, поражало обилие мер предосторожности. Внешнюю ограду беспрестанно объезжали лейб-казаки с карабинами наизготовку. В покоях в каждой комнате за ширмой находился офицер-телохранитель. Пум нужен был для этого.

Читая письма Екатерины Ивановны к Чакрабону, отправлявшиеся в Бангкок из Сингапура, где он оставил жену на время, чтобы подготовить родителей, а также брату Ивану и Храповицкой (о затее ее с Пумом Кате еще неизвестно), выносишь совершенно твердое убеждение: Катя ни на секунду не сомневается в муже. «Сильный, любящий, благородный»— так она называет его. А ведь не представлять всей сложности своего положения молодая женщина не могла. Свидетельств тому было предостаточно. Даже спутница Кати, русская жена сиамского адъютанта Чакрабона, почувствовав, откуда может подуть ветер, начинает относиться в Сингапуре к ней как к забаве и прихоти принца, нечто вроде наложницы.

Чакрабон оставил Катю в Сингапуре на несколько недель, в Бангкоке появился один. Это был мудрый шаг. И хотя англоязычная пресса Бангкока выболтала (возможно, и не без подсказки британской или французской секретной службы), что по дороге домой принц спрятал в английской колонии «новоиспеченную мадам На Питсанулок» (что было равносильно доносу на него королю), из этого положения принц вышел с честью. Выдержать же пришлось многое, прежде всего неприкрытый гнев королевы-матери.

На Востоке открытое проявление гнева похуже смертной казни. Этим обрекают на «потерю лица». Чакрабон лишен содержания, обычно полагающегося принцам. Король хранит молчание и не разговаривает. За исключением горстки испытанных друзей (теперь-то ясно — и дальновидных) — бывшего сиамского посланника в Петербурге Махибола и его жены «Махиболихи», как дружески называет ее в письмах к Кате Чакрабон, старшего брата и будущего короля Вичаравута, военного министра, министра юстиции — многие поспешили отойти, руководствуясь правилом «как бы чего не вышло». К сожалению, среди чрезмерно осторожных оказался и царский министр-резидент в Бангкоке.

Чакрабон получает не очень высокий пост начальника военного училища, совершенно не соответствующий ни его знаниям и военному опыту, ни его блестящим способностям. Приехавшая из Сингапура Екатерина Ивановна селится во дворце Парускаван, где они живут с супругом счастливо-мирно, но одиноко. Однако постепенно лед тает и все быстрее... Девятнадцатилетняя русская женщина проявляет такт, терпение и подлинную мудрость, о которых с восхищением, не скрывая своего западающего примирения с достойным выбором сына, будут говорить Чакрабону и родители, и братья.

4

Что являл собой Бангкок начала века? Отнюдь не азиатское захолустье. Сиамская столица тогда не уступала многим городам Европы и Азии по численности населения. В ней жило более 600 тысяч человек. Уже пятнадцать лет существовал трамвай, и улицы освещались электричеством. Показывали кино. Автомобилей насчитывалось больше, чем в Пекине, да и по благоустройству Бангкок уступал в том регионе только Шанхаю. Лишь в деловом квартале Сампенг, существующем и сегодня, было тогда несколько сотен фирм. При этом не следует забывать, что лежащие поблизости Сайгон и Ханой обустраивались колонизаторами для себя, а Бангкок оставался столицей независимого азиатского государства.

Екатерина Ивановна пишет брату: «Теперь во время дождей появилась масса маленьких светящихся насекомых, которые как звезды усеяли деревья, летают вокруг мотора, это что-то волшебное в старинных густых аллеях, где громадные деревья, возле канала со множеством цветов лотоса чудного запаха. И светящиеся жучки. Мчишься на моторе, и кажется, что это в сказке. Теперь я понимаю, когда называют Сиам сказочной страной. Слоны, гуляющие по улицам, масса самых разных животных, масса чудеснейших плодов. В этом отношении — это рай».

Однако есть и свои горечи — «полнейшее отсутствие развлечений и общества». Почему? «Король возмутится, если бы у нас завелись сношения с европейцами,— объясняет она.— Он очень их не любит, во-первых, а во-вторых, и сами европейцы здесь противны. Сами служат у сиамцев, получают невозможные оклады жалованья, а смеются над ними, считают их чем-то низшим, словом, недостойно ведут себя, и мне, жене сиамца, да еще принца, они отвратительны».

В 1907 году, получив от брата Ивана русский календарь, Екатерина Ивановна пишет, что наконец-то прочла заметку (помещенную в календаре) о ее необыкновенном замужестве, в которой более или менее верно подаются все факты. В семье обоснованно опасались, что небылицы, печатавшиеся до этого в российской прессе, особенно почему-то в киевской, о «русской королеве в Сиаме» могут просочиться в западную печать, и та, падкая до любых антирусских сенсаций, лишь бы помешать упрочению авторитета России в Азии, раздует все до скандала.

Однажды наступил день, когда королева-мать прислала во дворец Парускаван несколько комплектов тайской женской одежды. Это было признание снохи. Екатерина Ивановна к тому времени свободно говорила по-тайски, овладела английским, поскольку в гимназии и училище учила французский и немецкий. Выбор сына, судя по многим признакам — новым правительственным назначениям и специальным поручениям представлять короля в различных обстоятельствах,— был наконец-то полностью принят королем Чулалонгкорном.

28 марта 1908 года у короля Сиама рождается его первый внук, которого назвали Чула Чакрабон. (Остальные принцы еще бездетны.) Русская невестка осыпается подарками.

Счастливая семья занимала по-прежнему обширный Парускаван в районе Дусит, неподалеку от королевской резиденции. К сожалению, попасть во дворец, который цел, для журналиста совершенно невозможно. Здание занято теперь специальной службой таиландских вооруженных сил. Но рядом бывать доводилось; по дороге на заседания парламента, который поблизости. А также, если приходилось проверять очередные слухи о готовящемся военном перевороте, которые обычно начинаются скоплением в том районе Бангкока танков и пехотинцев. В сентябре 1985 года по нашему центральному телевидению были показаны кадры, снятые во время последней попытки такого переворота завалившейся набок телекамерой австралийского журналиста Дэвиса, убитого шальной пулеметной очередью как раз в момент съемки...

На старый русский новый год 13 января 1986 года Нариссара подарила мне автобиографические записки принца Чулы Чакрабона, своего отца. В них есть свидетельство, что Екатерина Ивановна говорила с ним только по-тайски, даже русские сказки рассказывала на этом языке. Когда же родители хотели обсудить серьезные вопросы, то переходили на русский. Нынешний дом № 396 на Махарадж-роуд близ рынка Та Тиен использовался Чакрабоном как гостевой, и там же содержались их катера, поскольку дом смотрит на Чаопраю. В этом же доме — так сложилось — Е. И. Десницкая провела свои последние недели в Сиаме. Отсюда проводила она и прах мужа...

23 октября 1910 года скончался правивший Сиамом 42 года Чулалонгкорн. Подавляющее большинство его подданных и не помнили никакого другого короля. Королем становится старший брат Чакрабона Вичаравут. Сам же Чакрабон автоматически передвигается на положение наследника.

В 1911 году Чакрабон и принцесса На Питсанулок совершают поездку по транссибирской железнодорожной магистрали до Петербурга. Пока муж занят делами, в том числе переговорами с Николаем II, Екатерина Ивановна едет в Киев к родным. Брат Иван — с нею.

А в это время на Дальнем Востоке происходят события, которые вскоре оказали влияние и на Сиам. В Китае свершилась революция, покончившая с прогнившей монархией. Показательно, что в канун ее победы вожди будущего народного выступления собирались на свои тайные совещания в помещении, предоставлявшемся им на свой страх и риск генеральным консулом России в Ханькоу А. Н. Островерховым. Когда на пасху — в царской России в это время раздавались награды и делались назначения — он получил шифрованную телеграмму, прогрессивно настроенный дипломат полагал, что это отставка. На самом деле оказалось, что его произвели в действительные статские советники. Петербург, после того как революция в Китае прошла для него «благополучно», одобрял, таким образом, инициативу, проявленную Островерховым. Пишу об этом еще и потому, что Иван Десницкий также в это время служил в Китае... О смелом шаге генконсула в Ханькоу много говорилось в кругах, определявших русскую внешнюю политику в Азии, когда в Петербурге находился Чакрабон. Предполагал ли он, что круговые волны китайских событий докатятся вот-вот до Сиама?

В конце ноября 1912 года Е. И. Десницкая спешно выезжает из Сиама на лечение в Европу.

За несколько месяцев до этого, а именно в мае приговорены к смертной казни три офицера, к пожизненному заключению на двадцать лет и меньше еще несколько десятков. Это расплата за попытку вооруженного свержения короля Вичаравута. Главарь заговора, вдохновлявшийся идеями китайской революции,— капитан медицинской службы, бывший домашним врачом Чакрабонов.

Следствие еще продолжалось. Историки утверждают, в частности цитировавшийся уже Уолтер Велла и некоторые советские авторы, что заговорщики планировали предложить престол Сиама принцу Чакрабону. Лично мне каких-либо документальных свидетельств на этот счет неизвестно.

Какая-то тревога звучит в одном из писем Екатерины Ивановны мужу с дороги: «Что будет, если больше никогда не увижу Сиама?»

В июле 1913 года муж сообщает о лжедоносе на него. Был пущен слух, будто его люди намеревались отравить короля, его брата. И добавляет: «Вчера обошлось без дождя, и я мог гулять по саду и сидел на горе. Маленький (их пятилетний сын Чула, которого в семье звали Ну — «Мышонок») тоже пошел гулять в саду, так что мы гуляли и сидели вместе около часу». Чего-то ждали?

Тогда уже шла напряженная борьба за будущую внешнеполитическую ориентацию Сиама: с кем пойдет страна в надвигавшейся мировой войне — с Германией и Австро-Венгрией или с Россией, Англией и Францией?

5

28 апреля 1986 года исполнилось сто лет со дня рождения Екатерины Ивановны Десницкой. Утром накануне, в воскресенье 27 апреля, мы отправились с женой в магазин «Белая роза» на Сукхумвит-роуд. Держит его сейчас госпожа Са Анг Крайрик, муж которой в прошлом работал садовником в королевской резиденции. К удивлению увидели в углу огромную китайскую вазу с ветками вербы. Вот уж кстати! Побеги с нежным пушком из почек словно возвращали в русскую нашу весну. В Таиланде-то вербы не растут.

Хозяйка объяснила, что вербы получила с Тайваня, заказала «просто так, для пробы, может, пойдут...» От наших, дома, они совсем не отличались по виду. Только подсохли чуть в кондиционированном воздухе. Их мы отправили вместе с дюжиной тюльпанов четырех оттенков в дом Чакрабонов. Отвозил цветы сам. Однако дом оказался пуст, так что пришлось их оставить господину Оту для передачи.

Позже узнал, что посол СССР Валентин Петрович Касаткин от своего имени прислал в этот день букет в дом Чакрабонов с теплым письмом в адрес Нариссары.

Поздно ночью зазвонил на корпункте телефон. Говорил муж принцессы, Сувича. Звонил он по междугородке, издалека, с Фукета, острова на дальнем юге Таиланда, где они с Нариссарой находились по делам. Оказывается, их оповестили о пришедших поздравлениях... 4 мая в связи с памятной датой для В. П. Касаткина с супругой в доме Чакрабонов был дан ужин.

Пригласили также нас с женой. На столике в салоне стояли советский и таиландский флажки. Вечер прошел оживленно и интересно, разошлись поздно. Пишу об этих в общем-то протокольных вещах потому, что в этом визите нашего посла в дом на Махарадж-роуд мне видится своя символика.

9 мая после беспрерывного 30-часового тропического ливня разразилось наводнение в городе. Полузатопленные автомобили начало волнами, вольно ходившими по бангкокским улицам. Вода на Сукхумвит-роуд близ корпункта поднялась на 1,7 метра. Вошли с реки моторки. Предприимчивые ребята превратили свои плоскодонки в такси...

Готовя информацию о стихийном бедствии для газеты, конечно, заглянул в гидрологический справочник по Бангкоку: каковы были рекорды затоплений в прошлом? Наткнулся на сведения о наводнении в конце лета 1917 года. Тогда вода стояла в городе на таком же уровне в течение полутора месяцев.

То было тяжелое время для Е. И. Десницкой. Известие о Февральской революции произвело в Бангкоке различное впечатление. Для представителей «союзников» преобладающее значение имели военные расчеты, и факт смены режима в Петрограде растворялся в них. Русские дипломатические представители вопрос о том, оставаться ли на постах и службе новому правительству, тоже разрешили довольно скоро. Быстрое признание временного правительства «союзными державами», а затем и нейтралами вменяло им в обязанность оставаться на местах. Да и присягу временному правительству давать не пришлось, поскольку православной церкви в Бангкоке не было.

Иное дело, сиамцы. Двор и большинство правительственных и общественных кругов видели в революции исключительно факт падения монархии. Разговоры о России становились для Екатерины Ивановны все более гнетущими. В том, что наводнение в 1917 году погубило ее десятилетние труды в саду, ей виделась своеобразная символика. Терзали мысли о судьбе близких. Никакой достоверной информации не поступало в Бангкок и после Октября, кроме злостных измышлений западноевропейской печати.

Принц Чула Чакрабон пишет в своих воспоминаниях: «Здоровье матери ухудшалось, она находилась почти что в сломленном состоянии. В обычных обстоятельствах родители предприняли бы очередное путешествие в Европу, но — шла война. Поэтому отец предложил маме отправиться в Японию и Канаду, и она выехала в начале 1918 года».

В Сиам принцесса На Питсанулок возвращается только в 1919 году. Иван Десницкий, которого она повидала по дороге в Китае, уже потерял свой дипломатический пост и стал одним из директоров КВЖД. Какое-то время Екатерина Ивановна живет одна в доме на Махарадж-роуд, затем уезжает в Шанхай, где занимается благотворительностью среди русских малоимущих эмигрантов.

11 июня 1920 года принц Чакрабон умирает в Сингапуре. Екатерина Ивановна приезжает в Бангкок, куда для свершения погребального обряда доставлен прах покойного. Мужа она пережила на сорок лет и умерла в 1960 году во Франции.

...2 августа нынешнего года в доме № 396 на Махарадж-роуд состоялся званый вечер для родных и друзей по случаю 30-летия Нариссары Чакрабон. Задувал свечи на огромном торте ее сын Хьюго.

Ближе к ночи, когда большинство гостей уже разъехалось, остался узкий кружок, и как-то само собой заговорили среди всего прочего и о далекой родине русской бабушки, а теперь и прабабушки. Предложили спеть русскую песню. Вспомнил тут я с благодарностью школьную учительницу пения, которая помимо мелодий заставляла назубок заучивать и слова. Запели как могли с Наташей «Степь да степь...». На втором куплете Сувича подхватил на гитаре, Нариссара подтянула мелодию.

Сувича сказал:

— Впервые играл русскую балладу...

Домой к себе в корпункт возвращались по ночному Бангкоку мимо причудливых очертаний старого королевского дворца, вдоль площади Санамлуанг, через канал, от которого в направлении района Дусит и дворца Парускаван расходились старые аллеи. Восемьдесят лет назад впервые увидела все это Екатерина Ивановна Десницкая, принцесса На Питсанулок. Русская веточка, привившаяся к далекому дереву.

Бангкок.

КТО ВЫ, ЦЫГАНЕ?

ШЛЯГЕР ИЛИ РОМАНС? ● ЧТО МЕШАЕТ РАЗВИТИЮ ЦЫГАНСКОГО ПЕСЕННОГО ИСКУССТВА

Фото И. ГНЕВАШЕВА

Любовь ЗАВОРОТЧЕВА,
лауреат премии Ленинского комсомола;
Виктор ОРЛОВ,
заслуженный артист РСФСР

Не столь давно по Центральному телевидению мы увидели не то пародию, не то клоунаду с претензией на оригинальность: три куклы, вальяжно покачиваясь, вплыли в экран и вполне профессионально, без намека на пародию спели цыганский шлягер.

Цыган и две цыганки в пестрых одеждах напоминали «иттарма» — кукол, каких шьют старики ханты после смерти близких людей.

Цыганский шлягер и куклы — по ком поминки? И в чем тут шарм? Поют и пляшут, как живые, явно подменяя что-то. Что же?

Вспыхивают и угасают «звезды» цыганской эстрады, а до заветной слезы песни не прошибают. А где же то, благодаря чему остались в истории русские народные песни и романсы, петые цыганами? Остались... Но кто сегодня об этом помнит?

Кто вы, цыгане? Со ада, рома?

...В жизни их стараются обойти стороной, но периферийные филармонии с распростертыми объятиями принимают цыганские ансамбли, потому что это кассовые коллективы, аншлаг обеспечен, стало быть, и план будет.

Что поют? В основном цыганский шлягер. Именно такой, какой демонстрировало телевидение в образе трех кукол. Развлекательность на сцене, она же на экране. Правомерен вопрос: а что есть сегодня цыганское исполнительское искусство? Куда ушло оно со времен Ильи Осиповича Соколова? Восхищенно прищелкивая пальцами, старые исполнители цыганской песни говорят:

— У Ильи Соколова был хор в сто пятьдесят человек, восемнадцать гитаристов и несколько солистов. Затаив дыхание, гитаристы следили за солистами, чуть не в рот смотрели. Как пели! Закатывали такие пассажи, так импровизировали, всякий раз по-разному, и гитаристы подхватывали, шли за певцами! Вот это было пение! Потому и душу выворачивало.

— Кому подражают, за кем бегут и в ту сторону ли бегут?— спрашиваем, когда слышим шлягер. Да полно, тронуло ли бы такое пение Льва Николаевича Толстого и смогли бы он через Федора Протасова оставить свидетельства волнующей искренности певцов?

Чтобы говорить о состоянии сегодняшнего исполнительского искусства цыган, следует, пожалуй, вернуться не на одно, а на несколько столетий назад. Уж очень часто мы порой забываем заглядывать за дымку времени, самонадеянно считая себя первопроходцами и первооткрывателями.

Любопытную статью опубликовал в журнале «Культуры» Жан-Пьер Льежуа (журнал принадлежит ЮНЕСКО), называется она «Цыгане: культура и кочевой образ жизни». Вот что он пишет:

«Установлено, что цыганский язык является одним из новоиндийских языков и берет свое начало от санскрита, как и современные языки Северной Индии.

Были ли цыганами те «десять тысяч мужчин и женщин народности луры, мастеров игры на лютне», которых индийский царь прислал персидскому шаху Бахрому Гуру, чтобы развлекать его подданных? Судя по описанию, данному поэтом Фирдоуси (примерно 940—1020 гг.), в его поэме «Шах-наме», это кажется вполне возможным. Историк Хамза в 940 году вспоминает очень похожий случай; таким образом, этот эпизод может касаться одной из первых миграций цыган».

Трагическим был путь цыганских кочевников в Европу. Отказываясь подчиняться строю и образу жизни европейцев, они не умели жить, как все, они приспосабливались жить по-своему. Им приписывали кражи и колдовство, похищения детей, и это привело к травле племени Ром Калэ (черные люди).

Ничто не изменило вольнолюбивых людей из этого племени.

В России никогда не было закона о гонении на цыган. Таборы кочевали по России, некоторые переходили к оседлому образу жизни. От Петербурга до Москвы торговали они лошадьми, были кузнецами и лудильщиками, изготовляли циновки и сита, водили на потеху зевакам медведей, ворожили, пели и плясали.

С интересом изучая материалы о появлении цыган в России, мы обнаружили, на наш взгляд, совершенно уникальную и еще не оцененную книгу Т. А. Щербаковой «Цыганское музыкальное исполнительство и творчество в России», выпущенную издательством «Музыка» в 1984 году.

В этой книге есть основополагающая точка зрения: «Вошедшее в жизнь многомиллионной России племя странников не только сохранило типичное в нравах, быте. Цыгане слились с жизнью необъятной страны и восприняли черты ее быта, языка, искусства. Полнее всего это выразила музыка цыган».

А теперь зададимся простым вопросом: донесла ли до нас история имя русской певицы, ну, хотя бы конца восемнадцатого века? Ответ прост — нет. На эстраде русские певицы не выступали. В конце восемнадцатого века популярность цыганского исполнительства волной захлестнула Россию. Первый глава хора графа Орлова старый цыган Илья Соколов был неутомимым собирателем русских народных песен. Соколов рос в этой среде, которая питала его любовью к русской песне, и именно благодаря Илье Осиповичу она в начале XIX века получила новую исполнительскую жизнь. Вот когда началось смыкание культур русской и цыганской!

...История сохранила нам лишь ее имя: Степанида Сидоровна — первая цыганская певица, «несравненная» исполнительница русских народных песен и романсов. Первые упоминания о ней в письмах, дневниках современников появляются в 1800—1805 годах. Меломаны называли ее «русской Каталани», нарочно ездили слушать в Москву со всех концов России. О таланте Степаниды слышал и Наполеон. Он посылал за ней, но безуспешно. Воздействие ее «достигательного», «трогающего за сердце» пения сравнивали с колдовством. Оно рождало высокий душевный подъем, будило неведомые глубокие переживания. Слушать цыганских певиц приезжали многие, их исполнительство признается лучшим в Европе.

И уже другую примадонну, владычицу сердца поэта Языкова, Татьяну Дмитриевну, которой поэт посвятил «Весеннюю песню», «Перстень», «Элегию», одаривает шалью знаменитая Анжелика Каталани, шалью, полученной в награду за пение от самого папы римского. Широко известны и воспоминания цыганки Татьяны Дмитриевны о встречах с Пушкиным...

От их проникновенного пения идут цыганские интонации Рубинштейна, Рахманинова, Гурилева, Булахова, Варламова... Да что там! Только на сюжет поэмы Пушкина «Цыганы» было написано четырнадцать опер! Сохраненные памятью Глинки настроения, характер и стиль пения Степаниды вылились в «цыганской песне» «Ах, когда б я прежде знала».

Но достаточно! «Все в прошлом,— как поется,— оглянешься — больно». Да, больно. Потому как уже в конце девятнадцатого века цыганское исполнительское искусство приобретает славу развлекательности, ублажения толстосумов, на потребу которым для певиц пишутся «жестокие романсы», ничего общего не имеющие с тем драматизмом, коим наполнены были русские романсы и песни времен Ильи Соколова и Ивана Васильева. И даже песня, петая цыганкой Таней Пушкину, «Ах, матушка, что так в поле пыльно...» приобрела необоснованную темповость и неоправданную интонационную легкость. Увы, такой она и прикочевала сегодня в эфир, на подмостки театров драмы...

Судьба свела нас с заведующим редакцией музыки народов СССР Всесоюзного радио А. И. Скаргиным. У него на столе лежала книга Т. Щербаковой, основательно проработанная, вся в пометах. Мы обрадовались, что наконец-то нашелся человек, который впервые задумался: а почему на Всесоюзном радио в картотеке фонотеки нет ни о д н о й русской народной песни, ни о д н о г о романса, исполненных цыганами и так щедро указанных в книге? Куда подевались Стеши, Тани, Любаши? Ведь безграмотные же были, а пели-то как!

Оказалось, что уже второй год не может А. И. Скаргин найти в Москве человека, который бы

взялся за подготовку передачи с возобновлением тех песен и романсов, которые в изобилии указаны преподавателем Минской консерватории Татьяной Алексеевной Щербаковой в ее книге.

Совсем неподалеку от столичных эстрад и театров, в Библиотеке имени Ленина, мы обнаружили настоящий и нетронутый клад! Именно благодаря цыганским исполнителям остались запечатленными, записанными все русские народные песни и романсы, которые не звучали, пожалуй, со времен Ильи Соколова, со времен Стеши и Тани!

В глазах рябило от плотности нот. Мы восторгались фиоритурами — орнаментальными пассажами, украшающими мелодии, которые пели Стеша и Таня. А уж когда глаз коснулся нот песни «Ах, матушка, что так в поле пыльно...», мы поняли, от чего плакал Пушкин. Это была совсем другая песня, такой глубины и такой музыкальной наполненности, что осталось удивляться, как мимо нее прошли и забыли! То же самое произошло и с романсом «Уж как пал туман». В разное время к его обработке возвращался Гурилев. И с очевидным намерением запечатлеть некоторые черты исполнения Степаниды. Почему некоторые? Да потому, что всякий раз менялся характер исполнения. Сиюминутность, отражение внутреннего состояния певицы, эмоциональное заострение, со своей окраской и динамикой, высвечивали то одну, то другую музыкальную фразу, словно в драматической арии. Здесь наиболее ярко проявилась та проникновенность «страстного» пения цыган, которая увлекала слушателя.

Остается сожалеть, что при скудном репертуаре — об этом ныне говорят часто — преданы забвению те русские песни и романсы, которые обогащают певцов правом на импровизацию!

А ведь только за неполный прошлый век было опубликовано около пятисот песен и романсов! Это как раз база развития цыганской темы в русской музыке, но эта база не обрела достойной надстройки. Цыганская тема не получила развития, видимо, задавленная все той же тягой к развлекательности. Поэтому и скудость картотеки на Всесоюзном радио, и полное забвение того, что волновало композиторов от Глинки до Чайковского. Потеряв переплетения и сращивания в корнях национального стиля, русское музыкальное искусство пошло своим путем, цыганское — своим.

Отсюда великое множество цыганских ансамблей с бедным, однообразным репертуаром. Но осталась тяга к цыганскому искусству у нашего слушателя: нет-нет и блеснет то трепетный «рыдающий» напев «Малярки», то глубинное, истинно народное, вызывающее глубокое душевное волнение исполнение «песен из народа». Ярким олицетворением самобытности и эмоциональной, захватывающей интерпретацией народных песен, цыганских, отличается семья Бузылевых. Читатели знакомы с ними по фильмам «Табор уходит в небо», «Рассказы цыгана». Алена Бузылева, дебютировавшая в кино в возрасте девяти лет, сейчас, выражаясь языком прошлого века, могла бы стать примадонной. Но где? В ансамбле, где она поет с неизменным успехом, у нее нет возможности для творческого роста.

Да, сложный это вопрос: где найти певцов? Обратились в театр «Ромэн», ведь он ныне является главной базой цыганского искусства. Увы, нам не могли назвать ни одного певца из театра «Ромэн», который бы справился с этой сложнейшей задачей. Почему сложнейшей? Да потому, что театр специализируется как театр драмы, и за его стенами остались певцы Соня Тимофеева, Нора Иванова, Валентина Вишневская, Рада и Николай Волшаниновы, Василий Туманский, Николай Эрденко.

Мы пытались повести разговор обо всем этом с руководителем театра «Ромэн» Н. А. Сличенко, но разговора не получилось. Как-то странно понял наше желание Николай Алексеевич — «попасть» в театр на спектакль. А чего туда попадать? Если лет десять назад билеты на спектакль в «Ромэн» спрашивали на дальних подступах, то теперь его можно спокойно купить за два часа до начала представления, даже за пятнадцать минут. Стало быть, и с драматическим «уклоном» что-то не в порядке. Но коль скоро нет теперь аншлага — надо ведь задумываться, надо искать пути к обновлению статуса театра. Странным показалось нам и то, что свою дипломную работу в ГИТИСе — спектакль по Ром-Лебедеву «Ехали цыгане» — режиссер Михаил Иванов ставил далеко от родного театра — в Уфе. Спектакль идет в башкирском театре с успехом, но почему не может режиссер в полной мере реализовать свои творческие планы в театре, где он работает? На этот вопрос ответить так же сложно, как и на другой: чем объединить все ансамбли, которые разъезжают по стране и до сих пор являются неучтенными? Если вот так взять и помечтать: а почему бы на базе театра «Ромэн» не создать Государственный ансамбль песни и пляски цыган, возобновив и репертуар времен Ильи Соколова, и традиции связи русского и цыганского искусства, что пошло бы на пользу всей многонациональной советской культуре, повлекло бы за собой стремление к овладению музыкальным образованием. Ведь грустно, что даже многие сегодняшние известные цыганские певицы музыкально необразованны, не знают даже нот и, если им дать романс Гурилева, записанный за Стешей, они его не смогут воспроизвести.

Мы обрадовались тому, с каким энтузиазмом взялись за возобновление репертуара времен Ильи Соколова цыганские певцы Земфира Орлова и Виктор Ездовский. Ведь все их песни и романсы настолько мелодичны, сложны, что любой творчески активный человек не может остаться к ним равнодушным.

Валентина Пономарева, работающая ныне в Росконцерте, идет сейчас именно этим путем — в ее репертуаре цикл старинных русских романсов.

К сожалению, наше телевидение довольствуется эпизодическими передачами с участием цыган. Нет в них глубины — все тот же элемент развлекательности. А ведь у цыган их песня — это жизнь, со всеми ее проблемами и нерешенными задачами. Пора уходить от «сувенирности», пусть методом проб и ошибок, но только не делая вид полного благополучия. Нам думается, именно Центральное телевидение совместно с Министерством культуры СССР могли бы провести смотр-конкурс ансамблей, обобщить то, что сохранило элементы самобытности и национальной культуры. Иначе мы скоро станем довольствоваться шлягерами, исполняемыми куклами в цыганских одеждах.

Тюмень.

ТРОЯНСКИЙ СЛОН

КАЛЕЙДОСКОП

Мих. КОРЧАГИН

ФЕЛЬЕТОН

Соблазнительно пестреют витрины, рекламно улыбаются манекены, и хмурятся продавцы. А по ту сторону прилавка бдит наш рядовой покупатель. Согласно накопленному горькому опыту, последний всегда начеку. Он привередливо вертит в руках «любезно» предложенный товар и, демонстрируя капризно оттопыренную губку, уже в который раз возвращает взбешенному продавцу сделанную покупку.

И нерешительность эта вполне понятна. Уж больно неохота ему после одного опрометчивого шага отираться потом в мастерских или слезно умолять народного умельца дядю Васю избавить купленную вещь от заводского дефекта.

Хотя без разного рода «сюрпризов» жизнь утратила бы, пожалуй, добрую половину своей прелести, став уныло серой. Для некоторых она просто стала бы невообразимо скучной и тривиальной, как трамвай.

ИЗ ПУНКТА «А» В ПУНКТ «Б»...

Ну, представьте, к примеру, что было бы, если бы мотолюбитель А. Агафонов из г. Бологое запросто оседлал только что купленный мопед и выехал из заезженного пункта «А». Уныло тарахтя исправным двигателем, мотолюбитель медленно приближался бы к избитому пункту «Б». Как видите, серая обыденность, никакого вам разнообразия и нечего вспомнить.

Но с мотолюбителем ничего подобного не произошло — задолго до пункта «Б» мопед прощально фыркнул и притих. С этой-то незабываемой минуты августа 1984 года размеренная жизнь инвалида ВОВ А. Агафонова наполнилась особым смыслом. Ныне (два с лишним года спустя) мотолюбителю есть что вспомнить. Хотя бы ту трогательную переписку с администрацией шяуляйского завода «Вайрас», где сработали мопед. Причем мотостроителей не упрекнешь в непочтительности к инвалиду ВОВ. За два года тесной переписки, учтиво расшаркиваясь пером по бумаге, они слезно извинялись «за волокиту», «за причиненные хлопоты» и «за задержку с высылкой двигателя».

При этом они четырежды возвращали якобы исправный двигатель, но желанный пункт «Б» пока оставался недосягаемым, как дно Марианской впадины. Последним традиционно извинился и. о. директора А. Полякус и... выслал бракованный двигатель четвертый раз. В чем инвалид убедился, выехав за околицу пункта «А». Правда, вскоре мотолюбителю крупно повезло: открылся автомаршрут «А—Б», и отчаявшийся владелец мопеда смешался с неунывающей автобусной толпой.

ГЕРЦОГ ЖЕЛТАЯ БОРОДА

Впрочем, мотолюбителю повезло дважды — он не стал еще и владельцем телевизора «Рекорд-ВЦ-311», доставшегося, в свою очередь, калининградцу И. Стоумову из Подмосковья. Последний в момент приобретения аппарата просто утратил покупательскую бдительность.

Опрометчивый И. Стоумов украсил домашний интерьер цветным телевизором. И жизнь на экране вскоре окрасилась перед покупателем в самые фантастические тона. Правда, не вся жизнь, а ее часть, так как в правой части экрана преобладали натуральные тона. Герои же телеэкрана, не ведая, в каком цвете каждый вечер предстают перед Стоумовыми, жили своей тележизнью: фиолетовые спартаковцы в зеленых майках и розовых трусах гоняли мяч по красному полю, синюшный ревнивец Отелло душил Дездемону, а посиневшие от смущения передовые доярки, поглаживая задастых буренок василькового цвета, задушевно беседовали с побуревшими тележурналистами о рекордных надоях.

У обладателя же диковинного телеящика началась своя, лишенная радужных оттенков жизнь. На третий день владелец смотрел на экран, как бык на красное. На день пятый, взбешенный, он ринулся в ближайшее телеателье, где покупку покрыл после двух месяцев солидный слой пыли. Местные знатоки теледел беспомощно разводили руками.

— Брак не нашего профиля...— пожимали они плечами.— Тут мы не специалисты...

Специалисты, как оказалось, жили в далеком городе Воронеже и доблестно перевыполняли план Всесоюзного производственного объединения «Электросигнал» по выпуску цветных телевизоров. И, дабы не отрывать воронежцев от перевыполнения плановых заданий, Стоумов представил их теледетище представителю ВПО в столице тов. Дельцову. Представитель подключил детище к прибору и дал заключение: «Проверен по прибору. Годен к эксплуатации».

Иными словами, прибор такое изображение вполне устраивало. Огненно-рыжие фиалки и багровые дикторши ТЦ ему (прибору) были очень даже по вкусу. А о вкусах, как известно, не спорят. И Стоумов не стал. Посожалев о своем испорченном вкусе, он и по сей день любуется бирюзовыми закатами с васильками цвета хаки.

«МЕНЯЮ СЛОНА НА ДИВАН...»

А вот в каком цвете предстала бы на экране наша читательница из Курска Ф. Ананьева, предположить трудно. Впрочем, как раз ее-то волновало это меньше всего. Иная проблема стояла перед ней. Памятным для нее днем лета сего года в магазине № 9 приобрела она обычный диванчик, названный в кругу покупателей нежно и трогательно. «Слоник» — любовно нарекли они детище Курской мебельной фабрики.

— Слон! — в сердцах вскричала Ф. Ананьева, тщетно пытаясь втащить покупку в свою квартиру через входную дверь.

Но «слон» упирался в дверные косяки всеми четырьмя ножками. В конце концов с помощью веревок и сердобольных соседей слоника впихнули через окно. Обессиленная хозяйка доверчиво опустилась на его обширную спину, не ведая, какой сюрприз притаился под обшивкой.

Правда, в нем не было трех традиционно коварных пружин, притаившихся под ветхой материей и рвущихся на свободу. Все было проще. Когда ночь развесила над городом Курском свою звездную шаль, дивановладелица, проснувшись от удушья, покинула свое новое ложе с резкой головной болью. Вся квартира пропахла резиной. Дивановладелица щелкнула выключателем и вспомнила о вчерашней покупке. Напоминая о себе, на всю квартиру благоухал резиной слоник.

Поутру она, естественно, побывала и в мебельном магазине, и на фабрике. И там, и там забрать слоника назад отказались наотрез. Отчаявшаяся дивановладелица вооружилась пером и поведала редакции о своих сложностях:

«Уважаемая редакция, сейчас живу у соседки. Помогите поменять моего слоника на диван, который не воняет...»

Тут же, откликнувшись на это и другие письма, автор мог бы разразиться гневным моралите в назидание махровым бракоделам. Но, боясь ненароком повторить своих собратьев-фельетонистов в море этой неисчерпаемой и, к сожалению, вечной темы, автор на сей раз даст возможность вывести мораль самим же бракоделам. Для этого упомянутым мебельщикам он всучит тот злосчастный мопед, автомобилестроителей наградит чудо-телевизором, а авторам последнего пожелает приятных сновидений на благовонном диванчике.

— Ай-ай-яй!!! — с гражданским пафосом воскликнут они, разглядывая свои диковинные приобретения.— Как не стыдно... Как же не стыдно гнать эдакий вот брак!..— хором пристыдят они друг дружку.

И будут абсолютно правы!

Евг. ОБУХОВ

СТАРАЯ, СТАРАЯ СКАЗКА...

— Дети, дети, внимание! Все дружненько смотрим на меня! Сейчас мы быстренько возьмемся за руки и парами подойдем вот к этому домику. Это памятник архитектуры, дети! Посмотрим все, какие у памятника обшарпанные стеночки и провалившенькая крыша. Из этого мы все сейчас дружненько сделаем вывод, что памятник — что?.. Правильно, Сергаша, очень старый и очень ценный. Кто мне скажет, дети, он построен до или после эпохи дедушки Крылова, басни которого мы с вами слушали после завтрака? Что ты предполагаешь, Томочка? Да, конечно же, «до»! Еще раз все посмотрим на памятник... Я сказала, все смотрим, а ты куда, Игорек, глядишь?.. Там тоже обшарпанный домик? Это — чего ты говоришь? Дворец Бабы Яги? Не-ет, Игорек, это обычный домик для хороших дяденек и тетенек. А для Бабы Яги и для всех других любимых ваших героев у нас строится детский комплексик с библиотекой и детским кинотеатриком. Они там и будут жить. Кто именно? Не знаю. Кащей Бессмертный наверняка. Вот, кстати, кто мне скажет, дети — внимательно, все сравниваем обычный домик и будущий детский комплексик! — этот жилой домик построен до или после того, как началось возведение комплексика? Нет, нет, трогать домик нельзя, из него может выпасть кирпичик, и будет бо-бо! А в домик еще и не въехали все новоселы — ты думаешь, им будет приятно, если у домика выпадет кирпичик или вообще рухнет вся стеночка? То-то же! Вот вы все, дети, из моих слов теперь поняли, что домик воздвигнут нашим управлением значительно после... Что ты спрашиваешь, Наташенька? А когда начали строить комплексик — до или после того памятничка архитектуры, который мы осмотрели в начале прогулочки? Когда я была маленькая, дети, я тоже задавала такой вопрос своей воспитательнице. Но ее бабушка в то время была уже старенькая-престаренькая и давно уже забыла, что ей, в свою очередь, рассказывала ее бабушка... Поэтому, дети, запомните: не просто так говорится, что архитектура — это застывшая вечность!

Рисунок Э. ДЕСЯТНИК

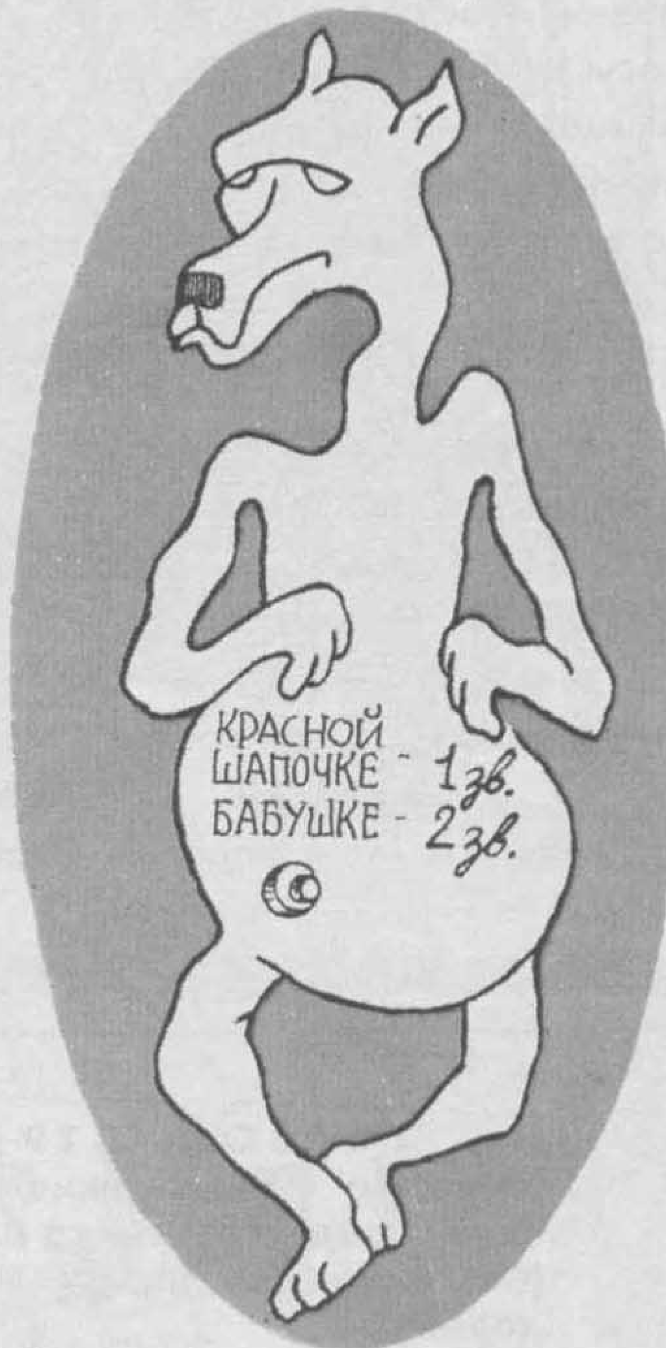
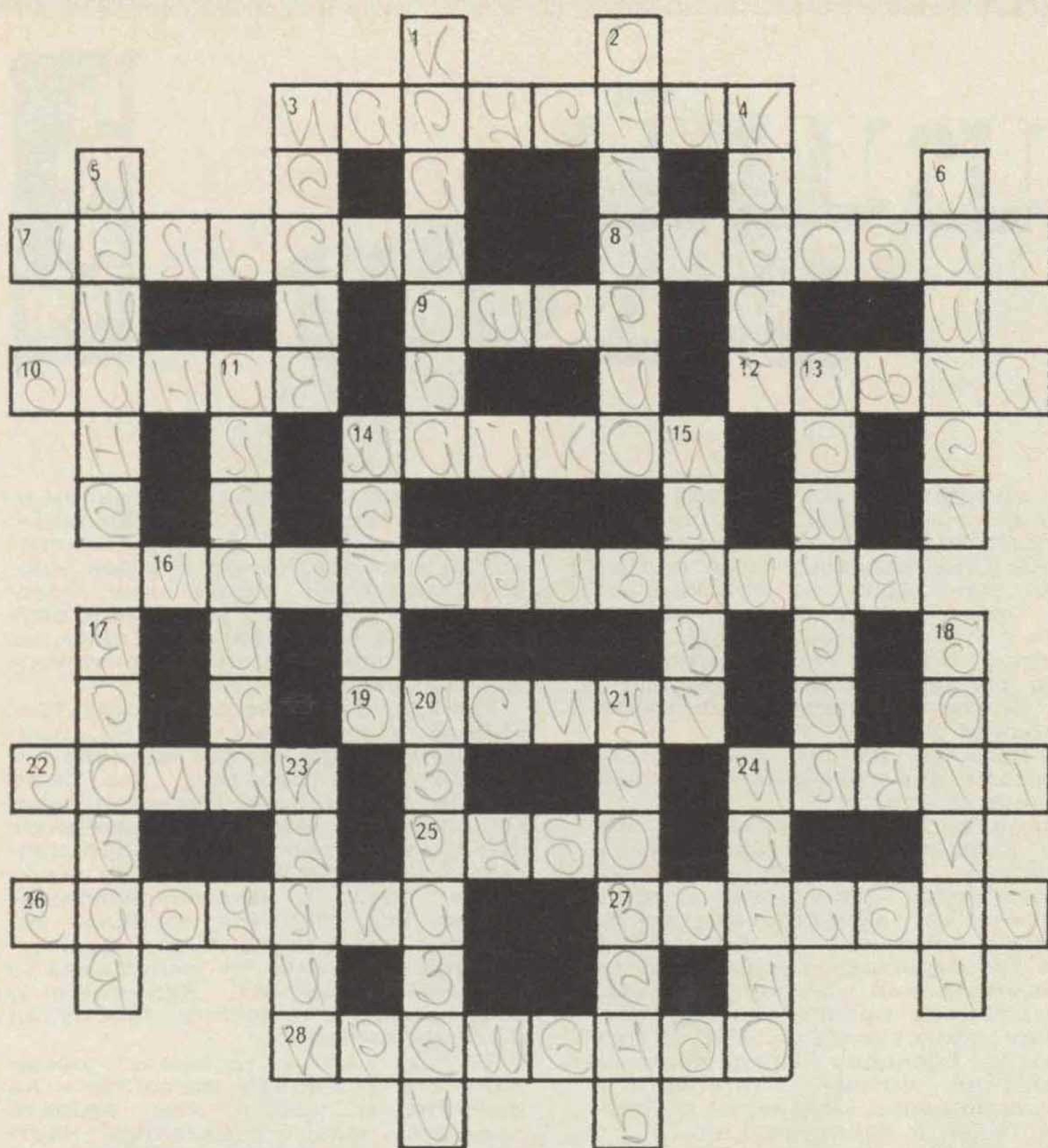

Рисунок Н. КАЛУГИНА

кроссворд

По горизонтали: 3. Крупная океанская промысловая рыба. 7. Шведский астроном и физик, предложивший температурную шкалу. 8. Цирковой гимнаст. 9. Морской рак. 10. Картина Рембрандта. 12. Хлопчатобумажная или шелковая ткань. 14. Центр автономной области в РСФСР. 16. Способ консервирования продуктов. 19. Публичный спор на научные, литературные темы. 22. Украинский народный танец. 24. Народный артист СССР. 25. Живописец, автор панорам «Бородинская битва», «Оборона Севастополя». 26. Болгарский смычковый инструмент. 27. Химический элемент, металл. 28. Постепенное усиление звучности в музыке.

По вертикали: 1. Город в Румынии. 2. Одно из Великих озер в Северной Америке. 3. Небольшое музыкально-поэтическое произведение. 4. Мера веса драгоценных камней. 5. Пьеса М. Горького. 6. Кушанье из протертых мясных, рыбных продуктов. 11. Приток Индигирки. 13. Звание в военно-морском флоте. 14. Способ исследования, осуществления. 15. Римский комедиограф. 17. Героиня пьесы К. А. Тренева. 18. Русский терапевт XIX века. 20. Керамическая облицовочная плитка. 21. Прибор для проверки горизонтальности поверхностей. 23. Небольшая болотная птица. 24. Обрамленная часть стены, потолка с изображением или орнаментом.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 41

По горизонтали: 4. Россыпи. 8. Калиновский. 12. Орбели. 13. «Океан». 14. «Оракул». 15. Дварионас. 17. Терновник. 19. Килограмм. 22. Голомянка. 26. Мулине. 27. Надир. 28. Слиток. 29. Виноградова. 30. Чириков.

По вертикали: 1. Борисова. 2. Эстонец. 3. Описание. 5. Машиностроение. 6. Животноводство. 7. Гуров. 9. Бруни. 10. Метрология. 11. Разводящий. 15. Дрок. 16. Сейм. 17. «Торг». 18. Куба. 20. Ипуть. 21. Монголия. 23. Отрадное. 24. Кроль. 25. Ударник.

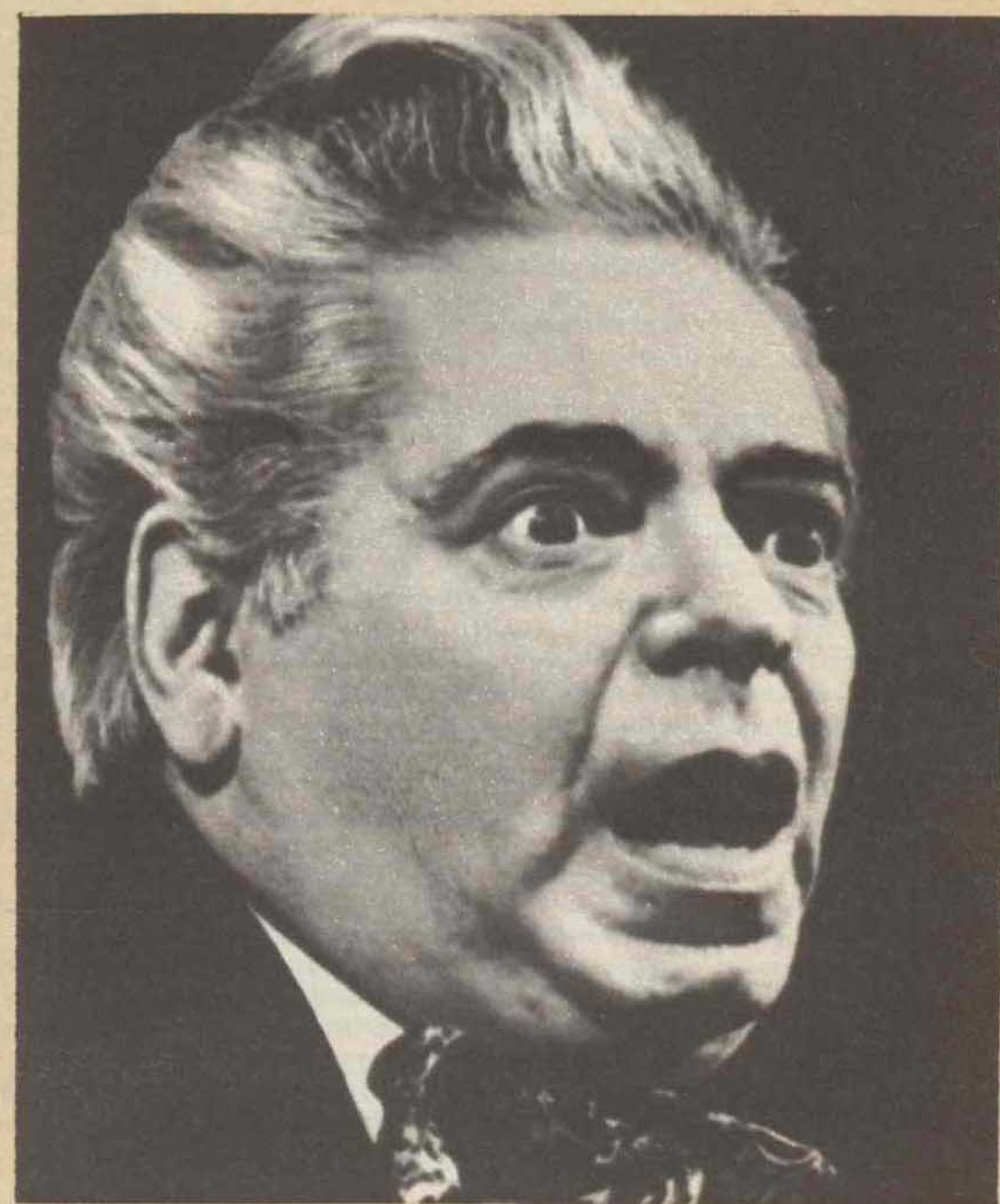
НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ:
Бригадир объединения «Ленинградский Металлический завод» Александр Васильевич Махов.
(См. в номере материал «Вершина, которую ты покорил».)

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

ТАЙНЫ ИНСТРУКЦИИ № 22

«Собеседование в аудитории продолжалось. Вот отвечает, краснея и сбиваясь, на вопросы милая девчушка. Как умно говорит она о детях, знает педагогическую литературу, и трудности профессии ей знакомы — родители учителя и бабушка у нее учитель... Жду, что девушка получит свои три профориентационные балла, которые ей положены, как сказано, «по итогам профориентационного собеседования». Но... Тут-то начинается фантасмагория. Председатель комиссии, глядя куда-то в сторону, произносит: «Согласно инструкции № 22 министерства, мы ставим вам ноль баллов по профориентационному собеседованию и... рекомендуем к поступлению в пединститут!» Как же так? Поставить ноль баллов по профориентации, то есть признать, что человек абсолютно не ориентирован на профессию педагога, и рекомендовать его в институт, который готовит учителей! Это не укладывалось в голове — ведь именно эта абитуриентка показала себя куда лучше в сравнении с теми, кто вышел из аудитории с одним, двумя и даже с тремя баллами. В этом следовало разобраться!»

В одном из ближайших номеров журнала в нашей новой рубрике «Я и семья» вы прочитаете статью, написанную на остроту, злободневную тему академиком АПН СССР **А. В. Петровским.**

ОБ АКТЕРЕ И УЧИТЕЛЕ АРКАДИИ РАЙКИНЕ РАССКАЗЫВАЕТ ГЕННАДИЙ ХАЗАНОВ

«Наконец меня усадили за кулисы, и я стал смотреть спектакль. Ужас заключался в том, что миниатюры игрались при открытом занавесе, а монологи Райкин читал при закрытом: мне ничего не было видно. И тогда первое, что я сделал,— это моментально отдернул занавес и высунул голову. Тут со мной вторично проделали ту же операцию — опять схватили за шиворот и втащили на место. Я стерпел обиду, и, когда закончилось первое отделение и Райкин, выходя со сцены, спросил меня — понравилось ли?— я сказал, что мне очень понравилось, но я вообще ничего не видел. Тогда Райкин распорядился, чтобы на второе отделение меня перевели в оркестровую яму...»

О том, что было дальше и что было до этого, вы прочтете в ближайшем номере.

СКОРО

«Серго, как никто другой, умел находить среди молодежи талантливых людей и доверять им. Достаточно вспомнить Завенягина, он был назначен директором Магнитки в 32 года; Тевосяна, ставшего руководителем объединения «Спецсталь» в 29 лет; Райзера, возглавившего строительные работы по сооружению мартеновских цехов Магнитки. Все они стали впоследствии командирами промышленности. При рассмотрении сложных вопросов Серго стремился сопоставить мнение старых специалистов, которых он уважал, с мнением молодых, сочетал большой опыт со смелостью и энтузиазмом...»

Эти строки вы прочтете в ближайшем номере журнала, в диалоге сестер Елены и Люции Джапаридзе, посвященном столетию со дня рождения Г. К. Орджоникидзе.

ДИАЛОГ О СЕРГО

«ТАБАЧНОЕ ДЕЛО»

●

«Я читал их объяснения и жалобы, и меня аж слеза прошибала от умиления. Боже мой, какие люди! Да их же в президиум сажать нужно, а не в КПЗ, медалями награждать, а не обвинительными приговорами...»

Так начинает свой судебный очерк «Дело — табак» собственный корреспондент «Огонька» по Казахстану Юрий Лушин. Читатель узнает, почему суд не внял слезным объяснениям крупной шайки расхитителей, действовавших в течение долгого времени на Алма-Атинской табачной фабрике и почему члены шайки получили в общей сложности более 150 лет заключения. Воистину: «Воровали — веселились, подсчитали — прослезились...»

ВСПОМИНАЕТ СЕРГЕЙ ОБРАЗЦОВ

В редакцию пришел Сергей Владимирович Образцов и принес небольшой сверток. Когда бумагу развернули, увидели маслом написанную картину.

— Давайте напечатаем ее в журнале,— сказал Сергей Владимирович.— Ведь это этюд молодого Константина Коровина, хороший этюд, и я расскажу о том, что у меня связано с ним.

Публикацией этой картины и новеллы «Вторая премия» мы открываем новую рубрику — «Из частных собраний».

С. В. Образцов передал «Огоньку» и еще одну новеллу. Скоро в «Огоньке» будут напечатаны рассказы, в которых Сергей Владимирович ведет читателей по ступенькам своей памяти.

СКОРО · СКОРО

ОГОНЁК

ДЛЯ ТЕХ НЕМНОГИХ, КТО ЕЩЕ НЕ ПОДПИСАЛСЯ, НАПОМИНАЕМ: ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛ ПРИНИМАЕТСЯ ПРЕДПРИЯТИЯМИ «СОЮЗПЕЧАТИ», ОТДЕЛЕНИЯМИ СВЯЗИ И ОБЩЕСТВЕННЫМИ РАСПРОСТРАНИТЕЛЯМИ ПЕЧАТИ БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ ДО 31 ОКТЯБРЯ.

Рисунок О. ТЕСЛЕРА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663